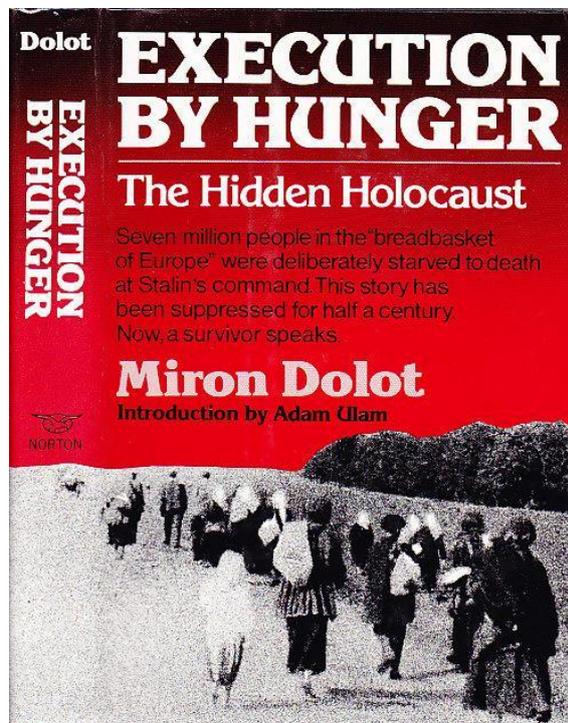

Мирон Долот

Голодомор: скрытый Холокост

Эта книга выдержала несколько изданий на английском языке под названием **«Execution by Hunger: The Hidden Holocaust»** (Убийство голодом: скрытый Холокост). В предисловии к третьему нью-йоркскому изданию написано:

«Это рассказ о Великом голоде, произошедшем в результате сталинской коллективизации украинского сельского хозяйства.

В 1929 году Иосиф Сталин приказал произвести коллективизацию всех украинских хозяйств с целью уничтожения самодостаточных крестьянских хозяйств. В последующие годы жестокая советская кампания конфискаций, террора и убийств распространилась по всем украинским селам. Это привело к нехватке продовольствия. В результате голода целых семь миллионов украинцев умерли от голода - масштабы этой трагедии превышают Холокост

В этой книге пронизательный взгляд одного из чудом оставшихся в живых очевидца повествует о ежедневном противостоянии молодого Мирона Долота отчаянию и смерти; о его беспомощности после ареста друзей и семьи; о постепенном установлении Советами абсолютного контроля над всеми сферами жизни. Кроме того, это история о человеческом достоинстве перед лицом ужаса и унижения. Также эта книга является обвинительным актом периоду советского прошлого и выполняет свою печальную обязанность, чтобы напомнить о безграничной способности человека к жестокости по отношению к своим близким».

Я посвящаю эту книгу
тем украинским крестьянам, которые
были умышленно доведены до голодной смерти
во время голода 1932–1933 годов.
К сожалению, невозможно в полной мере описать и донести
Их невыносимые страдания.

**«Души миллионов убиенных
стучатся в сердце
и обращаются к живым»**

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Политика принудительной коллективизации, начатая в конце 1929 года, призывала всех крестьян к вступлению в колхозы, что крепко привязывало крестьянство к коллективному хозяйству подобно крепостной зависимости, прекратившей своё существование более 70 лет назад. Колхозы были созданы, но не без сопротивления со стороны крестьянства. Крестьяне усиленно противостояли коллективизации. Они держались за свои земельные участки и свою собственность, составлявшие смысл всего их существования, - и эта борьба стала для них вопросом жизни и смерти. Но, не имея оружия, неорганизованные, при отсутствии лидеров, крестьяне не могли противостоять государственной военной машине. Их сопротивление было безжалостно подавлено. Их деревни подверглись разрушениям и обезлюдели. Население вымирало миллионами. Одни были сосланы в концентрационные лагеря или изгнаны из родных мест в богом забытые северные регионы, другие «просто» безвозвратно исчезли. Тем, кому удалось уцелеть, пришлось, сжав зубы, всё-таки вступить в колхозы, чтобы спасти себя и свои семьи. Так завершилась эта битва: крестьяне понесли поражение, а коммунисты одержали победу. Таким образом, всего за несколько лет навсегда оказался погубленным традиционный уклад деревенской жизни.

Голод вспыхнул в Казахстане, на Кубани и в районах, прилегающих к Дону. Но эти воспоминания рассказывают исключительно о голоде на Украине в 1932–1933 годах.

Некоторые считают, что голод на Украине оказался результатом коллективизации. Есть сторонники идеи искусственного провоцирования голода с целью загнать крестьян в колхозы. Наконец, существует мнение, что голод по своей сути стал проявлением геноцида, то есть тщательно выношенного плана по ликвидации украинского народа как нации.

Анализ причин голода выходит за рамки этой книги. Этим должны заняться специалисты. Тем не менее, я полностью убеждён, что этот голод имел политическую и национальную, или вернее, антинациональную основу. Я считаю, что между голодом и политикой национальности существовала прямая связь, особенно на Украине.

Эта книга имеет длинную историю. Первые 24 главы были написаны до 1953 года. Тридцать лет спустя, достигнув семидесятилетнего возраста, многое познав и став более критичным, я решил завершить свой труд и вынести его на суд читателей. Всё это время я находился под впечатлением величайшей человеческой трагедии, непонятой и непознанной ещё многими. Надеюсь, что мне удалось раскрыть суть рассматриваемых событий и сделать правильные выводы.

В истории человечества нет описания подобного преступления по уничтожению целого народа с помощью голода, тем более таким хладнокровным способом. Я обратился к исторической науке на предмет голода в различные эпохи, чтобы сделать сравнение с событиями на Украине. Мне пришлось ознакомиться с историей голода, вызванном неурожаем картофеля в Ирландии в середине XIX века, и трагедиями в Китае и Индии, когда периодически в результате возникавшего голода уносились жизни миллионов людей. Все эти бедствия происходили по естественным причинам, не подвластных воле человека. Это оказывалось результатом неурожаев из-за плохих погодных условий или нашествия растительных вредителей. Так, в Ирландии голод развился из-за неурожая картофеля, являвшегося основным продуктом питания этой страны, а голодные годы в Китае или Индии были обусловлены засухами или перенаселением в определённых районах.

Но голод на Украине в 1932–1933 годах стал голодом политическим. По словам Малкольма Маггериджа, ставшего свидетелем этого голода, «Это было целенаправленным созданием бюрократического мозга». В действительности, это оказалось геноцидным голодом, применённым руководством коммунистического государства с целью подчинения украинских крестьян.

Голод 1932–1933 годов в Советском Союзе целиком игнорированное, умалённое, неверно истолкованное и искажённое событие. Даже в наши дни советская историческая наука отрицает существование этого факта.

В этой книге я рассказал, что происходило в моей родной деревне между 1929 и 1933 годами. Всё, о чём я говорю, имело место в действительности. Хотя запись разговоров и выступлений не воспроизведена дословно, но они точно отражают, что было сказано в конкретных условиях. Я привожу их по памяти.

Некоторые читатели могут усомниться, как мне удалось восстановить столько событий в деталях, спустя много лет. На самом деле, в этом нет ничего удивительного. Прежде всего, невозможно изгладить из памяти травму и трагедию своей жизни, как не старайся. Во-вторых, нельзя забыть подробности борьбы за собственное выживание. Это было время, когда всё население Украины жило от одной компании, проводимой государством, до следующей, от одного выступления вождя до другого, от одной партийной резолюции до другого, от одного государственного указа до другого, и, наконец, от одного колхозного или заводского собрания до следующего. Я не могу всего этого забыть. Подробности и даты, приведённые в книге, были тщательно сверены с советскими газетами того времени.

Моим читателям я должен пояснить, что Мирон Долот — это мой псевдоним, под которым я публикую свои статьи и книги в США, Германии и Швейцарии.

Предисловие переводчика

Теперь, по прошествии 70 лет со времён Голодомора, конкретные виновные пытаются взвалить всю вину на Сталина. Однако доподлинно известно, что за Голодомор отвечают те же самые люди, которые сделали и революцию в 1917 году — это был международный организованный иудаизм. 99.9 % старых большевиков были людьми одной определённой национальности — евреями, независимо какими, русскими, украинскими, литовскими, латышскими, польскими, немецким или вообще американскими. Существует справочник, который называется «Who's Who in American Jewry», «Кто есть кто в Американском еврействе». В этом справочнике на странице 556, Лев (Лейба) Троцкий, указывается как американский еврей и гражданин имеющий американский паспорт. В этом же справочнике, на странице 673, министр иностранных дел СССР Максим Литвинов указывается как американский еврей, имеющий настоящую фамилию Финкельштейн, при этом товарищ министр почти не разговаривал по-русски. И таких должностных лиц, не разговаривающих по-русски, не говоря уже об украинском, было тогда очень много, их всех выдавали за «прибалтов».

Конкретным лицом, который по указанию международного иудаизма развернул операцию «Голодомор», был Лазарь Моисеевич Каганович, теновой диктатор СССР. Правой рукой Кагановича, который осуществлял Голодомор конкретно на Украине, был Мендель Маркович Хатаевич, член ЦК ВКПб и Второй Секретарь ВКПб на Украине, который непосредственно отвечал за уничтожение населения Украины. Необходимо отметить, что задачей «каганистов» было именно физическое истребление населения Украины и юга России, а не проведение некой «коллективизации». Об этом говорит и книга, где показано, что начали «каганисты» Голодомор под лозунгом коллективизации, а когда всех коллективизировали, то продолжили Голодомор под предлогом обеспечения заготовок зерна. В настоящее время, после развала СССР, их преемники тоже проводят голод на Украине, но уже под лозунгом приватизации и демократизации. Им лозунги безразличны, им важно только чтобы процесс уничтожения шёл в максимальном режиме.

Сталину, занятому отражением постоянных атак троцкистов, было неизвестно состояние дел на юге России и Украине, троцкисты держали его в абсолютном неведении и поворачивали всю информацию с ног на голову. Однако когда до Сталина начали доходить некоторые слухи, то в марте 1930 года он издал знаменитое постановление о перегибах. По ходу книги вы увидите, что это постановление приостановило процесс массового убийства крестьян. Без этого постановления Сталина, выжить бы не удалось никому ещё в 1930 году, «каганисты» не ждали голода, они тотально конфисковывали имеющиеся продукты у населения, практика — неизвестная в мировой истории даже на оккупированных в войну территориях. Через 10 лет даже немецкие оккупанты не делали этого на той же Украине. Именно Сталин расстрелял Хатаевича в 1937 году, когда смог добраться до людей, сотворивших геноцид в России и на Украине. Голодомор на Украине, Кубани и Поволжье являлся всего лишь продолжением такого же Голодомора,

устроенного теми же, но тогда ещё относительно молодыми большевиками, в 1917–1922 годах. Почему такая не любовь к югу России?

Существует негласное указание международного иудаизма освободить Юг России и Украины для предполагаемого там будущего хазарского государства, поскольку евреи разновидности ашкенази, в отличие от сефардов, считают своей исторической родиной именно Юг России и Украины и бывший хазарский хаганат. Особенное внимание отводится полуострову Крым, из которого коренное население было вообще насильно выселено в то же самое время, и с той же целью, теми же самыми людьми. Только Отечественная война и необходимость защиты своих завоеваний от немцев сбила все карты «каганистов» и остановило попытку создания хазарского хаганата на Украине и юге России ещё в те годы. Однако превращение Украины и юга России в другую Палестину началось, и в настоящее время, после развала СССР, вспыхнуло с новой силой.

Необходимо смотреть шире и видеть, что международный иудаизм в то время осуществлял попытки массового геноцида не только на Украине и юге России, но и в других странах. Десять лет, как закончилась массовая, грандиозная и беспорядочная резня населения царской России. Затем были незаконченные попытки в Германии и Венгрии. Однако в 20е годы массовый геноцид удался в Мексике. В 30-е годы массовый геноцид удался в Испании. Предполагались перевороты под названием мировой пролетарской революции в Германии и Америке. Однако в СССР, под надёжным прикрытием центрального иудейского бюрократического аппарата, «каганистам» удалось почти полностью осуществить уничтожение гражданского населения Украины и юга России. При этом, уничтожение украинцев свалили на «москалей», а уничтожение русских свалили на Сталина. По ходу книги вы увидите, что все уполномоченные, проводившими геноцид в жизнь, были людьми одной определённой национальности. Революция в России была классовой только со стороны истребляемых, но со стороны истребителей, революция была сугубо национальной. Эти лица, которые уничтожают всех и вся, никогда не делают этого под истинными лозунгами, но только всегда прикрываясь благом всего человечества в целом, или благом самих же уничтожаемых. Кроме этого, они умело используют других для исполнения своих целей. В книге, например, отмечается, что все солдаты, участвующие в операциях, были из Средней Азии. Война в Ираке и Афганистане тоже совершается этой же самой международной мафией, чужими руками и под лозунгами блага самих же уничтожаемых — это типичный подчёрк этой интернациональной, космополитической мафии — организованного иудаизма.

Глава 1

Я вырос в обычном украинском селе Черкасского уезда, удалённой от столицы Украины, Киева, на сотни километров. Деревня раскинулась на северном берегу реки Тясмин, одного из многочисленных притоков Днепра. Место было очень живописным. На юге за рекой возвышались зелёные холмы, а на севере протянулись бескрайние чернозёмные просторы. Они были исчерчены полосами распаханых полей. Каждую весну и лето километры колосющейся пшеницы скрывали эти полосы. Волны тяжёлых колосьев, зелёных весной и золотистых летом, пробегали по полям при дуновении лёгкого летнего ветерка. После сбора урожая земля опять обнажалась, словно оплакивая потерю своей былой красоты. К концу года наступал новый цветовой цикл, белоснежный, и горизонт сливался с серо-голубым морозным небом.

Наше село было большим: в нём насчитывалось около восьмисот дворов, и проживало почти четыре тысячи человек. В центре стояли общественные постройки: церковь, школа, торговая лавка, здание местного управления, почта и дом врача, где он жил и принимал больных. Центральная площадь села служила местом игры детворы, здесь люди встречались и обсуждали свои проблемы, здесь же располагался и базар.

Традиционно в украинских сёлах и деревнях крестьянские хаты стояли рядом друг с другом. Улицы без тротуаров не имели названий, но каждому дому присваивался номер. Главная улица проходила через всё село и соединяла его с внешним миром.

Наши хаты имели простое убранство и не отличались сложностью постройки. Они возводились из грубо отесанных балок и брусьев, которые обмазывались глиной, и имели крышу, обычно покрытую соломой. Жестяная крыша считалась признаком достатка, и я могу вспомнить только несколько таких крыш в нашем селе. Большинство хат имело только одно просторное помещение внутри, служившее одновременно для многих целей, в том числе, для приготовления еды и для сна всей семьи. Деревянные полы были редкостью, как и стены, они выкладывались из глины. Но, не смотря на простоту жилища и условия жизни в них, они содержались в чистоте и уюте.

Рядом с каждой хатой имелся сад с огородом, росли фруктовые деревья, а на подворье содержались куры, гуси и утки. В хлеву держали лошадь, одну или две коровы и несколько свиней. На крыльце или около ворот обычно отдыхала собака.

В нашем бедном и перенаселённом селе только несколько крестьян имело более чем двадцать гектаров земли. Хотя и бедные, но селяне не считали себя Богом забытыми людьми. После изнурительного рабочего дня весной и летом молодёжь собиралась на околицах и танцевала, пела и играла в игры далеко за полночь. Семьи ходили друг к другу в гости, навещали друзей или проводили время в кругу семьи, сочетая приятное времяпровождения с изобилием еды и питья. Хотя это и было запрещено, но селяне обычно гнали собственный самогон.

Наше село жило одной жизнью. Было принято оказывать помощь соседям по хозяйству или в случае каких-то несчастий, а по вечерам после работы собираться вместе. Иногда на такие мероприятия приглашали музыкантов, танцевали, ели и пили до самого утра.

Нас ничего не связывало. Любой был свободен уехать из села в поисках работы. Мы ездили в большие города и близлежащие населённые пункты на свадьбы, ярмарки и похороны. Никто не спрашивал у нас документов и не задавал вопросов о целях наших поездок. Мы были свободными людьми.

Гостеприимность была в почёте. Все, приходившие в наш дом, встречались как желанные гости. Мы могли жить впроголодь, но всякого пришедшего потчевали всем, чем могли.

Несмотря на бедность и лишения, мы не знали чувства страха. Днём никто не запирали свой дом на замок. Старики и молодёжь, чей путь лежал через наше село, не боялись нападений или преследований.

Приближение зимы всегда ожидалось с большой радостью. Мне даже кажется, что чем суровее была зима, тем больше было веселья, особенно среди нас, детворы. Не было конца катанию на коньках, лыжах и санках. Крепкий мороз, глубокий снег и метели создавали условия для отдыха крестьянам и были предвестниками хорошего урожая на будущий год. Короткие зимние дни и долгие холодные ночи заставляли нас проводить большую часть времени в доме. Никто не мёрз, потому что у каждого было припасено достаточно дров. После завершения работ по дому и в хлеву мы собирались в доме и занимались чтением, писанием или рассказывали друг другу истории, играли в игры, пели и танцевали.

В 1929 году появились слухи, что Коммунистическая партия и Советское правительство постановили провести коллективизацию всех крестьянских хозяйств. Фактически, объединения под названиями ТОЗ, артели, коммуны и совхозы уже существовали долгое время. На самом деле, за исключением совхозов и коммун, эти объединения не являлись коммунистическим изобретением, а были известны в дореволюционное время. Они возникли как добровольные крестьянские товарищества. Основными стимулами этих организаций стали защищённость от конкуренции, возможность получать государственные кредиты и существенная помощь в обеспечении сельскохозяйственным инвентарём и семенами. На Украине существовало два вида сельскохозяйственных кооперативов (объединений): ТОЗ — Товарищество по Обработке Земли, и артель. Только труд и земля, или её часть, а также тяжёлая сельскохозяйственная техника были коллективными. Домашний скот, жильё и даже часть земель находились в личной собственности крестьян. Это была свободно организованная ассоциация, из которой любой её член мог беспрепятственно выйти.

Артель представляла собой группу людей, занимавшихся одним ремеслом и объединённых в кооператив по производству конкретной

продукции. Сельскохозяйственные артели состояли из крестьян, решивших объединить свои земельные участки, инвентарь, лошадей и совместно заниматься выращиванием урожая. Их работа оплачивалась в зависимости от вложенного в общее дело труда. Каждый член артели имел право содержать собственный дом, корову, овец, коз, свиней и домашнюю птицу. Во время полной коллективизации в Советском Союзе артель стала прообразом того, что сегодня известно как коллективное хозяйство.

Сельскохозяйственные общины, которые по коммунистической теории представлялись наивысшей формой организации внегородской жизни и труда, начали возникать во время периода Военного коммунизма (в годы Гражданской войны 1918–1921 гг.). Обычно они организовывались на территории бывшей помещичьей усадьбы. Сельскохозяйственные общины (коммуны) имели в своей основе не только коллективное ведение хозяйства, но и обобществление всех сторон жизни, в том числе общих домов, столовых, детских садов и яслей и т. д. Члены этих коммун были лишены права на частную собственность, за исключением самых необходимых личных вещей. Коммуны получали большую поддержку со стороны Коммунистической партии и правительства, но, тем не менее, они были обречены на неудачу. Они или распускались, или, что имело место в большинстве случаев, преобразовывались в государственные хозяйства — совхозы.

Совхоз представлял собой государственное предприятие с привлечением наемных рабочих, получавших регулярную зарплату. Сельскохозяйственные рабочие, занятые на таком предприятии, не были крестьянами в полном смысле этого слова. Они были лишены права голоса при распределении дохода от продажи произведённой продукции и участия в вопросах управления.

Все эти коллективные хозяйства организовывались на добровольной основе, исключавшей какое-либо давление. На самом деле, крестьяне часто становились свидетелями краха этого вида хозяйства и смеялись над попытками коллективизации. Зачем же правительству было повторять свои ошибки? Но их смех оказался преждевременным.

Где-то в конце декабря 1929 года, когда слухи о принудительной коллективизации стали реальностью, в наше село прибыли какие-то люди. Мы вскоре узнали, что они являлись официальными представителями Коммунистической партии и Советского правительства. Они имели поручение организовать в нашем селе колхоз.

Эту группу из десяти человек возглавлял «двадцатипятидесятничник». Остальные именовались агитаторами. Эти названия были непривычными для нашего слуха, но понадобилось совсем немного времени, чтобы мы поняли их значения.

Для выполнения всеобщей коллективизации ЦК Коммунистической партии призвал двадцать пять тысяч наиболее активных и преданных своих членов по всей стране. Поэтому этих коммунистов стали называть «двадцати пяти тысячниками». Мы упростили это название до «тысячников». После

короткого инструктажа по методам коллективизации эти «тысячники» были направлены по разным регионам. Для обеспечения эффективности в их работе им давались практически неограниченные полномочия. Они подчинялись непосредственно ЦК Коммунистической партии Украины.

Каждый «тысячник» сопровождался группой агитаторов. Они выбирались в каждом районе из числа коммунистов или комсомольцев.

«Тысячник» и его агитаторы были людьми, прожившими свою жизнь в городах — профессора, учителя и заводские рабочие. Когда они приехали в наше село, то некоторые из них пытались завязать разговоры с мимо проходящими селянами. Другие просто прогуливались по округе, с любопытством разглядывая всё и всех, словно они раньше никогда не видели деревни и её жителей.

Их внешний вид забавлял нас. Незагорелые, бледные лица и городская одежда никак не вязалась с деревенской средой. Осторожно ступая, стараясь не испачкать свои начищенные ботинки, они выглядели настоящими пришельцами среди нас.

Хотя они демонстрировали интерес и энтузиазм к их новому окружению, им не удалось скрыть презрение к деревенской жизни. Селяне посмеивались над «городскими», и спустя несколько дней эти незнакомцы стали «героями» многих забавных историй.

Нашего «тысячника» звали Цейтлин, точнее — товарищ Цейтлин. Хотя он пробыл в нашем селе несколько месяцев, мы так и не узнали его полного имени. Товарищ Цейтлин являлся для нас скорее олицетворением режима, чем просто человеком. Нам стало известно, что он прибыл из Киева, и что он вступил в партию ещё до революции. Хотя его прежняя профессия осталась для нас загадкой, было ясно, что он мало разбирался в вопросах сельского хозяйства. Никто не мог определить его национальность. Он немного говорил по-украински, но было очевидно, что он не из наших краев.

Товарищ Цейтин был небольшого роста с огромной головой на узких плечах. Мы никогда не видели его улыбающимся. Казалось, что он всегда поглощён в какие-то проблемы. Он редко разговаривал, а когда и говорил, то только официально и партийными штампами. Лишь иногда он здоровался с селянами, да и то небрежно.

Все партийные и государственные представители, прибывшие в наше село, имели разные виды оружия, обычно скрытое от посторонних глаз. Но товарищ Цейтлин, очевидно, не догадывался о своей популярности в нашем селе и всегда открыто носил наган на поясе. Без всякого промедления он вступил во власть. С первого же дня своего прибытия он начал обходить хату за хатой. Эти визиты породили много историй. Один забавный случай был особенно популярен: рассказывали, что при осмотре крестьянской конюшни кобыла махнула хвостом и оставила на его лице следы навоза. «Фу, проклятая корова!» — прорычал он сердито и пнул кобылу ногой. Кобыла

ответила тем же, и крестьянину пришлось помочь товарищу Цейтлину подняться на ноги.

Ретивость кобылы отпугнула его от дальнейшего осмотра. В загоне для телят он «загладил» свою ошибку. Видимо, желая убедить крестьянина, что он не боится животных, подошёл к телёнку. «Какой прекрасный жеребёнок!», — воскликнул он.

Крестьянин оказался тактичным человеком, и, не осмелившись поправить своего гостя после первой промашки, на этот раз вежливо заметил: «Это не жеребёнок. Это телёнок, детёныш коровы. Жеребёнок — это детёныш лошади». Товарищ Цейтлин резко возразил: «Жеребёнок или телёнок. Какая разница! Мировая пролетарская революция не пострадает от этого».

Последняя фраза была его любимым выражением, хотя тогда мы ещё не понимали, что это значит. Но нас позабавило незнание представителя партии и правительства разницы между лошадьми и коровами.

Однако товарищ Цейтлин хорошо знал свою работу. Он также знал, как выполнять инструкции партии. В то время, когда селяне забавлялись историями о недалёкости товарища Цейтлина, в центре села проводилась оживлённая работа. Туда по вызову являлись определённые крестьяне, что вселяло в нас любопытство и страх. Почти каждый день на селе появлялись новые незнакомцы, чаще всего — в офицерской в форме. Мы часто видели «тысячника» в окружении агитаторов и незнакомцев, инспектирующего дома.

Однажды прибыла команда телефонистов и быстро провела телефонную линию между нашим селом и районным центром. Только несколько селян знало, что такое телефон, но даже они не могли предположить назначение телефона в нашем селе. Новые должностные лица не преминули указать на это событие, как на символ величайшего прогресса на селе под руководством Коммунистической партии.

Глава 2

Совсем недолго стратегия товарища Цейтлина оставалась для нас загадкой. Первое происшествие случилось морозным ранним январским утром 1930 года, когда жители нашего села ещё спали. Было арестовано пятнадцать человек. Говорили, что чекисты прибыли в село ночью и, затолкав с помощью местных властей арестованных в свой воронок, исчезли ещё до пробуждения села.

Среди арестованных оказались наиболее известные жители села: школьный учитель, работавший в селе с дореволюционного времени; член местного Совета, влиятельный и пользовавшийся всеобщим уважением человек, разбиравшийся в юридических вопросах; и владелец местной лавки. Остальные были обычными крестьянами с хорошей репутацией. Никто не знал, за какие преступления их арестовали и куда отвезли.

Это пугало. За одну ночь мы лишились лучших людей. Крестьяне, в большинстве своём неграмотные и невежественные, стали, следовательно, более беззащитными и уязвимыми.

Почти сразу же семьи арестованных крестьян были выгнаны из своих домов. Я оказался свидетелем несчастья одной такой семьи. Мы жили недалеко от одного из арестованных, Тимиша Запорожца, которого мы, дети, звали дядей Тимиш. Около полудня в его хату заявила группа представителей власти. Жене дяди Тимоша было объявлено, что поскольку её муж оказался «врагом народа», всё его имущество должно быть немедленно конфисковано и передано в собственность государства. Женщина, сильно расстроенная и не понимавшая, что происходит, пыталась спорить с ними. Она спросила, какое преступление против людей совершил её муж, что его объявили врагом народа. Но чиновники не были расположены к обсуждению этой темы. Они повторили приказ освободить дом. Её разрешили взять только одежду для себя и детей. Всё остальное должно оставаться на месте.

Только теперь несчастная женщина поняла, что происходит. Со слезами на глазах она умоляла их разрешить ей остаться с детьми в доме ещё на одну ночь, чтобы собрать нужные вещи. Но все уговоры были напрасны. Они опять повторили приказ. Женщина потеряла сознание и упала на пол. Её дети начали плакать. Главный в группе приказал поднять её с пола и вынести в сани, стоявшими уже наготове у дома на улице. В этот момент она пришла в себя и, рыдая, сказала, что ей некуда ехать. В этом доме, построенном ей самой, мужем и детьми, она прожила много лет.

Но слёзы и мольбы не помогли. Представители власти велели ей поторопиться. Один из них взял её за плечи. Закричав, женщина вырвалась. Тогда они схватили её, она сопротивлялась и рвала на них волосы. В конце концов, её выволокли из дома и бросили в сани. Пока двое мужчин удерживали её, детей вынесли на улицу. Какие-то их вещи швырнули на сани, и они тронулись с места. Всё ещё удерживаемая двумя «товарищами», жена дяди Тимиша и его дети, причитая и крича, исчезли в зимней мгле.

Позже мы узнали, что их увезли на железнодорожную станцию и погрузили в специальный товарный состав, отправившийся на север. Та же участь постигла и других арестованных людей. Больше мы о них ничего не слышали.

Спустя несколько дней после этих событий нас собрали на митинг. Он проходил в доме того же Тимиша Запорожца. Всё в доме подверглось перемене. Стены оказались снесёнными, и трёхкомнатный дом превратился в большую казарму с грубо отёсанными скамейками. Нам стало понятно, что Тимиш пал жертвой собственного дома. Представители власти арестовали его только потому, что им нужно было большое помещение.

На этом собрании нас оповестили, что на селе теперь будет новое начальство. На первых порах это сообщение не вызвало никакого

беспокойства. Просто предполагалось разделить наше село на отдельные секторы, названные Сотнями, Десятками и Пятёрками.

Я в то время был мальчишкой и не интересовался последствиями такого деления. Только позже я осознал, какой неизбежной ловушкой стала новая система руководства. Благодаря этому разделению «тысячник» и его сподручные оказались способными установить беспредельный контроль над селом. Более того, теперь он мог обнаружить и уничтожить любое сопротивление партийной политике, и, следовательно, быстро провести коллективизацию всего села.

Наше село состояло из почти восьмисот дворов и четырёх тысяч жителей. Его разделили на восемь Сотен, восемьдесят Десятков и сто шестьдесят Пятёрок, в целом, 248 подразделений. Поскольку каждое подразделение возглавлялось представителем сельского Совета, то на селе стало насчитываться 248 чиновников — представителей власти. Кроме того, к каждой Сотне был приписан пропагандист, а к каждой Десятке и Пятёрке — агитатор. Таким образом, число должностных лиц удвоилось и дошло до 496. Помимо всего этого, при каждой Сотне формировалась Хлебозаготовительная Комиссия.

Эти комиссии рассылались по всем деревням и сёлам Украины. Сначала в каждом селе была только одна комиссия. Но уже при первых шагах коллективизации такая комиссия прикреплялась к каждому сельскому подразделению, например, к каждой Сотне. Контролируемые Коммунистической партией, эти комиссии организовывались с единственной целью: конфискации собранного урожая. Позже, когда была провозглашена установка на полную коллективизацию и «ликвидацию кулаков как класса», эти комиссии превратились в основную силу по организации коллективных хозяйств и экспроприации кулаков. Фактически, они стали деспотическими правителями на селе.

Эти новые хлебные комиссии состояли из десяти или более человек, увеличивая численность местных представителей власти до 576. Наконец, было ещё три постоянных выконавца, местных милиционеров, для каждой Сотни, общим числом двадцать четыре человека. Они являлись важными представителями власти и имели право арестовывать людей без всяких юридических формальностей. В целом на селе появилось 600 представителей власти, или 75 управленцев на каждую Сотню. Таким образом, каждое подразделение из ста дворов контролировалось 75 человеками. Если сюда присоединить 35 членов сельского Совета и 17 колхозных чиновников, то это число станет ещё больше. На самом деле, у нас на селе имелось 652 активных исполнителей власти. Другими словами, на шесть жителей приходилось по одному управленцу.

Большинство должностей было поручено обычным крестьянам, и тем самым, они сами оказались в двусмысленной ситуации. Они ненавидели идею коллективного хозяйства, и в то же время сами стали инструментом по её осуществлению. Они должны были выполнять свои обязанности как

солдаты. У них не было другого выбора, кроме как подчиняться приказам. Любой член такой организации считался представителем власти, независимо от того, был ли он прислан правительством или являлся местным жителем. Титул «представитель власти» значил очень многое, поскольку давал практически неограниченные полномочия его обладателю. Таким образом, обычный житель старался избегать даже малейших контактов с местными властями, в то время как служение им давала ему громадные преимущества.

Простой крестьянин становился одним из представителей власти сразу же после вступления на должность члена комиссии, комитета или какого-то вида бригады, созданных для официальных целей.

Согласно коммунистической концепции, быть представителем советской власти считалось почётной обязанностью. Отказ служить этой власти означал предательство — самое тяжкое преступление. Каждый отказавшийся от должности или сопротивлявшийся властям подвергался тяжёлому наказанию как враг народа. Эта политика внедрялась с такой жестокостью, что только очень немногие осмеливались не принять новой должности или открыто противостоять власти.

Чтобы выслужиться перед государством представители власти должны были стараться во всю. Любой промах мог быть истолкован как отказ подчиниться партии и правительству. Поскольку их основной задачей была коллективизация и сбор сельскохозяйственной продукции, то они должны были коллективизировать самих себя и отдавать свою продукцию.

Раньше на селе имелось только одно начальство — Сельский Совет, выбираемый на общем собрании с одновременным избранием председателя Совета и секретаря. В то время такие организации как Коммунистическая партия и Комсомол ещё не играли важной роли в административной жизни деревни, и членство в этих организациях было большой редкостью в нашем селе.

Однако с развёртыванием коллективизации эта система самоуправления была ликвидирована. Общая деревенская сходка и сельский Совет лишились своей силы в пользу коммунистической партии, членство в которой стало возрастать среди сельских жителей. Организация коммунистической партии, подменив собой сельский Совет по всем вопросам, стала хозяином села, диктуя свои решения на общем собрании его жителей. В результате, общее собрание превратилось в послушную марионетку компартии. То же произошло и сельсоветом. Только коммунисты и комсомольцы или люди с несомненной преданностью партии и правительства имели право быть избранными или назначенными на ответственные должностные посты.

Вскоре после появления нашего «тысячника» в селе возникли две новые организации: Особый Отдел и Рабоче-Крестьянская Инспекция. Обе стали наводить ужас на жителей села.

Особый Отдел был составной частью ГПУ. Официально его представлял только один человек, занимавший кабинет в сельсовете и всегда одетый в полную форму ГПУ. Всё, что происходило за его дверями, а также имена его секретных агентов, оставались для нас загадкой. Однако считалось, что в каждую Сотню был внедрён один осведомитель, информировавший ГПУ о каждом жителе села конкретной Сотни.

Рабоче-Крестьянская Инспекция представляла собой местную форму одноимённого Комиссариата. Позже это стало называться Комиссией Государственного Контроля. Задачей Инспекции была проверка работы государственных организаций и выяснения преданности их работников. С провозглашением полной коллективизации партия и правительство уполномочило этот Комиссариат полностью контролировать эту политику.

Рабоче-Крестьянская Инспекция также была представлена в нашем селе одним человеком. Конечно же, он был приезжим. Для помощи ему была создана комиссия из пяти человек. У него имелись свои секретные осведомители, шпионившие за местными представителями власти. Когда он обнаруживал «несогласие», он возлагал на себя роль судьи и выносил окончательное решение.

Для выполнения решений по коллективизации партия и правительство мобилизовали все свои центральные и местные силы. Они вовлекли целиком всю партийную пропагандистскую машину, все вооружённые силы, секретную и гражданскую милицию, то есть практически все организации и государственные институты. Комсомольцы, пионеры и комнезамцы стали наиболее активными и эффективными средствами в руках местных коммунистов.

Комсомол — это коммунистический союз молодёжи, созданный в 1918 году. Молодёжь в возрасте четырнадцати — двадцати шести лет могла стать членом этой организации, а в будущем — членом Коммунистической партии. Таким образом, в системе советской политической иерархии комсомол занимал второе место. Под руководством коммунистов эти молодые люди оказались самыми исполнительными и неукротимыми в нашем селе. Их ответственность и занимаемые должности уступали только коммунистам. Главой комсомольской организации был кандидат в члены партии, присланный в наше село из районного центра.

Пионерская организация была организацией для детей в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Пионеры выполняли функцию осведомителей и помощников. Хорошо известный случай с Павликом Морозовым служит примером того, как компартия и правительство использовали детей в своих целях. Сын бедного крестьянина, Павлик Морозов, жил в далёкой уральской деревне. Четырнадцатилетний школьник прославился за одну ночь на весь Советский Союз, донеся властям на своего отца и некоторых соседей о том, что они прячут продукты для его же семьи. Все эти люди, включая его собственного отца, были арестованы и бесследно исчезли. Павлик был убит возмущёнными жителями деревни, в числе которых был и его родной дядя.

Павлик Морозов стал национальным героем. Его именем называли деревни, организации, улицы и воинские части. Историю его жизни и «подвига» навечно занесли в энциклопедии и словари.

Таким образом, партия поощряла детей, особенно пионеров, следить за своими родителями и доносить на них или кого-то другого, кто не хотел подчиняться партии. Такое предательство считалось героическим поступком и ярким проявлением советского патриотизма.

Комнезём — сокращённое название Украинского Комитета незаможных селян (Комитета крестьянской бедноты). Такие комитеты впервые возникли в России летом 1918 года по инициативе местных партийных организаций. В них вошли беднейшие крестьяне и сельскохозяйственные сезонные работники, и назывались они Комбеды. На Украине эти комитеты, Комнезёмы, появились в мае 1920 года, когда коммунисты захватили Украину в третий раз. Если в России Комбеды были распущены ещё в ноябре 1918 года по решению Четвёртого Всесоюзного Съезда Советов, то на Украине такие комитеты просуществовали до 1933 года и стали самым эффективным инструментом агрессивной коммунистической политики в украинских деревнях. Комнезём стал важной принадлежностью каждого украинского селения. Его назначение было двояким: проведение революционных преобразований в деревне и обеспечение поставок государству сельскохозяйственной продукции. На Украине коммунисты ещё использовали эти комитеты в качестве средств на путях коллективизации. В целом, они получили известность как органы пролетарской диктатуры в украинских деревнях и сёлах.

Так была запущена чудовищная машина по коллективизации. Она перемальывала, раздавливала, выталкивала и била. Ей управляли человеческие существа, и она работала на человеческом материале. Она была безжалостной и ненасытной. Начав работать, её нельзя было остановить, и она продолжала поглощать всё больше и больше жертв. Сотни, Десятки и Пятёрки с их комиссиями, пропагандистами, агитаторами и управленцами: комсомольцами, пионерами и организациями Комнезама; общие собрания колхозников, сельсовет и комитет управления стали шестерёнками этой уродливой машины, а партия — её опытным оператором.

Глава 3

Мы ощутили эффективность этой новой административной машины уже на первом собрании. После пояснений, как будет работать новое сельское начальство, и прославление партии за введение такого «гибкого и эффективного» руководства на селе, председательствующий собрания дал слово следующему оратору, агитатору одной из Сотен. Председатель представил его «товарищ профессор». Я в то время был школьником и испытывал чувство преклонения и уважения к людям, несущем ученье в массы. Тем не менее, выступление этого человека не внесло ничего нового. Он просто повторил всё то, что мы поневоле уже заучили наизусть.

Для начала «товарищ профессор» описал, как несправедливо крестьяне страдали под властью богачей. Пришло время, подчеркнул он, когда сельские жители могут отдать долги такой несправедливости. Он призвал беднейших крестьян не испытывать чувства жалости к кулакам и, что нас больше всего испугало, уничтожать их! Убийство богачей, провозгласил он, было единственным способом для беднейшего крестьянства встать на путь лучшей и более процветающей жизни.

Мы сидели молча, давая возможность словам проноситься над нами. Но мы не могли оставаться равнодушными ко всему услышанному. Нами овладело чувство приближения ужасной катастрофы. Раньше нам уже говорили о коллективизации, о раскулачивании и даже о ликвидации кулаков как «социального класса». Но до сегодняшнего дня никто не требовал и не призывал к убийству кулаков. Теперь этот человек рассуждал об их уничтожении как о деле чести и большой заслуге.

Сделав паузу, «товарищ профессор» начал рассуждать о коллективизации. Он нарисовал простую и привлекательную картину. Партия и правительство хочет сделать жизнь каждого крестьянина проще и более обеспеченной. Работа в колхозе будет менее трудной и более прибыльной. Таким образом, крестьяне будут защищены от эксплуатации кулаками. Наконец, заглянув в свои бумаги, он дал понять, что партия и правительство приняли постановление провести полную коллективизацию, и ничто не может изменить этого решения. Он добавил, собственно говоря, что мы должны быть благодарны за это, потому что народ и партия едины. После этого он засунул свои бумаги в карман, отпил немного воды, вынул папиросу из роскошного портсигара и уселся на своё место. Мы пребывали в полном молчании.

Вслед за агитатором поднялся с места Глава одной из Сотен и заявил о своём желании вступить в колхоз. Он сказал, что речь агитатора оказалась ясной и заразной, и теперь у него самого нет сомнений относительно светлого будущего крестьянства, и что он считает себя самым счастливым человеком на земле, поскольку ему выпала честь вступить в колхоз одним из первых. Затем он спросил, кто хочет последовать его примеру. К нашему великому изумлению, нашлось несколько желающих. Член комиссии по хлебозаготовкам встал с места, подошёл к столу председателя собрания и сделал заявление о своём намерении вступить в колхоз. Затем он призвал одного члена комиссии стать колхозником, бросив лозунг «социалистического соревнования». Мы ещё больше удивились, когда последний приблизился к столу и принял этот вызов, а затем в свою очередь вызвал на соревнование другого члена комиссии. Этот «активист» проделал то же самое, и так по очереди. После членов комиссии по хлебозаготовкам пришла очередь возглавляющих Десятки и Пятёрки. Мы такого поворота никак не ожидали. Всего за несколько минут более пятнадцати дворов из нашей Сотни записались в члены ненавистного колхоза.

После вступления в колхоз «чиновников» к столу неожиданно подошёл рядовой крестьянин. Он тоже записался в колхозники и позвал за собой

своего соседа Шевченко. Но здесь произошла заминка. Шевченко засомневался. Он привёл несколько причин, по которым в данный момент он никак не мог присоединиться к колхозу: ему необходимо время подумать, его жена была больна, а, кроме всего прочего, он предпочитал оставаться совершенно независимым. Он утверждал, что сейчас он не осмеливается на такой шаг, может быть в будущем. Сидящее за столом начальство настаивало на вступлении в колхоз немедленно, и он отчаянно сопротивлялся. Время тянулось. Никому не разрешили уходить с собрания.

Вдруг кто-то крикнул из задних рядов: «Давай вступай! Мы не хотим сидеть здесь всю ночь!». Для Шевченко такой оборот оказался шансом увернуться. «Если тебе так не терпится, подойди сюда и запишись сам!», — крикнул он в ответ и быстро вернулся на свою скамейку, игнорируя приказ председателя собрания оставаться на месте.

Ведущий собрание сначала потребовал от Шевченко вернуться к столу. Затем он сердито призвал всех присутствующих на собрании записаться в колхоз. Но мы оставались непреклонными. Никто не двинулся с места.

Представители власти не растерялись перед нашим молчаливым сопротивлением. Казалось, они были проинструктированы, что делать в подобной ситуации. Поскольку крестьяне продолжали молчать, а обстановка нагнеталась, то «товарищ профессор» внёс предложение. Он сказал, что следовало бы отметить «такой патриотический и счастливый момент» отправкой телеграммы ЦК Коммунистической партии, Советскому правительству и товарищу Сталину. И, не дожидаясь нашего согласия, он вынул из кармана клочок бумаги и начал зачитывать текст послания. В нём говорилось, что, внимательно заслушав «высоко патриотичную и познавательную» речь районного представителя и осознав превосходство социалистической аграрной системы над единоличным хозяйством, колхозники Первой Сотни (нам повезло в принадлежности к Первой Сотне: начальство отмечало, что мы на деле доказали право называться Номером Первым) единогласно пообещали добиться сто процентной коллективизации к Первому мая.

Все мы понимали абсурдность такого обещания, но никто не осмелился критиковать текст телеграммы. Она была негласно одобрена.

Председатель собрания вспомнил о своих обязанностях. На этот раз он постарался изобразить на своём лице улыбку.

«Хорошо, поскольку нет возражавших, мы пообещали выполнить коллективизацию на все сто процентов к Первому маю, — произнёс он небрежно. — Думаю, не будем больше терять времени, так?».

Он размахивал пером и листками бумаги над своей головой: «Ну, подходите и записывайтесь, а?».

Мы все оставались на своих местах.

«Давайте же! Уже поздно, — призывал он нас. — Быстрее подпишите, быстрее уйдёте домой».

По-прежнему никто не двигался. Все сидели в полном молчании. Председатель собрания, теряя терпение и нервничая, что-то прошептал на ухо агитатору. Тот резко поднялся с места и напомнил нам, словно мы были детьми, что нехорошо нарушать обещание, в особенности данное товарищу Сталину. Но и это увещевание не тронуло нас. Мы продолжали молчать. Всё это раздражало представителей власти, особенно председателя собрания. Как только пропагандист замолчал, председатель выбежал из-за стола, схватил первого, сидящего перед ним крестьянина и сильно встряхнул его.

«Ты...ты, враг народа! — закричал он, захлёбываясь в собственной ярости. — Чего ты ждёшь? Может быть, Петлюры?». Петлюра был вождём украинского народа в борьбе за независимость десять лет назад. Всех его последователей расстреляли, и теперь назвать человека «Петлюрой» означало смерть. Но крестьянин оставался спокойным.

«Не суетись, — произнёс он сдержанно. — В телеграмме сказано, что мы должны вступить в колхоз к Первому мая, так? А сейчас только февраль. Зачем торопиться?».

Казалось, это полностью обезоружило председателя. Ни он, никто из нас не ожидали такого оборота дела.

Вероятно, каждый крестьянин задумался, как избежать того, что было сказано в телеграмме. И вот, пожалуйста, решение найдено. У нас ещё есть время!

Председатель собрания пребывал в нерешительности секунду-другую, затем убрал свою руку с плеча крестьянина и отошёл к столу. Здесь он посоветовался с агитатором. Мы все наблюдали, как они переговаривались между собой, и агитатор вытащил из кармана листок бумаги и что-то перечеркнул в нём. Стало ясно, что они готовили теперь другой хитрый ход.

«Перед тем, как закрыть наше собрание, — начал агитатор. — Нам следует принять постановление». Затем он стал читать бумагу, которую держал в руках. Постановление по содержанию совпадало с текстом телеграммы, но только с одной разницей: слово «май» заменилось на слово «немедленно».

«Те, кто против, прошу поднять руки», — объявил председатель. Представители власти знали, что немногие проголосуют за это. С другой стороны, они были уверены, что никто не осмелится высказаться против. Как и ожидалось, не поднялось ни одной руки. После чего председательствующий заявил, что постановление одобрено всеми членами Первой Сотни. Он тут же опять поднял перо и бумагу.

«Кто следующий?», — спросил он, отодвигая перо и лист бумаги к другому краю стола.

Молчание. Крестьяне, не шевелясь, смотрели перед собой. Председательствующий, барабанил по столу, выглядел беспомощным. Два милиционера встали между проходами, загораживая собой выход из помещения.

Тишина была нарушена «товарищем профессором». Он поднялся с места и оглядел собравшихся.

«Что это значит? — прошипел он. — Молчаливый бунт?». И, намеренно выдержав паузу, он сообщил нам, что Коммунистическая партия дала нам возможность добровольно вступить в колхоз, но мы, несознательные крестьяне, упустили этот шанс и тем самым открыто выступили против политики партии. Поэтому теперь мы обязаны записаться в колхоз! Если мы этого не сделаем, то нас можно будет считать врагами народа, и нас следует ликвидировать как класс. Закончив свою речь, он сел на место.

Слова «добровольно» и «должны» не поймали нас в ловушку. Хотя мы поняли, что он имел в виду. Тем не менее, никто не ответил на угрозы.

Они оба, агитатор и председательствующий, выглядели обессиленными и молча смотрели на нас. Мы тоже молчали.

Всё это не могло продолжаться долго. Что-то назревало в этом маленьком помещении, набитом людьми. Один мужчина попросил разрешение выйти. Председательствующий отказал ему в этом, сказав, что он не имеет права покинуть собрание, пока не вступит в колхоз. И никто не выйдет отсюда, кроме тех, кто уже записался в колхоз. Агитатор что-то прошептал на ухо председателю, а затем объявил: «Все товарищи, записавшиеся в члены колхоза, должны расходиться по домам!».

Мы заметили, что он сказал «должны идти», а не «могут идти». Все эти люди, кроме агитатора и председателя собрания, начали покидать помещение. Некоторые из них делали это нерешительно, потому что не хотели быть обособленными от всех нас.

Мужчина, спросивший разрешение выйти, всё ещё стоял как школьник перед учителем. «Но мне нужно выйти!» — настаивал он. Было очевидно, что ему невмоготу надо по нужде.

«Выведите его наружу, а потом — немедленно назад!» — приказал председательствующий двум милиционерам.

Мужчина вышел из помещения в сопровождении под конвоем, словно заключённый, оставляя нас в смущении от мысли, что ему придётся справлять нужду под зорким оком членов партии. Теперь нас занимал вопрос, как председательствующий справится с этой проблемой в присутствии только одного милиционера.

«Никто не уходит! — закричал он. — Вот так!». Некоторые смельчаки пытались настоять на своём праве исправить нужду без официального вмешательства. На это председатель заклеил их «врагами народа» и обвинил в попытке сорвать собрание.

Покончив с «туалетным бунтом», председательствующий и агитатор снова начали совещаться между собой.

«Кто за Советский режим и коллективизацию, поднимите руки», — скомандовал председатель.

Крестьяне колебались.

«Вы что, против Советской власти? — зашипел агитатор. — Вы осмеливаетесь, открыто бунтовать?».

Затем он повторил вопрос и изменил приказ: те, кто за Советскую власть, пусть отойдут направо, а кто против — налево.

Какой-то момент никто не сдвинулся с места. Затем медленно, один за другим, люди стали подниматься с мест и направляться налево. Агитатор взял карандаш и начал составлять список тех, кто ещё оставался на своих местах, громко спрашивая их фамилии. Это сыграло свою роль. Вскоре все продвинулись на левую половину. В такой маленькой комнате было невозможно собраться всем одновременно в левом углу, поэтому агитатор приказал всем вернуться на места.

Председательствующий, размахивая пером и бумагой, прокричал: «Ну, давайте же закончим с этим. Кто первый?».

Никто не шелохнулся. Председатель смотрел на нас сердито, а агитатор — безжалостно. Затем голос откуда-то сзади заполнил вакуум. Это был старик лет семидесяти.

«Зачем такая спешка, господа-товарищи?» — прокричал он. Все повернули головы в его сторону, ожидая спасения. Председатель приказал ему выступить вперёд.

«Зачем торопиться, господа-товарищи?» — опять повторил старик, останавливаясь у стола президиума.

«Я тебе не господин, — прервал его агитатор. — Я товарищ».

Казалось, старика это озадачило.

«Как так? Я тебя никогда в жизни не видел. Какой же ты мне товарищ?».

Для нас было не важно, насмеялся ли старик над агитатором или нет. Нас мучил вопрос, который он поднял: почему представители власти стремятся за один вечер разрушить весь уклад нашей крестьянской многовековой жизни?

Председательствующий и агитатор ответили старику на партийном жаргоне, используя готовые штампы. Он сказали, что мы должны немедленно поддержать коллективизацию, потому что от нас этого требует партия.

Уже наступила полночь, и мы все устали, особенно моя мама. Вероятно сознавая бесполезность продолжения собрания, представители власти разрешили нам разойтись по домам, но только после того, как председатель приказал всем явиться на собрание, назначенном на следующий день.

Так насаждалось наше новое руководство.

По-прежнему многое оставалось неясным в вопросе коллективизации. Вероятно, колхозы могут оказаться новой формой крепостного права. Единственное, что мы чётко осознали — это неизбежность лишиться своей земли, что было равносильно жизни для нас.

Только десять лет отделяли нас от Революции и Гражданской войны. Многие жители нашего села испытали их тяготы на себе: кто-то потерял родственников или родителей, кто-то вернулся в родные края с войны калеками. Но мы, наконец-то, получили землю! Мы спрашивали сами себя: неужели партия действительно хочет, чтобы мы бросили землю, вступили в колхоз и работали бы как городской пролетариат. Разве Революция не была произведена для нас, для крестьян? Возможно ли, что партия хочет вернуться к большим помещичьим хозяйствам? У нас оставалась единственная надежда: ведь пропагандист объявил, что вступление в колхоз — дело добровольное. Мы были счастливы, жить и трудиться в своих небольших хозяйствах, и ничего не желали сверх того, только чтобы нас оставили в покое. Мы бы не присоединились к коллективизации ни за какие сокровища мира.

Нас удивило, с какой поспешностью члены комиссии и другие представители власти вступили в колхоз. Оказалось, что за день до собрания наш «тысячник», товарищ Цейтлин, провёл секретное совещание со всеми новыми представителями власти. Проводя инструктаж по вопросам коллективизации, он приказал им продемонстрировать свою готовность вступить в колхоз на собрании Сотни. Поскольку подавляющее большинство нового руководства составляли крестьяне, то они резко воспротивились приказу «тысячника». Товарищ Цейтлин нашёл выход из создавшегося положения. Он предложил им только притвориться, что они вступают в колхоз. Те, кто ещё не готов к такому шагу, будут занесены в особый список, который впоследствии уничтожат. Таким образом, жители села последуют их примеру. Мы не знали, с готовностью или нет, они приняли этот план. Позже товарищ Цейтлин отрицал, что он внёс предложение о фиктивной регистрации. На следующий день новоиспечённые колхозники привели на колхозную ферму своих лошадей, коров и домашнюю птицу. За одну ночь товарищ Цейтлин провёл коллективизацию почти двадцати процентов жителей села, а некоторых из них ещё обратил в яростных проводников партийной политики на селе. Потеряв личное хозяйство, они могли рассчитывать только на то, что у них осталось — их новые должности, поэтому они старались продемонстрировать свою обрётённую власть везде, где это было возможным.

Глава 4

Одним февральским утром 1930 года мы услышали оружейные залпы. Вскоре воздух сотрясаясь от разрядов канонады. Звук происходил со стороны полей.

К полудню наше село было наводнено войсками регулярной армии. Первыми на полном скаку промчался кавалерийский отряд. Затем на сельской площади духовой оркестр грянул марш, и войска вступили в село.

По мере продвижения частей одной за другой собаки подняли лай, а наше беспокойство усиливалось. Вскоре мы осознали, что вынуждены принимать непрошенных гостей. Вооружённые солдаты, не спрашивая нашего разрешения, занимали наши дома.

Солдаты были снабжены пропагандистскими материалами и инструкциями партии и правительства по проведению всеобщей коллективизации. Как только они разместились по квартирам, началась активная пропаганда. Но нового ничего сказано не было, поскольку инструкции были теми же самыми, что и у пропагандистов. Солдат отличала более твёрдая настойчивость.

На следующий день, как бы в поддержку пропаганды, армия продолжила свою активность. Но на этот раз была выбрана другая стратегия. Пушки установили на полях в пределах досягаемости нашего селения. Крестьяне и их семьи ещё спали, когда начали громыхать орудия. Снаряды со свистом перелетали через село и взрывались на другом берегу реки.

В самом селе поднялась стрельба, и слышались крики. Конница опять на полном скаку промчалась через село. Заключённые в своих домах, нам ничего не оставалось делать, как молча наблюдать за происходившим.

Вечером орудия опять сменили на пропагандистскую брошюру, а население заставили читать и слушать. И так продолжалось каждый день: стрельба над нашими головами днём, пропагандистское чтение ночью.

Военный спектакль продолжался почти неделю. Затем, под звуки бравого марша и разрыва снарядов, армия снялась с места и отправилась в направлении соседней деревни.

Не успел отгреметь последний взрыв, а мы уже стали снова мишенью для обстрела другого рода, на этот раз, так называемых, Агитационных отрядов. Несколько сот человек из ближайших городов, словно солдаты, маршировали организованными колоннами. Отряды состояли из вроде как обычных рабочих, студентов, конторских служащих и других, кого оторвали от работы, проинструктировали по поводу предстоящей задачи и приказали вступить в Агитационный отряд.

Точно так же, как и привлечение армии имело целью продемонстрировать силу правительства, так и эти отряды несли политическую задачу. Предполагалось подчеркнуть неразрывную связь между городом и деревней. Советы пытались закрыть глаза на

существовавшее различие между городом и деревней. Однако главной целью было убедить крестьянство, что политика коллективизации и конфискации хлеба, поддерживалась городским населением. Таким образом, крестьян убеждали, что их сопротивление коллективизации, будет подавлена объединёнными силами всей страны.

Агитаторы, как и солдаты, были расселены по домам крестьян, не спрашивая на то согласие хозяев.

Некоторые стороны работы Агитационного отряда походили на балаган или цирк. Отряд приступил к своей деятельности с момента появления на селе — в субботу после полудня. Эта активность характеризовалась ужасным непрекращающимся шумом.

Вечером пропагандистские фильмы прокрутили в здании школы и на улице под открытым небом. В импровизированном театре несколько вертящихся танцоров на сцене создавали атмосферу всеобщего веселья.

Несмотря на все эти мероприятия, жители села не торопились встретиться с членами отряда. Большинство крестьян не выходило на улицу. Только дети, молодые ребята и девушки, члены комсомола и комнезёма пришли полюбопытствовать на площадь, но не это входило в планы районной партийной верхушки и представителей власти. Их интересовали взрослые крестьяне, те, кого им приказали согнать в колхозы.

Посланцы партии и правительства могли чувствовать разочарование, но они не опускали рук. Они были обязаны идти до конца к выполнению цели, не считаясь с поведением крестьян. И поэтому, спустя несколько часов после оккупации сельской площади, агитаторы начали стучаться в наши дома. Некоторые даже не затрудняли себя условностями — они просто входили без стука. Вооружённые всеми видами бумажной пропаганды, они вламывались в наши хаты и говорили, что единоличник — это враг, и дорога в рай проходит через колхозы. Жители слушали этот новый Агитационный отряд, но заготовленные цитаты, речи и объяснения не убеждали. Ничто не могло сдвинуть крестьян с места.

Агитаторы приказали всему населению собраться на следующий день, в воскресенье, на сельской площади. От каждой семьи должен прийти хотя бы один представитель. Поскольку выбора у нас не было, многие жители села послушно подтянулись к площади. Я тоже пришёл сюда, но скорее из любопытства.

Когда я подошёл, уже собралось много народа. Жители села — мужчины, женщины и дети — не могли скрыть своего беспокойства. Они были издёрганными, уставшими и хмурыми. Быстро тараторящие городские жители, агитаторы, старались втереться в толпу селян. С улыбками и показной простотой, они подошли к нам и даже пытались шутить. Однако отсутствие реакции с нашей стороны и наша пассивность только усилила их враждебность.

Атмосфера на площади накалилась. Вдруг послышался какой-то машинный рокот. Этот рокот почти сразу перешёл в плавное позвякивание, и вскоре мы увидели сам источник этого звука.

«Трактор! — крикнул кто-то. — Смотрите! Это же трактор!». Все повернули головы, и впервые в жизни увидели настоящий трактор. Он медленно выезжал из-за угла прямо на нас. В нашем селе никогда не было трактора, но мы узнали его по виденным ранее картинкам. Зрелище было впечатляющим, и представители власти сознавали это.

Машина двигалась вперёд. На капоте развивался большой красный флаг. Водитель, вцепившись за руль двумя руками, смотрел прямо вперёд. В глазах мальчишек и девчонок он выглядел настоящим героем.

Достигнув заранее намеченного места, трактор остановился, и сразу стало тихо. Жители села и прибывшие представители власти окружили трактор, а районный партийный комиссар взобрался на него. Когда он начал говорить, в толпе крестьян наступила тишина.

Речь комиссара оказалась очередным повторением. Он заявил, что правительства капиталистических стран не проявляют заботы о беднейшем крестьянстве. Крестьяне капиталистических государств во всём мире безжалостно эксплуатируются. Только Советский Союз заботится о своих крестьянах, поэтому крестьянство живёт счастливой жизнью, крепко стоит на пути ведения хозяйства социалистическими методами (он сказал об этом, как о совершённом факте) и обеспечено самой лучшей сельскохозяйственной техникой.

«Посмотрите сюда, — произнёс он, указывая двумя руками на трактор. — Где ещё, кроме Советского Союза, бедные крестьяне, как вы, владеют собственными тракторами? Нигде! Только у вас есть такое преимущество!».

Я стоял недалеко от трактора и, скучая, стал его внимательно разглядывать. На выхлопной трубе трактора я заметил клеймо «International», выполненное латинскими буквами.

Глава 5

«Только вы, в нашей любимой стране, владеете тракторами, этими мощными машинами, которые будут работать для вас... Но враги народа вынашивают заговор против наших любимых партии и правительства!», — прокричал комиссар. Он поднял обе руки кверху. И, словно по подсказке, зазвонили церковные колокола. Колокольный звон раздавался всё громче и громче. Толпа замерла в молчании. Все устремили свои взоры на церковь.

Никто не знал, кто подал сигнал или отдал приказ. Но когда товарищ комиссар, указывая рукой на церковь, сказал, что колокольный набат специально спровоцирован врагами народа, чтобы саботировать его выступление, агитаторов словно прорвало. Всё пришло в движение. Рядом с

трактором чей-то голос прокричал: «Долой церковь!». Его подхватил другой голос, и это призыв стал раздаваться с разных концов площади.

Неожиданно вокруг возникли плакаты, написанные белым на красном фоне, «Долой церковь!», «Да здравствует коллективное хозяйство!», «Да здравствует Коммунистическая партия!», «Давай!», — гремел голос. «Давай!», — вторил ему другой.

Крича «ура», словно солдаты перед рукопашным боем, толпа стихийно ринулась по направлению к церкви. Добежав до цели, они стали бросать камни, бутылки и палки, разбивая окна и двери.

Перед церковной стеной появились длинные лестницы, и дюжина агитаторов быстро добралась до купола. Затем на крест набросили длинные верёвки. И, подбадриваемые криком, смехом и бранью, приезжие агитаторы дёргали за верёвки до тех пор, пока крест не упал, расплющив крышу. Затем сняли колокола и сломали купол.

Одновременно с активностью на крыше другая группа приезжих агитаторов рыскала внутри церкви. Всё внутреннее убранство подверглось разрушению. То, что когда-то было прекрасной церковью, гордостью всего нашего села, за считанные минуты превратилось в руины.

Жители оказались неспособными защитить место своего богослужения. Когда началось это безумие, некоторые из них стали расходиться по домам, но большинство застыло на месте, сняв шапки и читая молитвы.

Мы поняли, что эта политическая оргия была тщательно спланирована и организована. Трактор был гвоздём программы, а партийный комиссар, без всяких сомнений, являлся командующим всей операцией. Теперь мы были уверены, что колокольный набат во время выступления комиссара тоже стал частью общего плана, и звонили в колокола сами пропагандисты. Мы осознали, что шаблонные фразы и нарисованные плакаты были заготовлены задолго до появления в нашем селе.

Церковь, а точнее то, что от неё осталось, стала служить сельским клубом. Каждый вечер пропагандисты отплясывали на том месте, где раньше располагался церковный алтарь.

Никто не знал, куда во время атаки на церковь, подевался наш батюшка. Это произошло воскресным утром, и ему следовало отстоять службу, но его в церкви не оказалось. Позже мы узнали, что он стал предательски сотрудничать с агитационной бригадой. Его звали Иван Бондарь.

Бондарь обладал талантом пользоваться случаем и извлекать из всякой ситуации личную выгоду. Ещё в прошлом году он служил в церкви дьяконом. Он был высокого роста, имел приятную внешность и зычный голос. Он умел читать и писать, что позволяло считать его образованным человеком. Многие жители села верили, что со временем он мог бы стать хорошим приходским священником. Никто не сомневался, что и сам он лелеял мечту о собственном приходе, поскольку он стал отпускать бороду, а

это являлось неотъемлемой чертой служителей Православной Церкви. Затем пришло время коллективизации, и правительство приступило к компании против церкви. Бондарь неожиданно исчез из села.

По поводу его исчезновения было немало слухов. Кто-то считал, что его арестовали. Некоторые утверждали, что он, предчувствуя надвигающуюся опасность, вынужден был бежать и скрываться, оставив на селе семью. Но незадолго до прихода Агитационной бригады он вновь объявился в нашем селе. За время отсутствия он отпустил длинные волосы и претендовал на звание святого.

Однажды субботним утром, когда наступила время утренней службы, никто иной, как Бондарь взошёл на алтарь. Без малейшего колебания он объявил, что теперь он является нашим настоящим приходским священником. Словно стараясь избежать расспросов и возмущений, он немедленно запел песнопение своим громким басом. Мы так никогда и не услышали никаких объяснений.

В тот же день нам стало известно, что пропал наш бывший священник. Для нас навсегда осталось загадкой, что с ним случилось. Вероятнее всего предыдущей ночью он был увезён куда-то чекистами.

Все эти события произошли до разрушения церкви. Некоторые старики, церковные служители, пытались докопаться до истины, но всё напрасно. Бондарь хранил молчание, новые представители власти — тоже. Вскоре некоторые старые служители церкви и наиболее неугомонные селяне стали исчезать. Затем по селу начали от одного к другому передаваться слухи, что новый батюшка на исповедях очень интересуется политическими взглядами каждого кающегося. Внезапно нас озарила догадка: новый «батюшка» являлся осведомителем и провокатором! То, что Бондарь остался цел и невредим после лютого нападения бригады приезжих агитаторов на церковь, только усилило наше подозрение. Никто не мог припомнить, что видел его в тот роковой день. Не было сомнений, что накануне развернувшихся событий он получил указания и предупреждения от своих новых хозяев.

После того, как Агитационный отряд оставил позади себя наше село и руины церкви, Бондарь сбросил с себя маску. Теперь он открыто появлялся с коммунистами и представителями власти, разделяя их политику. Стало ясно, почему наш приходской священник не протестовал против разрушения церкви и не пытался восстановить церковную службу. Он старался быть там, где собирались товарищ Цейтлин и другие партийные работники. На каждом собрании он говорил, как один из представителей власти. Интересно отметить, что он продолжал отращивать свою прекрасную бороду и длинные волосы. На самом деле, он всё ещё выглядел как священник.

Мы вскоре узнали, что товарищ Цейтлин и другие «товарищи», называли его Святой — товарищ Святой. С другой стороны, жители села придумали своё прозвище. Мы стали называть его Иудой — товарищем Иудой.

Отряд провёл с нами около недели. Нам не разрешалось покидать пределы села, за исключением полевых работ. Вечерами мы должны были сидеть по домам и слушать речи агитаторов.

В пятницу отряд тронулся в направлении ближайшей деревни, где слышался грохот орудий.

Но нас не оставили в покое. Армия, а за ней и Агитационный отряд, продемонстрировали нам назначение партийной политики. Суть была ясной: партия и правительство приказали провести всеобщую коллективизацию, и приказ должен быть выполнен.

Таким образом, мы оказались в ловушке, из которой не было выхода. Самыми грубыми методами крестьян загоняли в колхозы.

Когда последняя колонна Агитационного отряда покинула сельскую площадь, мы думали, что на время нас оставят в покое. Мы были измученными, сбитыми с толку и оглохшими от шума. Всех сильно заботила коллективизация наших хозяйств. Лишённый земли, крестьянин терял свой материальный достаток и свободу. Всего лишь за несколько недель произошло столько неслыханных и устрашающих событий. Толпы людей наводнили наши двory и поели наши съестные припасы, даже не спрашивая на это разрешения, а наша любимая церковь теперь стояла в развалинах. Мы были напуганы. Казалось, что надвигается что-то ужасное, и мы не видели спасения.

В следующую субботу, последнюю субботу февраля, менее недели после ухода Агитационного отряда, в наше село прибыли очередные незнакомцы. На это раз ими оказались сотрудники ГПУ, небольшой отряд внутренних войск и множество милиционеров. Везде, даже в самых глухих закоулках села, расхаживал патруль. Нас охватил ужас, когда мы увидели тяжёлую орудийную пушку, установленную на руинах церкви, и охраняемую тремя солдатами. Несколько пулемётов было расставлено вокруг площади.

Мы сделали открытие, что нас надёжно охраняют. Караулы были выставлены на каждой дороге, ведущей из села. Они следили за всеми, кто проезжал через село. Эти караулы не только требовали предъявить документы, но и обыскивали личные вещи. Каждый человек был обязан дать детальный отчёт, куда и зачем он едет.

Мы приняли грубость и беззаконие как должное. Нас не удивила бы вероятность быть арестованными без предъявления ордера или лишиться собственности. Мы уже привыкли к непомерным поборам и вымогательствам под разными предлогами. Но мы всё-таки не ожидали, что контроль станет простираться на ежедневные дела.

Тем же субботним днём жители села были растревожены посланцами, бегающими от дома к дому и призывающих всех собраться на следующий день на митинге. Глава каждой семьи обязан присутствовать на площади. Иного выбора не было.

Посреди площади стояла деревянная сцена, на которой агитаторы отплясывали неделю назад. Теперь она предназначалась для произнесения речей и сбора представителей власти. На сцене разместили портреты партийных и правительственных деятелей. А под портретами пестрели партийные призывы.

Сцену окружали вооруженные часовые. Прямо на нас смотрело дуло орудия, установленное на руинах крепости. Вокруг площади прохаживались полностью вооружённые солдаты. И посреди площади, на сильном морозе стояли крестьяне, согнанные в кучу, молчаливые, но напряжённые.

В назначенное время на платформу забрались представители власти. Школьники запели гимн. Учитель дирижировал ими, жестом призывая и крестьян присоединиться, но они хранили молчание.

Как только затихли последние слова гимна, председатель сельского совета открыл митинг и представил районное начальство.

На сцене стояли три комиссара. Один являлся комиссаром ГПУ, другой был комиссаром районной партийной организации (мы его уже встречали, когда он командовал Агитационным отрядом), и третий — комиссар МТС (Моторно-тракторной станции). На трибуне находились также и представители сельского начальства. «Тысячник», товарищ Цейтлин, Председатель сельсовета и руководители комнезёма и комсомола стояли плечом к плечу позади районных комиссаров.

После вступления председатель сельсовета дал слово партийному комиссару. Товарищ комиссар начал свою речь со всей помпой типичного партийного оратора. Он выступил вперёд, откашлялся в кулак, отпил воды из стакана, услужливо поднесённым товарищем Цейтлиным, бросил равнодушный взгляд на толпящихся крестьян и начал.

Это была типичная речь, которую мы не раз слышали из уст партийцев. Он процитировал всех отцов коммунизма и рассказал обо всех революциях, свершившихся со времён Адама и Евы. Он описал невыносимую жизнь крестьянства в буржуазных странах, и подчеркнул, как безжалостно они эксплуатировались «акулами капитализма».

Затем, изменив тон, он заговорил о счастливой жизни в Советском Союзе. Рай существовал только в Советском Союзе, настоящий рай на земле.

«Возможно ли, чтобы подобный митинг проводился где-нибудь ещё в мире, в какой-нибудь капиталистической стране?», — горестно спросил он. И сам же поспешно ответил: «Нет! И ещё раз нет! Там крестьяне не имеют такой свободы как вы. Они лишены этого права. Они даже не имеют возможности проводить подобные митинги...».

Его риторическая истерия продолжалась. Несколько раз он повторялся. Только после того, как были упомянуты все части света и заклеены «империалистические акулы», он закончил своё выступление, призвав крестьян вступить в колхоз. При этом он не забыл предупредить, что среди нас было много кулаков.

«Кулаки — это наши враги! — прокричал он. — И мы должны уничтожить их как социальный класс. Этим акулам нет места среди миролюбивых рыб». Затем он описал кулаков как дьявольских пособников капиталистов, готовящих нанести удар по Советской власти.

«Долой их всех! — заорал он. — Долой каждого кулака! Долой каждого члена кулацкой семьи!».

После того, как он выкрикнул эти лозунги, все стоявшие на трибуне, солдаты, милиционеры и дети громко захлопали.

Но крестьяне только молча переглядывались и не аплодировали. Хлопанье в ладоши в знак согласия и воодушевления стало новомодной городской традицией, но мы, крестьяне, воздержались от такого проявления энтузиазма.

Видя такую реакцию, представители власти замешкались, но ситуацию спас комиссар ГПУ. Как только стихли аплодисменты, он вышел вперёд и занял место предыдущего оратора. Он говорил простым и ясным языком.

«Товарищи! — начал он, глядя поверх крестьян ледяным взором. — Товарищи! Так приятно было выслушать замечательную и правдивую речь нашего дорогого товарища комиссара. Но ужасно видеть, что высоко патриотичные слова нашего уважаемого комиссара игнорируются и бойкотируются врагами народа».

Крестьяне с чувством надвигающейся беды тревожно переглядывались друг с другом. Комиссар, выдержав паузу, продолжал: «Происходящее сейчас является лучшим подтверждением присутствия среди собравшихся врагов народа. Товарищ комиссар говорил от имени и по поручению наших любимых Коммунистической партии и народного правительства. Он говорил от имени всеми нами любимого вождя, товарища...». Гром аплодисментов прервал его выступление. Он замолчал. Аплодисменты продолжали усиливаться. На этот раз крестьяне энергично захлопали. Они очень хорошо его поняли. Как только всё стихло, комиссар продолжил: «Товарищи! Слова предыдущего оратора — это слова партии...». Кто-то опять начал аплодировать, но комиссар не обратил на это внимания и стал говорить дальше: «Но, товарищи, вы встретили эти слова молчанием, а, значит — с оппозицией». Он выдержал паузу.

«Для меня, как комиссара ГПУ, это означает, что среди вас находятся враги народа — кулаки — эти капиталистические элементы, которые не сочувствуют сказанным словам. Они желают видеть товарища комиссара вздёнутым на верёвке, а не поддерживать его речь радостными аплодисментами».

Оценивая эффект произнесённых слов на слушателей, он остановился на несколько минут, оглядывая собравшихся. Затем стал угрожать, говоря сквозь зубы: «Мы возьмём быка за рога. Я вынужден предупредить вас, что даже самое незначительное сопротивление нашим любимым партии и

народному правительству будет безжалостно подавлено. Мы раздавим вас как мерзкого червяка!».

Этими словами он закончил своё выступление. Громкие аплодисменты разнеслись по площади. Крестьяне, виновато оглядываясь вокруг себя, быстро били в ладоши, и вдруг всё стихло.

Крестьяне смотрели на платформу. Прямо перед ними, на развалинах церкви, они увидели направленный в их сторону пулемёт. Вокруг площади в полной боевой готовности стояли солдаты.

Тишина была нарушена председателем сельсовета, объявившим следующего оратора. Один за другим выступили все собравшиеся на платформе. В их числе оказались даже несколько крестьян, большинство из которых являлись хорошо известными членами комнезёма и активными сторонниками коммунистического режима у нас на селе.

Но мы уже не слушали. Мы механически хлопали в ладоши после каждой произнесённой речи, уже не вникая в суть сказанного. Представители власти ясно дали понять, что жители села должны стать колхозниками, иначе их ждала ссылка в Сибирь. Они говорили об уничтожении кулака так, как будто речь шла о сельскохозяйственном паразите или заразном животном. Они утверждали, что мы тоже должны принять участие в их ликвидации. Нас не учили, как это делать, но нам дали понять, что все средства будут хороши.

Хотя в то время я и был ещё мальчишкой, но после каждого выступления я задавался вопросами. Кто такие кулаки? Кого можно считать кулаками? Я спрашивал сам себя: принадлежит ли наш сосед к кулакам? А моя собственная семья и родственники? Мы тоже кулаки?

Кто-то прокричал: «Что значит кулак?». Партийный комиссар ответил: «Кулак — это эксплуататор бедняков. Это пережиток прошлого, и поэтому они подлежат уничтожению. Кулаками считаются и те, кто не принимает политику партии и правительства. Их тоже следует уничтожить». Такое объяснение позволяло любого заклеить кулаком.

В то время как зимнее солнце садилось за церковными руинами, товарищ Цейтлин внёс предложение послать от имени жителей села телеграмму в Центральный Комитет Коммунистической партии и Советскому правительству с выражением глубокой признательности за процветающую и счастливую жизнь жителей советской деревни, и в частности — за внедрение коллективного хозяйства. Как и на собрании Сотни здесь поднялся только один вопрос: «Кто против?». Поскольку никто не решился высказаться против, телеграмму одобрили единодушно.

Когда аплодисменты закончились, ведущий собрание зачитал неизбежное итоговое решение. Оно гласило, что крестьяне счастливы вступить в колхоз, и что они обещают партии и правительству коллективизацию села к Первомайским праздникам. И опять, поскольку никто не возражал, резолюция собрания была принята, и митинг окончен.

Глава 6

Иван Хижняк был председателем хлебозаготовительной комиссии первой Сотни. Когда-то он жил по соседству с нами. Товарищу Хижняку было около сорока лет, он имел крепкое телосложение, был небольшого роста и почти не владел грамотой. Лицо, покрытое глубокими морщинами; густые, вечно грязные светлые волосы и холодные, тускло-зелёные глаза, полуприкрытые тяжёлыми веками, и колючие ресницы придавали ему сходство со свиньёй.

Таким был человек, стоявший во главе хлебозаготовительной комиссии нашей Сотни. Его физическая непривлекательность соответствовала уровню его ума и морали. Он был грубым, невежественным и озлобленным. А его манера разговора отличалась высокомерием и вульгарностью, он мог к месту вставить шаблонные фразы. Иногда он старался говорить на городской манер, которому нахватался где-то за время своего отсутствия, но и тогда его речь пестрела грязными ругательствами.

Когда началась Октябрьская революция, товарищ Хижняк оказался единственным коммунистом в нашем селе. Во время революции, как председатель Комитета Бедноты, он стал одним из самых активных и энергичных организаторов революционного местного управления. После революции он остался ярким сторонником коммунистической политики на селе. На самом деле, он приобрёл большую власть, и поэтому жестоко и бессердечно расправился со многими видными селянами.

Вскоре после революции, когда в очередной раз политика коммунистов круто изменилась, он исчез из села, что вызвало недоумение. Никто не знал, куда он уехал и чем занимался. Его стали забывать, но с началом коллективизации Хижняк снова появился на селе.

При организации хлебозаготовительной комиссии нашей Сотни товарищ Цейтлин и его партийные помощники, казалось, нарочно подбирали наиболее дегенеративные элементы на селе. Ярким примером этому служил Хижняк. Правда, среди членов комиссии были честные и трудолюбивые крестьяне, которых мы все знали и уважали, но основу комиссии составили личности с садистскими наклонностями. Помимо товарища Хижняка, одним из членов этой комиссии, которого я знал, стал страшный Василий Хоменко, заслуживший своими жестокостью и бессердечностью дурную репутацию в нашем селе.

Другие члены комиссии не были так известны, как Хижняк и Хоменко, тем не мене, они принадлежали к категории людей, способных сделать нашу жизнь несносной.

Иван Бондарь, «товарищ Иуда», тоже вошёл в состав комиссии. Он присоединился к нашей Сотне несколько дней спустя после разрушения церкви. Поскольку наша Сотня числилась под номером «Один», сельское начальство хотело её сделать образцом для других Сотен. По этой причине

они привлекли наиболее доверенных лиц. И товарищ Иуда быстро нашёл общий язык с товарищами Хижняком и Хоменко.

Представителям партии и правительства были даны практически неограниченные полномочия. Их способности оценивались по количеству изъятых у крестьян продуктов и числу крестьян, загнанных ими в колхоз за кратчайшее время. Для выполнения своих задач они не брезговали никакими методами. Девизом дня стали коммунистические афоризмы, что цель оправдывает средства, и что победитель всегда прав.

На Украине есть поговорка, что пан не так жесток, как если бы на его месте оказался холоп. Товарища Хижняка и его сподручных власть совсем опьянила. Никогда раньше мы не сталкивались с подобными хамством и грубостью. Казалось, их произволу и тщеславию не было предела. Деятельность комиссии тщательно планировалась и координировалась. Товарищ Хижняк, агитатор и ещё несколько комитетчиков заседали в суде штаба нашей Сотни. Они вызывали тех крестьян, которые казались им упрямыми или подозрительными, и «работали» с ними индивидуально. А товарищи Хоменко и Иуда с оставшимися управленцами Сотни тоже индивидуально проводили работу среди Десяток и Пятёрок. Однако основной упор они делали на проведении собраний членов своих подразделений. Нам приходилось присутствовать на том или ином собрании практически каждый день, включая воскресенья. Воскресные собрания обычно начинались рано утром и растягивались на весь день.

Руководители нашей Сотни, так же как и другие, использовали в отношении нас строго заведённые методы. Один из них они сами называли «первопроходцы». Крестьянин вызывался для выяснения, почему он не вступает в колхоз. Вопрос повторялся снова и снова. При этом крестьянину напоминали, что только «враги народа» противостоят политике партии по проведению коллективизации. Наконец, ему давали карандаш, чтобы он подписал заявление и, таким образом, избежал бы проблем. Некоторые подписывали, но большинство под различными предлогами отказывалось.

В последнем случае и применялся метод «первопроходцы». Начальство велело крестьянину передать какое-нибудь послание другой Сотне, скажем, Второй Сотне. Поскольку никто не решался отказаться выполнить такое поручение, крестьянину ничего не оставалось, как идти через всё село. Когда он прибывал на место, то обнаруживал, что там его уже ждали. Немедленно начиналось новое следствие на ту же тему. Опять ему приходилось объяснять, почему он не вступает в колхоз, и снова ему советовали сделать немедленно этот шаг. Если он ещё всё сопротивлялся, его отсылали в другую Сотню, и всё начиналось с самого начала. После посещения последней Сотни, его направляли в сельсовет, где заседал товарищ Цейтлин. Здесь опять он подвергался длительному и замысловатому допросу.

Стояла зима, и было очень холодно. Все дороги и тропинки в селе занесло снегом. Несчастному приходилось всю ночь напролёт бродить по селу, оставляя за собой следы в глубоком снегу. Отсюда и возникло название

«первопроходцы». Этот метод применялся представителями власти по явно составленному заранее графику. Каждую ночь около пяти крестьян нашей Сотни и примерно сорок человек других Сотен бороздили село. Можете себе представить эту картину: около сорока жалких крестьян, продрогших от мороза и падающих от усталости, медленно пробирались сквозь темноту, по пояс проваливаясь в глубокий снег?

На рассвете он возвращался домой только для того, чтобы получить новую повестку от руководителей Сотни явиться на следующую ночь. Программа следующей ночи отличалась от предыдущей. Сначала ему приходилось несколько часов ждать своей очереди, а потом он подвергался прежнему допросу. Не передумал ли он? Согласен ли вступить в колхоз сейчас? Некоторые соглашались, но большинство по-прежнему отвечало «нет». Как и прежде, крестьяне старались привести разные отговорки, но на этот раз их не желали слушать, ссылаясь на отсутствие времени. Ему предлагалось немного обождать, но не в избе, поскольку в ней набилось много народа, а в сарае: там почти свободно. Действительно, там было «только» пять или шесть других крестьян, и несчастная жертва внезапно оказывалась запертой в промёрзшем сарае.

Этот метод давления назывался «охлаждением». Продрогшим, униженным и измождённым от недосыпания и домогательств крестьянам приходилось ждать часами. В холодной темноте сарая многие начали понимать безнадёжность своих сопротивлений.

Проходили часы, и представители власти требовали к себе крестьян, одни за одним, и снова предлагали подписать заявление в колхоз. Большинство по-прежнему отказывалось. Поэтому поодиночке (им не разрешалось ходить группой) их снова отправляли «протаптывать тропинки». Это процедура повторялась день за днём, пока человек, окончательно выбившийся из сил и подавленный духом, не подчинился требованию властей. Тогда уже другой житель села занимал «своё» место в сарае и протаптывал тропинки в снегу.

Члены других Сотен подвергались издевательствам иного рода. Так однажды мы прослышали о событии, произошедшем во Второй Сотне. Партийцы Второй Сотни вызвали на «социалистическое соревнование» по ускоренному вовлечению в колхоз Седьмую Сотню. Во время собрания, на котором крестьяне по-прежнему противились вступлению в колхоз, председатель Сотни велел затопить печь. Затем он приказал закрыть в печи заслонку, и, поставив на дверях стражу, покинул помещение. Спустя некоторое время, несколько крестьян от угарного газа повалились на пол в полуобморочном состоянии. В конце концов, кто-то догадался разбить окно.

Не знаю, выиграл ли этот председатель соцсоревнование. Но человек, разбивший стекло, позже был привлечён к народному суду за «вмешательство в работу официальных лиц» и за «порчу социалистической собственности». Его сослали в лагерь на десять лет, и с тех пор мы о нём ничего не слышали.

Вечерние и воскресные собрания были для нас чрезвычайно унижительными и мучительными. Несомненно, они готовились не столько для политического и идеологического промывания мозгов, сколько для того, чтобы сломить крестьянский дух независимости. Собрания проводились под партийным руководством в сторону коллективизации, и партийные работники «разъяснили» задачи, поставленные перед колхозами. Партийная пропаганда называла подобные собрания «привлечением масс в социалистическом управлении государством».

Этим собраниям отводилась решающая роль в привлечении крестьян в колхозы. Обычно собрание открывалось длинной речью о методах коллективизации. Затем следовали краткие выступления, после чего отводилось время для вопросов и ответов. После этого председательствующий объявлял дебаты открытыми. Конечно, эти дебаты не выходили за рамки коротких выступлений представителей власти и активистов, а жители села не принимали в них никакого участия. У нас не было иного выбора, как слушать до отупения.

Наконец, председательствующий переходил к следующему вопросу. Это касалось «социалистического соревнования» за предыдущую неделю. Каждый взрослый был вынужден принимать участие в соревновании по ускорению коллективизации.

Наше село соревновалось с соседней деревней. Наша Сотня вызвала на соревнование Восьмую Сотню и соответствующую Сотню соседней деревни. Все руководители соревновались друг с другом, и предполагалось, что все сельские жители соревновались между собой.

Председатель собрания оглашал результаты соревнования. Несмотря на «достижения», руководство никогда не было удовлетворено. Поэтому на нас сыпались обвинения, неудовольствие и угрозы. Они стремились к стопроцентному показателю.

Затем председатель собрания вызывал главу Сотни с отчётом о состоянии соревнования с другими Сотнями. Если случалось, что наша Сотня лидировала, то появлялся шанс скоро уйти домой. Но, если мы были в числе отстающих, то должны были приготовиться прослушать длинную лекцию о важности «социалистического соревнования».

Соревнования между Десятками и Пятёрками так же подвергались тщательному анализу. Победителей, сумевших на прошедшей неделе привлечь в колхоз наибольшее число крестьян, ждал торжественный марш, звание Ударников труда и благодарность начальства. Отстававших заносили в «чёрные списки». Занимавшие промежуточную позицию могли рассчитывать увидеть свои имена на картинках с черепахами и крокодилами. Черепахи олицетворяли медлительность, а крокодилы — ошибочность. Самым позорным считалось быть «крокодилом». Их расценивали как врагов коммунистического порядка или, что было ещё хуже, саботажников. Обычно таких людей переводили в другие подразделения внутри Сотни или

выводили в другую Сотню, и обязательно предупреждали, что в случае повторения невыполнения плана последует арест и тяжёлое наказание.

Покончив с итогами соревнований между подразделениями, переходили к отчётам об индивидуальных соревнованиях. Прежде всего, заслушивали отчёты руководителей. Каждый из них был вынужден придерживаться следующей схемы: сначала они шаблонными фразами превозносили преимущества колхозной системы, затем торжественно обещали «дорогим партии и правительству» к следующему воскресенью привлечь в колхоз такое-то число крестьян. После чего выступавший бросал вызов товарищу такому-то. «Товарищ такой-то» не имел другого выбора, как принять вызов, и начиналась цепная реакция.

Соревнование среди жителей села имело свои особенности. Всю неделю начальство «обрабатывало» нескольких крестьян. На воскресном собрании такой крестьянин заученно поднимался с места и монотонно произносил вызубренные слова о том, как он счастлив, вступив в колхоз. После этого он призывал кого-нибудь из крестьян последовать его примеру.

На воскресных собраниях инициаторы соревнований и их соперники обязаны были отчитаться об итогах за неделю. Начальству приходилось рапортовать, сколько крестьян привлечено в колхоз за период с предыдущего воскресного собрания. Те, кто демонстрировали хорошие показатели, всячески расхваливались. В противном случае выносился выговор, и их предупреждали о необходимости к следующему воскресенью улучшить результаты, иначе последует наказание.

Затем заслушивали крестьян. Инициатора соревнования оставляли в покое, но тот, кого вызвали соревноваться, немедленно обязан был принять или отклонить вызов. Если он не соглашался, то должен сейчас же дать разъяснения, почему нет. Если принимал вызов, то почему он ещё не внесён в список преданных советских граждан, например, колхозников? Для честного крестьянина это был болезненный момент, потому что он не мог себе позволить просто отказаться и послать к чёрту всё начальство вместе с их колхозом, что, бесспорно, он бы сделал при других обстоятельствах. Ему только оставалось промямлить: «Я ещё не готов». Конечно, такой ответ вызывал новый поток угроз и увещаний.

Покончив с отчётами по соревнованию, собрание переходило к следующему вопросу повестки дня: индивидуальным рапортам. Каждый член нашей сотни вызывался собранием и давал ответы на вопросы, почему он ещё не вступил в колхоз, и как скоро он собирается это сделать.

Эти собрания обычно растягивались на всю ночь, а в воскресенье занимали весь день. Голодные и замученные жители села безропотно слушали и отвечали на многочисленные вопросы, но твёрдо стояли на своей позиции. Ничто не могло заставить их сдвинуться с этой позиции. По крайней мере, так они сами думали.

Но и коммунисты не были настроены сдавать свои позиции. Они вели настоящую войну и прекрасно осознавали, что там, где одна тактика терпит поражение, можно применить другую. Так и произошло.

В конце февраля — начале марта 1930 года представители власти, оценив ситуацию, перераспределили свои силы, задумывая новую тактику нападения, завершившуюся мощным ударом.

Однажды в воскресенье мы узнали, что за исключением товарищей Хижняка, Хоменко и Иуды, сняты с должностей все руководители подразделений (Сотни, Десятки и Пятёрки). Те руководители, чьи подчинённые не были признаны на собрании в числе лидеров, переводились на работу в соседние деревни. Одновременно из близлежащих деревень и городов к нам прибыли новые должностные лица. Попав в незнакомые условия, они проявили большую агрессивность.

Примерно в это же время местные партийные стратеги внедрили новую тактику, которую мы прозвали «собаки грызут друг друга». Тем крестьянам, кого раньше заклеили кулаками и подвергли гонениям теми или иными способами, и которые продолжали проживать в нашем селе, было возвращено доброе имя, и местное партийное начальство вовлекало их в свою активную работу. Эта тактика даже превзошла все ожидания представителей власти. Крестьянам внушили, что они заслуживают расстрела, но теперь им давалась возможность загладить свою вину. Поэтому они должны помочь партии и правительству в проведении всеобщей коллективизации. Конечно, если они смогут доказать своё рвение, их тоже примут в колхоз. И так называемые «кулаки» стали самыми преданными активистами, и в стремление продемонстрировать свою преданность они превратились в безжалостных исполнителей партийной политики.

Более того, поскольку сами они были крестьянами, то, прекрасно зная крестьянскую психологию своих односельчан, они нашли самые удачные способы и средства по воздействию на крестьянскую массу в соответствии с коммунистической политикой и требованиями.

Глава 7

Я плохо помню своего отца, поскольку, когда он умер в 1919 году, мне было всего три года. Но мне запомнились его похороны. Рядом с его гробом стоял красноармеец. На нём была красная шапка, а в руках он держал огромную винтовку со штыком. Охранник застыл как истукан, словно гранитная статуя, глядя прямо перед собой в пустое пространство. Позже мне рассказали, что если кто-то пытался приблизиться к гробу и поднять крышку, то в охранник приходил в движение, перегораживал путь винтовкой и с угрозой произносил иностранные слова. Мой брат сказал, что этот и другие красноармейцы вообще не разговаривали ни на украинском, ни на русском языке.

В тот день много незнакомых людей было вокруг нашего дома. Я помню, что они были вооружены и в красных шапках и форме, и что они приехали верхом.

Тело моего отца лежало на скамье под иконами в восточном углу избы. Я помню, как мы, его дети — мой шестилетний брат, мой младший брат и сам я — были подведены к гробу, чтобы с ним проститься. Хотя я не мог видеть своего отца, поскольку гроб был закрыт, мне велели попрощаться и поцеловать его. Кто-то поднял меня, и я запомнил, как мои губы коснулись того места на крышке гроба, под которым должно было находиться лицо отца. Я так же помню, что моя мама и другие люди — родственники и соседи — причитали и горевали. Но я не плакал. Эти незнакомые люди в красных шапках, форме, при оружии и на лошадях заинтересовали меня намного больше, чем умерший отец.

Со временем, по мере того, как я становился старше, эта сцена неоднократно всплывала в памяти, возбуждая любопытство. Мне хотелось узнать, что же происходило в тот день, но мама всегда старалась избегать моих вопросов. Она говорила, что отец умер, но она никогда не рассказывала, как он умер.

Так продолжалось до одного вечера, когда мы вернулись с очередного митинга домой, на котором кулаки были объявлены «врагами народа», и мама решила рассказать нам правду.

Хозяйство нашего отца едва ли было достаточно крупным, чтобы прокормить большую семью и выплачивать постоянно увеличивающиеся налоги. Ему принадлежало только около шести гектаров пашни. В хозяйстве имелись одна лошадь, одна корова, несколько свиней и немного домашней птицы. Он никогда не нанимал батраков, потому что в них не было необходимости. Он всё делал сам, и ему это нравилось. Иногда он сам нанимался к другим крестьянам или уходил осенью и зимой на заработки в город.

Тем не менее, в его хозяйстве царил полный порядок. Выросший на вековых традициях деревенского люда, он стал трудолюбивым и энергичным крестьянином. Его маленькое хозяйство служило образцом для многих наших соседей. Он так успешно вёл своё хозяйство, что оказался способным даже продавать излишки некоторых сортов свежих фруктов и овощей на рынках соседних селений.

Отработав всю неделю у себя в хозяйстве, в воскресенье он нагружал телегу различными сельскохозяйственными продуктами и отправлялся на рынок. Таким образом, путём жесткой экономии и изнурительного труда, ему удалось скопить достаточно денег, чтобы выстроить дом и необходимые пристройки, свидетельствующие о его некотором достатке. Вместе с тем, изменилось и его социальное положение. Он стал одним из наиболее уважаемых жителей села, и поэтому был избран сельским главой незадолго до Коммунистической революции. Эта позиция была почётной, поскольку он не получал жалованья от государства, но она стоила ему жизни.

Однажды в 1919 году, спустя несколько дней после очередной оккупации Украины коммунистами, мой отец был арестован и посажен в тюрьму. Его обвинили в пособничестве старому режиму, привесили ярлыки «эксплуататор бедноты» и «буржуй».

Всё это произошло так быстро и неожиданно, что мама скорее была удивлена, чем напугана. Она знала, что никто не вправе причинить её мужу вреда, хорошему человеку, верующему и честному, который всю жизнь трудился и всегда был готов оказать помощь другим. Моя мама была уверена, что судьи скоро разберутся и поймут, что он за человек, и освободят его.

Но этого не случилось. На следующий день, когда она отправилась навестить отца, её объявили, что он уже мёртв. Глубоко скорбя, она, тем не менее, прежде всего, подумала, как добиться выдачи из тюрьмы тела отца и организовать похороны. Её удалось всё это проделать. По непонятным причинам, тюремщики разрешили взять тело домой, но при строгом условии, что оно не будет выставлено на всеобщее обозрение. Гроб должен был оставаться всё время закрытым.

У мамы не было другого выбора. Тело было перевезено домой в сопровождении небольшого отряда красноармейцев.

Пока мама рассказывала всё это, она оставалась, как обычно, спокойной и сдержанной. Она вообще была необычным человеком, и я редко видел её плачущей. В те ужасные годы, оставшись одна после смерти отца, она работала в поле, пахала землю и убирала урожай. Она ходила за домашними животными, управлялась с хозяйством и с любовью заботилась о нас. За все эти годы мы не слышали от неё жалоб. Наоборот, она казалась счастливой и весёлой. Она убеждала нас расти честными и хорошо учиться. Вместе с нами она смеялась и читала молитвы, но, оставшись наедине с собой, становилась грустной и меланхоличной.

Со смертью моего отца моя мама стала бояться каждого шага. Её охватывал страх, что в любой момент её могут провозгласить женой «ликвидированного врага народа», и дети останутся сиротами.

Одиннадцать лет она жила под этим страхом, всегда осмотрительно взвешивая каждое своё слово. Все эти годы она должна была ублажать многих людей, чтобы не давать повода к пересудам или избегать трений, которые могли бы закончиться обвинениями против неё. На самом деле, она жила в отрезанном и полным опасностей мире.

Мама предпочла бы вовсе не рассказывать нам эту историю, потому что ей не хотелось, чтобы мы росли обозлёнными из-за убийства нашего отца. Она твердо верила, что в тюрьме он подвергся жестоким пыткам и был убит. Её сдержанность исчезла только после того собрания, на котором провозгласили ликвидацию кулаков как «врагов народа». Она почувствовала приближение конца и посчитала, что мы достаточно выросли, чтобы узнать правду.

После того, как мы несколько оправились от шока, связанным с историей смерти нашего отца, мы продолжали сидеть за столом и разговаривать о недавних сельских событиях. Только около полуночи мы отправились спать. Как только мы затушили свет, послышались громовые удары в нашу дверь. Стук не прекращался, а чей-то незнакомый голос требовал отпереть дверь. «Хлебозаготовительная комиссия!» — раздалось снаружи. Мы уже знали о знаменитых деяниях этой комиссии и поторопились выполнить требование. Но до того как мы смогли это сделать, раздался грохот: незнакомые люди ввалились в наш дом.

Было темно, и мама стала зажигать керосиновую лампу.

«Неожиданность — моя слабость! Ха-ха-ха, — раздался голос, который до этого велел нам открывать дверь. — Как я рад вас видеть! Как дела? Ха-ха-ха...». Это был товарищ Хижняк.

Когда мама зажгла лампу, мы увидели напротив четырёх мужчин, двух женщин и мальчика-курьера. Один из мужчин держал наготове ружьё, словно ожидал, что из-под кровати выбежит заяц. Всех этих людей мы хорошо знали.

Товарищ Хижняк был пьян, и его губы и челюсти двигались с трудом. Он не мог стоять прямо. Мы испугались, и инстинктивно мой старший брат и я подвинулись ближе к маме.

— Здравствуйте, товарищи, — произнесла мама дрожащим голосом.

Товарищ Хижняк сделал шаг в её сторону.

— Много воды утекло с момента нашей последней встречи, — выпалили он. — Но как приятно встретиться ночью, а?

— Рада видеть вас, товарищи, — продолжала мама, сохраняя выдержку и уверенность. — Чем могу служить? Пожалуйста, садитесь.

Лампа горела в восточном углу избы. По крестьянской традиции этот угол считался святым местом: здесь висели иконы. С потолка свешивалась лампадка, как символ вечно живого света. На одной из икон лежали кусочки благословенного хлеба в качестве знака божьей милости. Мы встретили товарища Хижняка и его попутчиков в этом углу. Мой брат Сережа стоял слева от мамы, а я — справа.

Казалось, товарищ Хижняк не расслышал, что сказала мама. Он протянул руки, пытаясь обнять её. Она отступила назад, а он обхватил её самым бесстыдным образом. Со всей силой она отвесила ему пощёчину.

«Отстань от меня, свинья!», — крикнула она.

Немедленно товарищ Хижняк схватился за свой наган. Я быстро прыгнул перед мамой, а Сережка вцепился в Хижняка. Раздался выстрел. Пуля попала в икону, и посыпались осколки стекла.

Выстрел оказался настолько неожиданным, что все замерли, словно парализованные. Одна из женщин, взглянув на разбитую икону, заплакала.

Мой младший брат закричал во весь голос. Я старался успокоить маму, в то время как Серёжка боролся с товарищем Хижняком, который намеревался выстрелить опять. Товарищ Иуда, вероятно, тоже пьяный, упал на колени и что-то промямлил, как если бы он молился.

Затем самый пожилой член комиссии прокричал: «Прекратите! Мы пришли сюда по делу!».

Товарищ Хижняк перестал бороться с моим братом и положил наган в кобуру. После этого он обернулся к пожилому крестьянину: «Пусть лошади думают, у них большие головы, — прошипел он, понижая голос — «О каком деле ты тут толкуешь?». При этом он вплотную приблизился к старику и презрительно уставился на него. «Дело — это я! — вдруг заорал он. — Тебе понятно? Дело — это я! А ни кто-нибудь! Запомни это своей тупой, грязной, вшивой старой головой!».

Старик замешкался. Он хотел что-то сказать, но всё было напрасно. Товарищ Хижняк продолжал, на этот раз, говоря сквозь зубы.

— Вы посмотрите на него, — показывая на старика пальцем. — Он пришёл сюда по делу! Смех, да и только!

Затем он снова повысил голос:

— Я повторяю: это моё дело! Я — представитель нашей любимой партии и правительства! Я...

— Но я только хотел..., - начал, было, старик.

— Заткнись! — перебил его товарищ Хижняк.

И после короткой паузы он угрожающе добавил:

— Рано или поздно я рассчитаюсь с тобой.

Товарищ Хижняк состоял членом Коммунистической партии и являлся председателем комиссии Сотни. Внутри нашей Сотни он обладал всей полнотой власти. Выступить против него означало выступить против партии и правительства. Никто, за исключением вышестоящих товарищей, не мог пресекать его действия. Крича громче и громче, он угрожал, что застрелит каждого, кто посмеет выступить против коммунистической партии и правительства.

Потом он обернулся к моему брату Серёжке: «А ты сильный парень! Ты очень сильный парень. Наша любимая родина очень нуждается в таких сильных ребятах как ты. Как нам везёт, что у нас такое сильное подрастающее поколение». Затем он повернулся к мужчине с ружьём и жестом приказал тому приблизиться. И снова, обернувшись к брату, продолжил в том же тоне: «От имени нашей любимой Коммунистической партии и нашего народного правительства я объявляю тебя под арестом за нападение на должностное лицо, представляющее партию и правительство, при исполнении служебных обязанностей». После этого он приказал человеку с ружьём увести моего брата.

Мама не могла сдержать своего отчаяния. Плача, она старалась удержать Серёжу обеими руками, но не в состоянии справиться с четырьмя мужчинами, она потеряла сознание. Когда она очнулась, Серёжку уже увели.

Спустя несколько минут, словно ничего не произошло, Хижняк продолжал «своё» дело.

— Ну, хорошо, — начал он. — Как вы уже знаете, мы пришли сюда по серьёзному делу. Да, по делу, как сказал наш товарищ.

И он насмешливо посмотрел на старого крестьянина.

— Действительно, дело очень серьёзное.

Мама поднялась на ноги и зачесала назад волосы.

— Прежде чем вы переёдете к вашему делу, какое бы оно не было, я требую предъявить ордер на арест моего сына, — произнесла она спокойным и твёрдым голосом.

Мы все стояли в изумлении.

— Я всего лишь беззащитная вдова, — продолжила она. — Со мной вы можете делать всё, что угодно, поскольку у меня нет сил защищаться. Но до тех пор, пока я жива, я протестую против вашего вторжения в мой дом.

Это было неслыханно. Наказанием за сказанные слова служили пожизненное заключение или смерть. Никто даже не помышлял требовать от властей предъявления ордера на арест или обыск.

Мамино требование вызвало истерический смех товарища Хижняка и его сподручных. Затем он подошёл к ней.

— Послушай, сестрица, не пытайся напугать меня. Меня никто не может запугать. Мне приходилось бывать в таких переделках...

Когда мама попыталась что-то возразить, он перебил её. Он дал понять, что знает, что произошло с её мужем, и что совсем несложно будет проделать то же самое и с ней.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала мама, не меняя тона. — Тем не менее, как гражданка своей страны, я требую справедливости.

— А теперь, — он наставил на нас свой пистолет. — А теперь, самая лояльная и патриотичная гражданка, вы арестованы. И ты тоже!

Он навёл пистолет на меня и рассмеялся. Нам приказали повернуться лицом к стене и так стоять.

Комиссия начала выполнять своё дело, что-то выискивая. Товарищ Хижняк, всё ещё поигрывая своим наганом, казалось, целиком наслаждался «своим делом». Он даже заглянул в печь.

После завершения обыска в кладовой, товарищ Хижняк вошёл в комнату, где мама хранила свою одежду и ценности в запёртом сундуке. Мы вскоре услышали выстрел.

Мама и я вбежали в комнату. Товарищ Хижняк открывал сундук. Не утруждая себя поисками ключа, он выстрелом разнёс замок. Миколашенька, мой младший брат плакал, забившись в угол.

Как только мы с мамой появились на пороге, Хижняк поднял свой наган и выстрелил у нас над головами. «Оставайтесь на местах!», — приказал он. Мы отошли, и он захлопнул дверь.

Через некоторое время товарищ Хижняк вышел из комнаты. В одной руке он держал книгу, а в другой — ценности, если только так можно назвать сентиментальные вещицы деревенской женщины. Это была память мамы о её девичьих годах.

— Ну, товарищ гражданка, потрудитесь объяснить, что всё это значит?

Мама ответила:

— Книга — это Библия, а всё остальное вы сами видите.

— От кого ты это всё прячешь? Как к тебе попали эти вещи?

— Вы прекрасно знаете, что это мои вещи!

Напрасно мама старалась объяснить ему, что Библию она не прятала, а всё остальное хранилось у неё долгое время, ещё до революции, и что в собственном доме у неё не было необходимости что-то прятать.

— Библия, — сказал Хижняк. — Спрятана с целью пропаганды религии, а ценности принадлежат не тебе, а твоим свёкру и свекрови. Кулак всегда останется кулаком, — добавил он многозначительно.

После этого он пояснил, что три моих дяди объявлены кулаками и арестованы. Завтра их увезут из села, а имущество будет конфисковано. «Делом» являлось обнаружение у нас в доме вещей, которые мои дядья могли бы спрятать. После завершения обыска комиссия удалилась.

Сбитые с толку и напуганные, нашей единственной мыслью были Серёжа и мои три дяди.

Глава 8

Новость об аресте моих дядьёв оказалась сильным потрясением. Со дня смерти отца они являлись нашей опорой и защитой. Они всегда помогали нам материально и проявляли искреннюю заботу о нашем благополучии. Теперь на селе говорили, что их увезут куда-то далеко на север. Мы никак не могли взять в толк, почему самые работающие, всегда готовые прийти на помощь и честные жители села должны подвергаться таким гонениям.

Все три брата были крестьянами. Они обрабатывали свои пашни размером от шести до восьми гектаров, успевая при этом управляться с домашним хозяйством. Один из них, Гаврила, оказался более преуспевающим и сильно выделялся среди жителей села. Крыша его дома была покрыта жостью, что считалось признаком благополучия. Ему принадлежало несколько небольших подручных строений и хорошо

ухоженный сад. Всё это вместе создавало впечатление, что он был богатым человеком. На самом деле, в отличие от многих своих односельчан, он отличался большой работоспособностью и трудолюбием. После сбора урожая он обычно трудился на железной дороге или нанимался на дорожные работы, чтобы обеспечить самым необходимым свою семью.

Мои два других дяди тоже были обычными крестьянами. Каждый из них владел простой хатой с соломенной крышей и хлевом. Они сами и их дети ходили босыми, питались хлебом и картошкой и иногда сидели в темноте, потому что не имели возможности купить керосин для лампы. У них не было необходимости и средств для того, чтобы нанимать себе работников.

Несмотря на очевидные признаки бедности, мои три дяди были объявлены кулаками и высланы из села. Поэтому наш дом и подвергся обыску, рассматривалась и прощупывалась каждую мелочь, вплоть до клочков бумаги и печных горшков. Комиссия искала ценности. Эта «деятельность» явно нравилась членам комиссии, на их лицах читалась гордость за проведение столь героического мероприятия.

Когда комиссия удалилась, нам разрешили остаться дома, и арест с нас был снят. Однако не было сил сидеть в четырёх стенах, не имея сведений о Сергее и дядях. Мы предположили, что Сергей мог оказаться в тюрьме. Но в таком случае его могли бы убить или немедленно сослать в районный центр.

Та же судьба могла ожидать и дядьёв. Мы уже знали, что их вышлют из села. Но, что именно произошло с ними, нам было неизвестно. Конечно, мы не могли им помочь. Но всё-таки надо было что-то предпринять.

Когда мы с мамой вышли их дома, вечерело. Серый горизонт постепенно заволакивала мгла. Поскольку дядя Арсений жил ближе всех, мы решили сначала навести его семью. Но, подойдя к дому, мы поняли, что опоздали: дом закрыт на замок и опечатан. У ворот стоял вооружённый часовой. Он сообщил нам, что дядя, его жена, две дочери и сын подверглись аресту и увезены в сельский совет. Им не разрешили взять с собой никаких вещей, кроме той одежды, которая была на них.

Мы решили пойти в сельсовет, но как только мы свернули в сторону центра села, ночную тьму пронзил крик: «Помогите! Помогите!». Крик раздавался из дома старика Алеко, нашего дальнего родственника. Оставив маму позади, я свернул с дороги и побежал к его дому.

Алеко был бедным крестьянином и проживал один. Когда-то он имел несколько гектаров земли и пару лошадей. Его жена давно умерла, а дети обзавелись собственными семьями и проживали в других деревнях. Он выделялся среди жителей села тем, что содержал небольшую лавочку у себя на дому. Основной его деятельностью был натуральный обмен, и мы знали, что он еле-еле сводил концы с концами.

Недавно он продал свою лавку и вступил в колхоз. Мы думали, что из-за преклонного возраста ему стало тяжело управляться одному, но новые

власти увидели в этом попытку скрыть свою «капиталистическую активность» и избежать экспроприации собственности. Они ещё подозревали, что он прятал большие деньги.

Добежав до дома, я не удивился, увидев комиссию, недавно побывавшую у нас. Дверь оказалась открытой, а члены комиссии толпились на пороге. Дверь в горницу тоже была распахнута.

На полу лежал полураздетый Алеко, отчаянно сопротивлявшийся. Несколько человек из комиссии с криками и руганью боролись с ним. Один из визитёров придавил его головой к полу, двое других удерживали его за руки и ещё пара человек — за ноги, в это время кто-то пытался снять с него сапоги. Не было сомнений, что искали деньги. Старик, в котором трудно было заподозрить такую силу, сопротивлялся как олень со стаей волков.

Председатель комиссии, товарищ Хижняк, тем временем стоял в стороне, спокойно наблюдая за происходящим. Как только старик начал вырываться, он больше не выдержал и локтями растолкал себе путь к лежавшей на полу жертве. С видом большого знатока в таких делах, оттолкнув державшего правую ногу Алеко мужика, он со всей силы прыгнул на живот Алеко. Затем он несколько раз ударил старика в лицо своими тяжёлыми сапогами. Наш родственник потерял сознание, а товарищ Хижняк спокойно вернулся на своё прежнее место.

Остальная часть их «дела» была быстро завершена. Сапоги стащили, и победители были награждены за старание: несколько бумажных рублей, привязанных к лодыжке несчастного старика. Затем комиссия удалилась. Как только они скрылись из вида, мы с мамой поспешили на помощь Алеко. Он пришёл в себя, но жить ему оставалось недолго: вечером, когда мы вернулись, он был мёртв. Мы нашли его лежащим в той же позе и на том же месте, где мы его оставили перед уходом. Никого не оказалось рядом в последние минуты. Меня до сих пор преследует воспоминание о мученическом и беспомощном лице Алеко.

На востоке утреннее небо заволакивала серая туча, предвещающая метель. Уже пробивался первый утренний свет, а нам ещё предстояло навестить дома моих дядей.

Но, добравшись до дома дяди Якова, мы опять поняли, что опоздали. Часовой у ворот сказал, что вся семья содержится в сельсовете.

Дом дяди Гаврилы стоял всего в нескольких метрах от здания сельского правления. Часовой, стоящий на посту у ворот его дома, велел искать Гаврилу на сельской площади. Нам не разрешили войти на двор, но мы успели заметить, что в дом заносили какую-то обстановку из правления. Позже люди рассказывали, что председатель и секретарь сельсовета завладели домом в ту же минуту, когда арестовали моего дядю и всю его семью.

На подходе к сельской площади два ГПУшника перегородили нам дорогу. Они приказали повернуть назад. Напрасно мама умоляла их

разрешить найти своего сына. Охранникам было дано задание никого не пропускать на площадь. Но как только солдаты продолжили свой путь вокруг площади, мы с мамой кинулись в сторону и садами и огородами стали пробираться в сторону площади. Вскоре мы дошли до забора, через который можно было увидеть, что творилось на площади.

Зрелище оказалось печальным. Вокруг трибуны слонялось районное и местное начальство, которое накануне проводило собрание. Районный партийный комиссар сидел за столом, покрытым ярко-красной скатертью, и говорил с кем-то по специально проведённому телефону. По бокам от него расположились «тысячник» Цейтлин и товарищ Пашченко, новый председатель сельского совета. На трибуне, лицом к площади, стояли комиссары ГПУ и МТС.

Вокруг небольшими группами шевелилось несколько сотен крестьян, женщин и детей. Из толпы раздавались крики и жалобы, плакали дети, мужчины громко протестовали, больные и слабые стонали и звали на помощь.

Но их никто не слушал и не выпускал. Площадь была оцеплена. Приглядевшись, мы увидели солдат ГПУ, окруживших её плотным кольцом.

Всех арестованных разделили на мелкие группы и развели по площади. Каждую группу тщательно охраняли вооружённые комсомольцы и комнезёмцы.

На значительном расстоянии от толпы стоял военный грузовик, на котором прибыли солдаты ГПУ. Лошадей впрягли в повозки, и в любую минуту они были готовы тронуться в путь.

Мы вскоре увидели своих родственников. Три семьи держались вместе. Всем пришлось стоять, только старый дядя Гаврила сидел на снегу. Позади него всхлипывала жена.

Холодный ветер безжалостно забрасывал несчастных снегом, которые были одеты кто во что, потому что им не разрешили взять с собой тёплые вещи. Мы решили как-то помочь им, и поскольку мы думали, что их отправят в Сибирь, нам надо было достать для них какую-то тёплую одежду.

В тот момент, когда я уже направился к нашей хате, чтобы собрать эти вещи, шум на площади начал становиться громче. Те, кто сидел, поднялись со своих мест, а протестовавшие повысили голоса. Маленькие группы людей слились в произвольном порыве.

Толпа ринулась в сторону представителей власти. Охранявшие их вооружённые солдаты дали несколько выстрелов, но их линия обороны дрогнула, и начальство оказалось поглощённым массой народа. Ещё бы минута, и площадь бы опустела. Но затем по какому-то сигналу стали стрелять пулемёты. Пули решетили пространство над площадью. Солдаты ГПУ открыли огонь, и крики, протесты и визг слились с ружейными залпами.

Толпа повиновалась, и порядок был восстановлен. На снегу остались лежать несколько убитых и раненых. Позже мы узнали, что погибло три человека.

Спустя некоторое время, мы поняли, что послужило причиной волнений. Под охраной солдат на площадь въехало несколько саней. Они предназначались для вывоза арестованных крестьян из села. Сверяясь со списком, на сани немедленно стали сажать по шесть-восемь человек. При этом не учитывались родственные связи, возраст, пол и состояние здоровья. В результате разделили жён и мужей, детей и родителей. Старикам и больным пришлось делить сани с чужими людьми.

Одни сани стронулись с места, и молодой мужчина прыгнул с них и попытался догнать другие сани, на которых находились его беспомощная плачущая жена и дети. Несомненно, отцу и мужу хотелось быть со своей семьёй, но ему не удалось нагнать их. Товарищ Пашченко, председатель сельсовета, наблюдавший за происходящим, навёл свой пистолет и хладнокровно выстрелил. Молодой отец замертво упал в снег, а сани с его вдовой и детьми-сиротами проследовали дальше.

Вся погрузка заняла около получаса. Примерно пятьдесят саней выстроились в одну линию на дороге в направлении районного центра. В головной части, в середине и в хвосте поместили военные повозки с пулемётами. Каждые две-три повозки охранялись вооружённым человеком. Милиционеры и ГПУшники следовали верхом.

Комиссары и местная власть весело болтали между собой, пока это «парад» проходил мимо трибуны. Мёртвые тела всё еще лежали на дороге, пугая лошадей.

После того, как последние сани выехали за пределы села, мы поспешили в сельсовет, надеясь найти Сергея. Но увидеть нам его не удалось. Нам только сообщили, что его скоро будут судить колхозным судом.

Новость о судьбе арестованных разлетелась с возвращением пустых саней. На железнодорожной станции их поджидал товарный состав. Несчастных, словно скот, загрузили в товарные вагоны. Только много позже мы узнали, что с ними произошло.

Глава 9

Спустя несколько дней после ареста Серёжи, маму вызвали в народный суд в качестве свидетельницы. На повестке значилось, что суд состоится в следующее воскресенье, в первых числах марта, и что имя обвиняемого — Сергей.

Эта новость наводила на страшные размышления. Власти требовали мать давать показания против родного сына. Как свидетельница, она должна будет рассказать о драке между Серёжей и товарищем Хижняком. Мы сознавали, что настоящая причина их столкновения будет игнорирована

судом, поскольку любое сопротивление представителям коммунистической партии расценивалось как акт государственной измены, даже если это было самозащитой.

В воскресенье мы вышли из дома и направились туда, что до недавнего времени было нашей церковью. Стоял сильный мороз, и медленно падал снег.

Клуб оказался уже набитым народом, и суд начался. Маме не разрешили присутствовать на собрании, ей сразу же указали на дверь. В качестве свидетеля ей полагалось ждать где-нибудь, пока её не вызовут на заседание суда. Я хотел остаться с ней, но мне не позволили.

Очутившись внутри бывшего церковного помещения, меня, прежде всего, поразила стоявшая тишина. Казалось, мы находились в церкви. Люди сидели молча, прямо глядя перед собой. Все сняли шапки, как это всегда делали раньше во время церковной службы.

Затем моё внимание привлекло чрезмерное внутреннее убранство помещения, если это так можно назвать. На потолке, в самом центре, там, где когда-то висели хрустальные канделябры, коптила керосиновая лампа. На стенах, раньше украшенных иконами и картинами на религиозные темы, теперь красовались портреты партийных и государственных вождей. Над бывшем алтарём, на месте картины «Последняя вечерня», висел огромный плакат, выполненный красными чернилами «РЕЛИГИЯ — ОПИУМ НАРОДА». Святилище переоборудовали под сцену, и трибуну покрали красной материей.

До этого дня мне не приходилось бывать в суде. Ведь у нас на селе никогда не проводилось ни одного судебного заседания. Мы слышали о, так называемом народном суде находившимся в районном центре, но с его работой не сталкивались. Наша сельская община разрешала собственные проблемы, не прибегая к помощи из вне.

Только к полуночи приступили к рассмотрению «дела» моего брата. Его ввели в клуб под конвоем двух милиционеров. За те несколько дней Серёжа очень сильно изменился. Он был грязным и выглядел измученным, и все могли видеть следы побоев на его теле. Под глазами у него были огромные синяки, а на губах и лице — следы запёкшейся крови. Ему связали руки за спиной. Шагая к скамье, предназначенной для обвиняемых, Серёжа смотрел по сторонам, вероятно, выискивая глазами маму и меня. Затем ему приказали сесть.

Официально народный суд являлся высшим выражением воли народа и справедливости судопроизводства. Мы же увидели представителя партии, «тысячника» Цейтлина, беспардонно распорядившимся судебным заседанием, словно он был главным судьёй. После объявления начала слушаний по делу моего брата, товарищ Цейтлин быстро поднялся со своего места. Члены народного суда, словно сторонние наблюдатели, хранили молчание. Как и раньше, товарищ Цейтлин произнёс пространную речь на

отвлечённую тему, не имеющей ничего общего с происходящим. Мы уже приготовились выслушать длинный монолог. Но, к всеобщему удивлению, он быстро вынес приговор. Как мы и ожидали, Серёжу обвинили в физическом нападении на товарища Хижняка, председателя нашей Сотни. К тому же товарищ Цейтлин добавил и обвинение в нападении на милиционеров. «Преступление» Серёжки, таким образом, преумножилось с момента, когда мы виделись в последний раз. Все мы знали, что это было серьёзным обвинением, особенно после прочтения товарищем Цейтлиным положения, что нападение на представителей власти «имело место при исполнении ими служебных обязанностей». Обстоятельства, при которых всё это произошло, никто даже не выяснял.

Предъявив обвинение, товарищ Цейтлин сразу приступил к допросу.

— Какое ты имел право вмешиваться в работу партийных и государственных представителей? — был его первый вопрос к моему брату.

Серёжа пытался объяснить, что он ни на кого не нападал. Он только хотел отвести руку товарища Хижняка, чтобы предотвратить выстрел в маму, естественный инстинкт и моральное право сына. Но на товарища Цейтлина и его окружение это не произвело никакого впечатления.

— Не наводи тень на плетень, — прошипел товарищ Цейтлин. — Отвечай сейчас же: да или нет. Ты схватил рука товарища Хижняка?

— И да, и нет. Смотря, как на это посмотреть, — сказал Серёжа.

— Да или нет! — продолжал настаивать товарищ Цейтлин.

— Нет, — ответил Серёжа.

И он снова начал объяснять, что происходило в нашем доме.

Но допрашивающих интересовал только факт, что представители власти подверглись нападению во время исполнения своего долга. Допрос продолжался, и по мере его раскручивания, мы слышали, что Серёжа неуверенно повторял: «Да».

В результате допроса нам стала ясна причина, почему у Серёжи были синяки на лице. Так получилось, что во время ареста при нём находились карманные часы. Они принадлежали нашему отцу, и Серёжа очень дорожил ими. На эти часы положил глаз один из тюремных охранников. Он предложил Серёжке что-то в обмен на часы. Мой брат отказался. Тогда охранник-милиционер предложил хорошо накормить его. Серёжа снова отказался. Ночью Серёжу вывели из его камеры и приказали отдать часы. После того, как брат в очередной раз сказал «нет», милиционер начал пытаться отнять часы силой. Они успели отдубасить друг друга до синяков, пока не сбежали другие охранники и не связали Серёжку. Подбитый глаз и распухший нос служили неоспоримым доказательством на суде. Но о карманных часах никто не вспомнил.

Товарищ Цейтлин попросил милиционера, который охранял Серёжу в тюрьме: «Товарищ милиционер, повернитесь лицом к собравшимся». Он

подчинился, и все увидели кровоподтёки и синяки под глазами. Товарищ Цейтлин поднялся и обратился к суду: *«То, что вы видите сейчас на лице товарища милиционера, является результатом второго нападения обвиняемого на представителя власти, так же находившегося при исполнении своих обязанностей. Товарищи, нападавший находится здесь, перед народным судом. Хочу заверить вас, товарищи, что врагу народа не удастся избежать народного возмездия».*

Это всё, что он сказал. Но мы поняли, что судьба моего брата уже решена. Серёжа тоже это знал и был заметно взволнован. Он беспомощно оглядывался, словно ища поддержки и защиты.

Между тем, вызвали свидетеля по первому нападению. Это было чем-то новым, поскольку в предыдущих разбирательствах свидетелей не приглашали. Этим первым свидетелем оказался товарищ Хижняк. Он также должен был отвечать только «да» или «нет».

— Обвиняемый затеял драку, товарищ Хижняк?

— Да.

— Обвиняемый хватал вас за руку, в тот момент, когда вы выполняли свои обязанности?

— Да.

— Обвиняемый знал, что вы являетесь представителем партии и правительства?

— Да.

— Обвиняемый подчинился вашему приказу прекратить свои действия?

— Нет.

— Вы испытывали физическую боль, причинённую вам обвиняемым?

Товарищу Хижняку задавалось много других вопросов. На все из них он односложно отвечал «да» или «нет». Затем в качестве свидетеля вызвали женщину, присутствующую в нашем доме в ту ночь.

— Обвиняемый затеял драку с вашим председателем, товарищем Хижняком?

— Да.

— Обвиняемый знал, что председатель и другие члены комиссии, включая вас, находились при исполнении служебного долга, представляя партию и правительства?

— Да.

Затем вызвали милиционера по поводу второго инцидента. Ему было предложено повернуться лицом к сидящим в клубе.

— Кто нанёс вам увечья? — прозвучал первый вопрос.

— Обвиняемый.

— Обвиняемый причинил вам физическую боль?

— Да.

— Он знал, что вы являетесь представителем государства?

— Да.

— Он вас ударил?

— Несколько раз.

Второй милиционер тоже давал свидетельские показания. Он также отвечал только «да» или «нет».

— Вы видели, как обвиняемый избивал милиционера?

— Да.

Когда в качестве свидетеля вызвали маму, она предстала перед судом спокойной и решительной. Товарищ Цейтлин предупредил её об ответственности за дачу ложных показаний, и что учитываться будут только ответы «да» или «нет».

— Перед тем, как я стану отвечать на ваши вопросы, мне хотелось бы знать, где я нахожусь: на партийной конференции или в суде? — спросила мама.

Это был неожиданный поворот событий, особенно — для товарища Цейтлина. Это казалось неслыханным! Никто не осмеливался подвергать сомнению достоинство и мудрость партийного руководителя любого ранга. Мама, конечно, не осознавала, что, решившись задать такой вопрос, она тем самым невольно ухудшила положение Серёжки.

— Это суд, — поторопился ответить товарищ Цейтлин.

— В таком случае, почему я или кто-нибудь другой в этом деле дают ответы вам, партийному представителю, а не судье?

По залу пробежал гул возбуждения. Товарищ Цейтлин не заставил себя долго ждать, и его ответ оказался настолько же неожиданным, как и сам вопрос.

— Ввиду того, что я представляю партию и правительство, я также представляю и закон! — быстро произнёс он и повернулся к судьям, давая им распоряжение продолжать.

Но мама продолжала настаивать на своём, протестуя против несправедливого отношения к её сыну. Всё это время Серёжа сидел со связанными сзади руками, явно испытывая боль. В ответ на её попытку защитить сына, товарищ Цейтлин только рассмеялся. Он снова приказал маме отвечать «да» или «нет».

— Председатель Сотни был в вашем доме?

— Да.

— Ваш сын Сергей схватил за руку товарища Хижняка, когда тот выполнял государственное поручение в вашем доме?

— Но...

— Да или нет? — строго потребовал товарищ Цейтлин, с угрозой смотря на маму.

— Он схватил его за руку, но...

Но маме не позволили закончить. Товарищ Цейтлин повернулся к судьям и что-то сказал им. Тогда мама, чувствуя, что происходит, поднялась во весь рост и прокричала, что её сын только защищал её жизнь.

Но было уже поздно. Судья объявил, что суд имеет достаточно свидетельств, подтверждающих виновность обвиняемого. Затем он приказал маме покинуть трибуну. Она заплакала и кинулась обнимать Серёжку, но милиционерам отдали приказ силой вывести её из театрализованного «зала суда».

После этого суд приступил к расширению обвинений против Серёжи. Товарищ Цейтлин обозвал его контрреволюционером, врагом народа и потребовал передать его дело в вышестоящий суд и в органы Госбезопасности. Всё было сделано так, как приказал товарищ Цейтлин.

Два милиционера под конвоем увели Серёжку из клуба. Это был последний раз, когда мы его видели. На следующее утро всех заключённых увезли из села. Ни один из них не вернулся.

Спустя два года мы получили письмо без подписи. Неизвестный автор сообщил, что Серёжа умер от побоев и истощения на строительстве Беломорского канала.

Глава 10

После ареста моего брата и моих дядей вместе с их семьями, жизнь повернулась к нам своей суровой и мрачной стороной. Мы почувствовали себя более одинокими и запуганными. Раньше мы всегда могли рассчитывать на поддержку моих дядей, а Серёжа, сильный и умный, фактически был главой нашей семьи. Теперь мы остались одни, совсем без родственников.

Но сельские власти никак не хотели оставить нас в покое. Мы постоянно ощущали их присутствие. Вечером и утром, днём или ночью, они всегда были с нами.

Мы постоянно должны были посещать собрания Сотен, Десяток и Пятёрок, слушая бесконечные речи о преимуществах колхозного строя. Нам постоянно досаждали назойливыми вопросами, почему мы не вступили в колхоз, какая у нас имелась собственность.

Визитам властей в наш дом не было конца. Хлебозаготовительная комиссия заявлялась к нам почти каждый день. Агитаторы осаждали нас одними и теми же рассказами о замечательной жизни в колхозах. Они ещё добавляли несколько слов о важности продовольственных поставок

государству. Представитель Десятки заходил с уговорами стать членами колхоза, и, в противном случае, угрожал обвинить нас в саботаже. Он поспешно, стараясь остаться незамеченным, покидал наш дом, когда на пороге появлялся представитель Пятёрки с теми же уговорами. Со слезами на глазах этот «гость» жаловался, что если мы не вступим в колхоз, то его могут сослать в ссылку.

Затем наступала очередь пионеров. Власти распределяли между ними крестьянские дворы, и в их обязанности входило посещение этих дворов с целью пропаганды райской колхозной жизни. Следом за пионерами появлялись комсомольцы, а за ними — группа из Комнезама. Иногда заходили учителя или крестьяне соседних деревень. И так продолжалось без конца. Все они имели одну цель — загнать нас в колхоз и отобрать все продовольственные запасы.

Однажды днём в начале марта 1930 года маму вызвали в штаб нашей Сотни. Товарищ Хижняк сидел за столом и поигрывал со своим наганом. Он не поздоровался с нами и не предложил сесть.

Пока мы стояли перед ним, он, не торопясь и осторожно, разбирает наган. Затем он начал чистить его, протирая тряпкой. Мы продолжали стоять перед ним, не зная, что делать.

Время шло, и он приступил к сборке нагана. Вставив последний патрон, он, наконец, поднял голову и, улыбаясь, навёл наган на маму.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся он. — Рад тебя видеть!

— Что вы от нас сегодня хотите? — спросила мама, игнорируя его наган и смех.

Странно, но она не испугалась. Не испытывал чувства страха и я.

После этого он стал серьёзным. Его морщинистое лицо исказилось ужасной гримасой. Казалось, этот вопрос его потряс. Он медленно положил наган на стол.

— Моё желание — это желание Коммунистической партии и Советского правительства! Это ясно? — заорал он.

— Да. Я в этом никогда не сомневалась, — ответила мама.

— А теперь, моя самая преданная советская гражданка, — произнёс он с сарказмом. — Я слышал, что вы ещё не вступили в колхоз. Не могу в это поверить.

На мгновение он замолчал, но как только мама захотела что-то сказать, он продолжил серьёзным тоном:

— Ты что, собралась объявить нам войну?

Затем он взял в руки наган и начал им поигрывать. Для начала он заглянул в дуло нагана. Потом он вынул эжектор и стал им ковыряться в ухе. Вскоре он вернул его на место и взглянул на нас.

— У нас есть это, — потряс он своим наганом. — А что есть у тебя?

И он опять засмеялся.

— Вот смеху-то! Ха-ха-ха! Она будет бороться! Ха-ха-ха!

Внезапно он замолчал и неподвижно уставился на наган, затем снова засмеялся. Он смеялся всё громче и громче. Вдруг он вскочил с места и, словно играя в русскую рулетку, вращая барабаном, приставил дуло к виску. Мы смотрели.

— Ха-ха-ха! — радостно рассмеялся он. — Хотите посмотреть, как я нажму на курок?

Мы молчали, что, вероятно, раздражало его, потому что он внезапно прекратил смеяться.

— Если ты сейчас же не вступишь в колхоз, — заорал он как сумасшедший. — Я застрелю тебя из моего нагана!

— Вместе с кем? — спокойно отозвалась мама.

Это окончательно вывело его из себя. Держа нас на прицеле нагана, он выбежал из-за стола и остановился напротив нас.

— Я убью тебя! — прорычал он.

И, словно в подтверждение своих слов, он начал палить по потолку.

Всё это было показухой. Но почему-то мы не испытывали страха. Мама, собранная как никогда, оставалась абсолютно спокойной. Товарищ Хижняк явно был поражён её спокойствием и выдержкой. Постреляв в потолок, он не знал, что делать дальше. Сначала он начал заряжать наган новыми патронами, но потом убрал его в кобуру. Затем вынул его опять и положил на стол. После этого он взял его в руки, прокрутил барабан и посчитал пули. Наконец, спрятав наган в кобуру, выбежал из комнаты.

Какое-то время мы продолжали стоять. Мама, в конце концов, уступила моим уговорам и присела на скамью. Однако, как только она села, незнакомый человек вошёл в дверь, словно выждав момент.

Несомненно, это был городской житель и не украинец, поскольку он не говорил по-украински. Нам не надо было объяснять, что мы увидели перед собой нового агитатора. Он был с чёрными волосами, высокий и обрюзгший, с бледным и носатым лицом.

— Вам там удобно? — почти вежливо спросил он маму.

Я уже начал думать, что наконец-то мы встретили приятного человека, наделённого властью.

— Кажется, вам нравится сидеть здесь... — сказал он, глядя на маму сверху вниз, поскольку она продолжала сидеть.

И затем, не дожидаясь маминого ответа, он внезапно заорал:

— А ну вставай ты, грязная баба! Я научу тебя, как надо встречать представителя Коммунистической партии и правительства!

Мама, видимо, уже была готова к вспышке гнева, потому что я не увидел следов удивления на её лице. Она медленно поднялась. Но в уголках её глаз я заметил слёзы. Она чувствовала себя униженной.

Агитатор сел на место товарища Хижняка и положил ногу на ногу. Он позволили нам продолжать стоять. Не спеша, умышленно затягивая время, он закурил дорогую папиросу, которую достал из портсигара, и холодно уставился на нас. Затем, вынув из кобуры пистолет, положил его перед собой на стол.

— Ну, хорошо, — произнёс он, не отрывая от нас взгляда. — Что вы хотите?

Это прозвучало неожиданно. Мы определённо от него ничего не хотели.

— Это же самое я хотела бы спросить у вас, — сказала мама. — Вы вызвали меня сюда, и я думаю, что вы мне объясните, чего вы хотите от меня.

Он вскочил с места.

— Вы не знаете, зачем вас сюда вызвали? — закричал он.

— Как я могу знать, — был мамин ответ.

Он находился на грани срыва. Со всей силы он ударил кулаком по столу. От сильного толчка пистолет подпрыгнул в воздухе и упал на пол. Он быстро подобрал его, осмотрел и навёл на маму.

— Я убью тебя! — взревел он как ненормальный.

Но почему-то это не испугало и не удивило нас. Вероятно, за последние месяцы нас столько раз пугали, что к очередным угрозам мы уже оставались равнодушными.

Какое-то мгновение агитатор не знал, что делать с пистолетом, наведённым на маму. Затем он опустил его и выстрелил в пол. Казалось, это успокоило его. Не проронив ни слова, он вернулся к столу и занял своё прежнее место. Какое-то время он молчал, затем, затянувшись новой папиросой, продолжил прежний допрос.

Вдруг дверь широко распахнулась, и вбежал мой младший братишка. Едва переводя дыхание, он рассказал, что хлебозаготовительная комиссия силой ворвалась в наш дом и забрала все съестные продукты, которые ей удалось найти. Не обращая внимания на агитатора, который, конечно, пытался нас остановить, мы со всех ног побежали домой. Но было поздно. Когда мы подбежали, хлебозаготовительная комиссия уже грузила на сани зерно и другие продукты, которые у нас были в запасе. Запас был небольшим, но его могло бы хватить до нового урожая. Товарищ Хижняк стоял на крыльце, вертя в руках наган и улыбаясь. Своей улыбкой он давал нам понять, что перехитрил нас.

Таким образом, мы остались без еды, за исключением небольшого количества картошки и свёклы, закопанных в земле, а до нового урожая нужно было ждать три месяца. Больше еды нам получить было неоткуда.

Спустя несколько часов после того, как комиссия ушла, увозя наше зерно и другие продукты, пришёл представитель Десятки. Он объяснил, что если бы мы вступили раньше в колхоз, всего этого и не произошло бы. Мы же не кулаки и могли бы иметь хлеб.

— Ой, забыл сказать, — произнёс он как бы невзначай, выходя из дома. — Члены колхоза за свой труд получают продукты.

Говоря это, он смотрел в пол, словно ему самому было стыдно сказанного.

— Следовательно, у вас ещё есть шанс выжить, если вы вступите в колхоз.

Он был прав: у нас не оставалось другого выбора.

В тот вечер мы почти не разговаривали. Словно зная наше решение, посреди ночи нас разбудила комиссия. Возглавлял её тот же агитатор, который допрашивал нас накануне. Без всяких вступлений он спросил маму, согласна ли она вступить в колхоз. Она ответила: «Да». После чего он сел за стол под нашими иконами и написал за неё заявление. Насколько я помню, в нём говорилось:

«Поскольку коллективное хозяйство имеет преимущество над личным хозяйством, и поскольку — это надёжный и единственный путь к богатой и счастливой жизни, я добровольно требую у руководства колхоза принять меня в члены колхоза.

Подпись».

Мама молча расписалась. Агитатор широко улыбался, а в углу, как на похоронах, сбились члены комиссии.

На следующий день на нашем дворе появились какие-то люди. Без всяких объяснений они зашли в конюшню и хлев и вывели наших лошадей и корову, вывезли телегу, вынесли плуг и другой сельскохозяйственный инвентарь. Только после того, как нагруженная телега, запряжённая нашей лошадей, с привязанной сзади нашей коровой, удалилась, к нам в дом зашёл мужчина. Он информировал нас, что мы приняты в колхоз под номером 168 и в будущем должны идентифицировать себя под этим номером.

Так мы стали просто номером — номером 168.

Глава 11

Сельский курьер, обходя дом за домом, объявил, что в следующее воскресенье мы должны присутствовать на общем собрании жителей села. Другой курьер потребовал от нас обязательного посещения собрания нашей Сотни, проводимого вечером того же воскресенья.

Два собрания в один день означало, что готовится что-то чрезвычайное. Мы не имели понятия о цели этих собраний, но при сложившихся обстоятельствах можно было ожидать всего: арестов, ссылок и даже расстрелов. В воскресенье после завершения двух собраний наши самые ужасные предчувствия обернулись реальностью для многих жителей села. Однако на этот раз пострадали не рядовые крестьяне, а представители власти.

Общее собрание села состоялось в клубе, то есть в нашей бывшей церкви. Многих из людей, сидевших в президиуме, мы видели впервые. Все они выглядели серьёзными, даже мрачными. Товарищ Цейтлин открыл собрание и представил нам присутствующих. Первым оказался представитель областного комитета партии. Остальными были самые ответственные работники партийных и государственных органов района: районный партийный комиссар, комиссар МТС, комиссар ГПУ и председатель районного Чрезвычайного комитета. Мы уже были наслышаны об этой четвёрке, потому что среди жителей села ходили слухи, что эти люди, разъезжая по району, без всяких причин производят аресты.

Товарищ Представитель первым произнёс речь. Основными положениями его выступления были следующие: кого волнует одна отбившаяся овца, которая могла заблудиться или на неё напали волки? Что действительно важно — так это целая отара, дающая защиту каждой овце. Так же и в человеческом обществе: поодиночке каждый человек беспомощен, таких людей легко эксплуатировать, преследовать, забыть и даже убить. Только в коммунистическом обществе каждая личность найдёт счастье, процветание и свободу. Коллективное хозяйство — это всё, а единоличник — ничто! Коллективное хозяйство является первым шагом на пути к коммунистическому обществу, поэтому мы все должны вступить в колхоз! Так приказывает партия, а партия знает, что для крестьян лучше. Другого пути нет.

Поговорив почти час, под конец он выкрикнул широко используемый призыв коммунистов: «Кто не с нами — тот против нас!». Пока он шёл к своему месту, раздавались громкие аплодисменты.

Затем выступил районный партийный комиссар. Он объявил, что наше село не выполнило плана по вступлению в колхоз и хлебозаготовкам. Это случилось потому, что враги народа (кого он назвал гиенами) проникли в руководство села. Вся остальная страна с энтузиазмом строит социалистическое общество, проводит индустриализацию и коллективизацию, поставяет зерно в народные закрома, подписывается на государственные займы и соревнуется за досрочное выполнение своих планов. А в это время наше село позволяет врагам народа занимать

руководящие должности и саботировать политику партии. Но партия раскрыла коварные замыслы этих гиен и намеревается строго наказать этих дегенератов. Мы сидели в полном оцепенении и молчали. У нас перехватило дыхание от мысли, что сейчас провозгласят имена этих врагов народа.

На трибуну поднялся комиссар ГПУ. Он просмотрел какие-то бумаги. Затем, держа в левой руке эти бумаги, а правую руку положив на кобуру, он начал говорить: «Я пришёл сюда не для того, чтобы произнести речь. Я пришёл сюда по служебному долгу. Вы уже выслушали товарища представителя областного комитета партии. Он рассказал вам, что ваше село находится в руках врагов народа. Я пришёл к вам на помощь, чтобы с корнем вырвать этих врагов и превратить ваше село в социалистическую коммуну»

Он остановился и снова заглянул в свои бумаги. Затем, прокашлявшись, он опять продолжил: «Согласно нашим надёжным источникам, ваше село находится в руках самых отъявленных негодяев...». В этот момент, закинув голову, он прокричал громким голосом: «Председатель Восьмой Сотни, выйти вперёд!».

Бородатый мужчина в овчине домашней выделки поднялся с места и подошёл к трибуне.

— От имени рабочих и крестьян, от имени Советского правосудия я подвергаю вас аресту за срыв плана по коллективизации в вашей Сотне, — торжественно заявил комиссар ГПУ.

Мужчина беспомощно осмотрелся и попытался что-то сказать, но его не стали выслушивать. Товарищ комиссар продолжал дальше, приказывая выйти вперёд председателю Второй Сотни. Им был Степан Кошмак, известный своей грубостью. Мы узнали, что, не смотря на все его старание, Вторая Сотня оказалась на последнем месте по выполнению плана коллективизации и хлебозаготовок.

Товарищ Кошмак тоже что-то произнёс, но ему приказали замолчать. Затем комиссар вызвал и арестовал ещё две жертвы: председателей Третьей и Пятой Сотен. К нашему великому изумлению он также подвёрг аресту председателя сельсовета товарища Пашченко. Я уже рассказывал, что он состоял членом партии и на эту должность его назначил районный комитет партии. А теперь этот самый Пашченко арестовывался за провал коллективизации в нашем селе! Комиссар подчеркнул, что Пашченко (он больше не называл его товарищем) использовал своё положение, чтобы саботировать политику партии и правительства в нашем селе.

Ещё больше мы удивились, когда комиссар назвал имя товарища Рябокина, председателя колхоза и члена партии.

— Как комиссар ГПУ, — объявил он. — Я арестовываю вас за неспособность доказать преимущество коллективного хозяйства над единоличным. За то, что при вашем попустительстве от голода передохло много лошадей. За то, что вы испортили колхозный инвентарь, и он весь покрылся ржавчиной. За то, что вы не подготовились к весеннему севу.

После этого товарищ комиссар развернулся и покинул трибуну. Два сотрудника ГПУ, войдя через боковую дверь, взошли на сцену. Они быстро подошли к арестованным и увели их без всякого сопротивления. На этом месте товарищ Цейтлин объявил собрание закрытым. На улице шёл снег, и было очень холодно.

Спустя несколько часов, около семи часов вечера мы пришли на другое собрание — собрание нашей Сотни. Начальство появилось позднее. Среди них присутствовал представитель областного комитета партии. Такого «почёта» мы удостоились, потому что наша Сотня считалась образцовой, и товарищ Цейтлин любил покрасоваться перед высоким начальством.

Как только они прибыли, собрание началось. Товарищ Хижняк объявил собрание открытым и предоставил слово товарищу Цейтлину. Затем товарищ Цейтлин представил посланца областного комитета партии. При этом он подчеркнул, что присутствие такого высокого гостя послужит нам стимулом. Это поможет нам ещё активнее принять участие в соревновании по вступлению в колхоз и сдаче хлеба государству.

К нашему великому удивлению представитель областного комитета партии почти слово в слово повторил свою речь, которую мы уже слышали несколько часов назад. После этого товарищ Цейтлин поднялся и объявил выступление товарища Хижняка. Инстинктивно мы почувствовали, что для некоторых из нас пробил час. Товарищ Хижняк появился на трибуне, довольный оказанным со стороны вышестоящих товарищей доверием и вниманием.

Обычно всегда пьяный и циничный, на этот раз трезвый и внешне собранный, он старался изо всех сил. По селу ходили слухи, что на одной из попок он предложил товарищу Иуде пари, что он займёт место комиссара райкома партии раньше, чем товарищ Иуда станет комиссаром ГПУ. Возможно, по этой причине он сейчас так пытался понравиться вышестоящему руководству и разыгрывал из себя не крестьянского мужика, а городского человека.

Тем не менее, не смотря на все его старания покрасоваться перед представителем области, он не достиг своей цели. Во-первых, он уделил очень много внимания «гостю». С его стороны это было непростительным просчётом. Товарищ Цейтлин расценил такое внимание, как покушение на свои права. В конце концов, как «тысячник», именно он, товарищ Цейтлин, являлся здесь представителем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. А затем, едва открыв рот, товарищ Хижняк совершил вторую ошибку: он возомнил себя политиком. Он, прежде всего, обратился к женщинам! Не забыв назвать их «товарищи женщины», он, тем не менее, поставил их впереди высокого представителя, а товарища Цейтлина вообще назвал третьим по счёту.

Товарищ Цейтлин мгновенно вскочил и прервал Хижняка: «Товарищи! — произнёс он уверенным голосом. — Как представитель Центрального Комитета, считаю своей обязанностью поправить товарища

Хижняка». Он надменно указал, что обращение сначала к женщинам, является пережитком прошлого и признаком упадничества. Революция дала женщинам равные права с мужчинами, и поэтому им не должно даваться преимущество. Товарищ Цейтлин закончил своё краткое вмешательство выражением надежды, что товарищ Хижняк извинится за свою ошибку и сел на место.

Всё это время представитель, равнодушный к происходящему, сидел и спокойно покуривал, выпуская изо рта кольца дыма. Товарищ Хижняк бросил на товарища Цейтлина взгляд, полный мольбы о пощаде. Последний снисходительно кивнул. Хижняк повернулся к народу и промямлил извинения. Он раскаивался, что позволил ослабить коммунистическую бдительность. Он заверил всех нас, что впредь никогда не повторит этот устаревшую капиталистическую традицию обращаться сначала к женщинам. Затем, взяв в руки лист бумаги, он начал зачитывать свою речь.

К нашему полному изумлению, товарищ Хижняк на самом деле целиком повторил речь представителя области, включая теорию об отбившейся овце, и даже призыв «Кто не снами — тот против нас!». Наконец, он подошёл к главному вопросу, которого мы все ожидали: среди нас находятся враги народа. Среди них — руководители Десятки и Пятёрки, которые, пользуясь своим положением, саботируют замечательную политику партии в нашей Сотне и в селе вообще.

Под конец своей речи, Хижняк взял со стола президиума листок бумаги и, взглянув на него, прокричал:

— Глава Первой Десятки, выйти вперёд!

Пока несчастная жертва пробиралась к столу, товарищ Хижняк провозгласил:

— От имени советского народа мне предоставлено право арестовать вас за саботаж коллективизации и срыву плана по хлебозаготовкам в вашей Десятке.

Подобным образом он арестовал ещё шестерых человек, среди которых находились четыре руководителя Десятки и два руководителя Пятёрок. В числе арестованных оказался и руководитель нашей Пятёрки, который в своё время усердно уговаривал нас вступить в колхоз.

Как только было объявлено имя последнего арестованного, двери распахнулись, и на пороге появились работники ГПУ с винтовками на плечах. Едва товарищ Хижняк закончил чтение, они обступили арестованных и указали им на двери. В это время товарищ представитель докурил свою сигарету и поднялся с места. Товарищ Цейтлин последовал его примеру, предоставив товарищу Хижняку право закрыть собрание, что тот с поспешностью и сделал.

Выйдя на улицу, мы только увидели пару саней, удаляющихся в ночной дали. На одних помещались арестованные, другие были заняты начальством. На следующее утро стало известно, что такие же собрания и аресты накануне прошли по всему селу. В каждой Сотне было арестовано по

пять-семь человек. Поскольку у нас насчитывалось восемь Сотен, то за одну только ночь арестованными оказались более пятидесяти человек.

Мы не испытывали сочувствия по отношению к большинству из них, но и чувства злорадства в нас не было. Эти люди стали «козлами отпущения». В этом не было сомнений. Но будет ли конец «чисткам»? И кто стоит следующим в этих списках?

Последующие события оказались совершенно непредвиденными. Почти две недели не созывались собрания. Поскольку один за другим протекли дни без собраний, по селу стали распространяться самые противоречивые слухи. Некоторые высказывали предположение, что партия и правительство отказались от политики коллективизации и решили оставить крестьян в покое. Кто-то утверждал, что товарищ Цейтлин уехал в столицу за получением новых инструкций. Были и такие, кто верил, что руководящие органы вынуждены временно оставить нас в покое, пока не будут готовы новые тюрьмы и концентрационные лагеря, чтобы принять очередные партии отказавшихся вступать в колхозы.

С сельской сцены исчезли наиболее активные коммунистические и номенклатурные работники. Как мы узнали, товарища Цейтлина на самом деле вызвали в районный центр. Но оставалось неясным, что произошло с товарищем Хижняком, Хоменко и им подобными. Никто не видел их в селе со времени последнего собрания. Становилось всё более очевидным, что должно произойти какое-то важное событие.

Рассказывали, что Сталин выступил в поддержку крестьянства. В недавней статье «Головокружение от успехов», он обрушился с критикой на местные органы власти за чрезмерное усердие по внедрению коллективизации на местах. Появились слухи, что Сталин распорядился замедлить процесс коллективизации и скоро разрешит крестьянам выходить из колхозов, если они этого желают. Эти слухи не заслуживали доверия, поскольку ещё совсем недавно на собраниях нам объявили, что Сталин решил завершить полную коллективизацию к Первому мая, каких бы человеческих и материальных жертв это не стоило. Мы так же знали о твёрдом намерении Сталина истребить кулаков как социальный класс. В соответствии с этим, правительство издало закон, согласно которому кулаки изгонялись из родных мест и направлялись в ссылку. Возможно ли, что за такой небольшой промежуток времени Сталин изменил своё мнение?

Многие жители села не верили подобным слухам и готовились к худшему. Однако всеобщая ненависть к коллективизации и партийным приспешникам была так велика, что большинство крестьян пребывало в приятных размышлениях и поверило слухам. Вся эта противоречивая информация насаждала среди жителей села страх и озлобленность.

Часто можно было услышать: «Куда подевались эти кровопийцы?» или «Давайте покончим с этими кровососами!», «Заберём обратно наших коров из проклятого колхоза!».

Раньше никто не осмеливался произносить такие слова. Теперь же они раздавались везде. Жители сели стали готовы драться и даже убить, если нужно. И действительно, спустя несколько дней, мы увидели клубы дыма и языки пламени на другом конце села. Как выяснилось позже, штаб Седьмой Сотни сгорел дотла. Очередной новостью стало известие, что селяне нападали на дома активистов и сельского начальства. Кто-то пытался поджечь здание сельсовета. В сельском клубе (пропагандистском центре) выбили окна и перерезали телефонные провода, соединявшие село с районным центром. Исчезло более километра телефонного провода.

А однажды ночью совершилось первое убийство. Неизвестные напали на товарища Иуду и забили его до смерти. Заинтригованный этой новостью, я как всякий подросток, бросился к месту, где обнаружили его труп. Тело убитого лежало в сточной канаве главной дороги села. Его поповская борода была опалена, а лицо обезображено ожогами. Риза, которую он всегда носил, пропала. На клочке газеты, прикрепленной к его груди, большими печатными буквами было написано: «Собаке — собачья смерть!». Наконец, в конце марта 1930 года нас созвали на митинг Сотни. Помещение собрания, как всегда, украшалось большим красным флагом на стене. С потолка свешивался плакат, выполненный красной краской, с призывом: «Смерть врагам народа!». Под ним стоял стол президиума, покрытый красной скатертью.

В назначенное время в дверях появился незнакомец в сопровождении членов сельского совета. Разговоры и прочий шум в зале стихли. Один из членов сельсовета занял место на трибуне и, вынув из нагрудного кармана лист бумаги, призвал собравшихся к тишине.

— Перед тем, как мы приступим к повестке дня, — медленно зачитал он по бумажке. — Я хочу представить вам посланника нашей партии товарища Римаренко.

В зале зашевелились. Многие мужчины засмеялись, а некоторые женщины начали хихикать. Но всё это продолжалось недолго, и вскоре наступила тишина.

Посланник партии был ошарашен таким приёмом и явно раздражён. Словно ища поддержки, он осмотрелся вокруг. Затем, подняв руку, он спросил низким голосом: «Значит, вот как вы встречаете представителя партии?». Он замолчал ненадолго, уставившись на свои сапоги, словно соображая, что делать дальше. И, подавшись вперёд, он предупредил нас бесстрастным голосом:

— В качестве представителя партии я не позволю издеваться над коммунистической партией.

Он остановился, взглядываясь в лица собравшихся.

— Смех и хихиканье, — продолжил он. — Являются одним из методов врагов народа для подрыва созидательных митингов советских патриотов...

Это были знакомые нам слова, но в тот вечер мы ожидали другого. Мы собрались с твёрдым намерением отстаивать свои права, созерцать поражение партийцев и услышать провозглашение новой политики — всё, что угодно, но не возвращения к теме коллективизации! Вместо этого, совершенно незнакомая личность стала запугивать нас с первых минут своего появления. Этого было более чем достаточно для нас! Непроизвольно всех словно прорвало: каждый что-то говорил или кричал во весь голос, позади себя я слышал топанье ног.

Но представитель растерялся только на какой-то момент. Он стоял за столом и нервно вертел карандашом. Затем его командный голос прогремел в общем потоке шума.

— Хватит! — проревел он.

Его нервозность исчезла, и уверенным голосом он продолжил:

— Я действую здесь по прямому указанию районной партийной организации. Всякий, кто оскорбляет меня, оскорбляет партию, поскольку я являюсь её представителем! Нравится вам это или нет!

Мы поняли значение этих слов. Гнетущая тишина повисла над собравшимися. Для нас это был устрашающий момент. Все надежды на перемены рухнули.

Чтобы покончить со щекотливой ситуацией, член сельсовета поспешил приступить к повестке собрания. Как обычно, он призвал избрать председателя и секретаря для ведения собрания. Однако никто не стремился взять на себя эту честь. Все хранили молчание, словно сговорившись. Складывалась непредвиденная и наряжённая ситуация.

Представитель встал напротив собравшихся, продолжая поигрывать карандашом. Время от времени он бросал сердитые взгляды на члена сельсовета, будто упрекая его в неспособности контролировать людей. Подняв руки кверху и уставившись на нас пронзительным взглядом, он произнёс низким голосом: «Люди, выступавшие против меня, рано или поздно жалеют об этом». Помолчав, оценивая, какое впечатление на аудиторию произвели его слова, он затем продолжил: «Это относится и к вам, на случай, если вы пожелаете игнорировать факт, что я являюсь представителем Коммунистической партии». После этого низким голосом он добавил, делая ударение на каждое слово: «*Любой, я повторяю, любой, несогласный с партией, заслуживает расстрела!*».

Его слова моментально достигли желаемого эффекта. Тишина повисла необыкновенная. Никто не смеялся и не говорил. Каждый сохранял безмолвие, не осмеливаясь протестовать.

— Эти ваши люди, — обратился он к своим соратникам громко, чтобы и мы могли слышать. — Эти ваши люди не способны или просто не хотят

использовать преимущества демократии, которую предоставила им Коммунистическая партия.

Он остановился, ожидая высказываний на его замечание, но их не последовало. Все смиренно сидели, как дети перед властным отцом, сосредоточив на нём всё своё внимание. Товарищ представитель откашлялся. «Товарищ, переходите к повестке дня», — приказал он своему компаньону, которому теперь вменялось в обязанность вести собрание без выборов председателя и секретаря. После некоторого замешательства он объявил, что слово предоставляется товарищу представителю. Последний уже направлялся к трибуне.

Как я уже отметил, товарищ представитель был новым лицом в нашем селе. Мы не знали, что он за человек и чем раньше занимался. Но с уверенностью мы могли сказать, что он не принадлежал к нашей среде и не являлся тружеником: это был городской человек, как и все предшествовавшие ему пришельцы. По-моему мнению, он выглядел аккуратным, хорошо упитанным и со вкусом одетым человеком. Создавалось такое впечатление, что он сердился на нас, словно именно мы виноваты в том, что он вынужден находиться в нашем селе. Когда он взошёл на трибуну и поднял голову, чтобы обратиться к нам, у меня появилась хорошая возможность рассмотреть его. Этот брюнет имел мясистый, крючкообразный нос и рот с тонкими губами, которые находились в постоянном движении, как будто он дожёвывал что-то вкусное.

Судя по его предыдущему грубому вмешательству, мы не ожидали услышать ничего хорошего из речи товарища представителя. Но как только он начал говорить, мы не могли поверить своим ушам! Был ли это тот же самый человек, который угрожал нам всего несколько минут назад? Невероятно! Подобно хамелеону, он изменился полностью. Тон его голоса сделался мягким и тёплым, а манеры — приятными, он даже улыбался время от времени.

В начале своего выступления он объяснялся такими общими фразами, что мы не всегда понимали его. Смыслом сказанного, насколько я запомнил, было то, что человек подвержен легко совершать ошибки. Он повторил несколько раз утверждение, что всю свою жизнь человек учится на своих ошибках. Он призвал нас не осуждать тех, кто оступился, и быть щедрыми к нуждавшимся. Всё это скорее напоминало церковную проповедь, и мы начали вскоре понимать, почему. По мере его выступления, мы всё более убеждались, что каждое слово в статье Сталина являлось правдой. Таким образом, он рассказал нам всё.

— За последнее время произошло много событий, — декламировал он. — Некоторые из них были хорошими, некоторые — плохими.

После этого он перешёл к подробному изложению положительных недавних событий. Он повторял шаблонные фразы, которые мы уже знали наизусть. Затем, понизив голос, он обратился к «плохим» событиям. В первый раз им было произнесено название сталинской статьи «Головокружение от успехов». Фактически, не утруждая себя пересказом, он

объявил, что зачитает нам эту статью. Читал он медленно, слово за словом, как будто боясь, что-либо пропустить.

Из услышанного мы узнали, что коллективизация проводилась весьма успешно, более 50 процентов крестьян в СССР стало колхозниками. Это означало, что Пятилетний план по коллективизации сельского хозяйства был перевыполнен вдвое. Но затем мы с изумлением слышали, что успех вовсе не был успехом, поскольку это оказалось достигнуто извращёнными средствами, не соответствующим линии партии: были нарушены принципы добровольного вступления в колхозы и имели место принудительные меры. В результате, к кулакам были причислены некоторые середняки и бедные крестьяне. Партийными функционерами к ним применялись грубые и противозаконные меры. Во многих случаях крестьянство стало жертвой лишений собственности и арестов. С целью скорейшего создания общественных ферм и птичьих дворов у них принудительно отбирались козы, овцы, коровы и домашняя птица. Результатом этих насильственных мер была дискредитирована сама идея коллективизации, и крестьяне торопились выйти из колхозов.

Мы слушали с большим вниманием, потому что наше существование целиком зависело от этих слов. Никто не смел шевелиться или говорить.

Наконец, представитель закончил чтение. Не глядя на нас, он достал носовой платок и стал вытирать пот со лба. Он проделывал это медленно, растягивая время, словно обдумывая, что делать дальше. Всё ещё не смотря в нашу сторону, он объявил, что собирается зачитать решение Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии. Позже я нашёл это решение, опубликованное в газете «Правда» от 15 марта 1930 года. Мы узнали, что партия решила пресечь принудительные меры коллективизации, остановить обобществление крестьянских изб и домашних животных и расследовать методы экспроприации кулаков.

С трудом верилось в услышанное. Опять многое оставалось неясным. Неужели всё сказанное в статье и решении партии, правда? Не являлось ли это очередной уловкой или провокацией? Вполне возможно. Ведь только вчера партийные работники прибегали к жестоким методам для того, чтобы загнать нас в колхоз. Нам сказали, что Центральный Комитет постановил закончить коллективизацию к Первому мая любой ценой! Многие жители нашего села поплатились жизнью за отказ подчиниться грубой силе. Тысячи других были объявлены кулаками, изгнанными из своего родного места и сосланными в далёкие концентрационные лагеря. Большинство из нас вынуждено вступили в колхозы, потому что это оказалось единственным способом сохранить свою жизнь.

А теперь Центральный Комитет признаёт, что всё это было ошибкой. Местные власти превысили свои полномочия в стремлении с энтузиастом выполнить поставленную задачу и тем самым исказили партийную линию. Где же правда? Кого надо винить за потерянную крестьянством свободу, за

тысячи загубленных жизней, за разрушение самих основ нашего существования?

Глава 12

Закончив чтение, товарищ представитель поднял голову и медленно обвёл взглядом сидящих и стоящих перед ним людей. Затем он отпил из стакана воды и снова утёр платком пот со лба.

Мы всё ещё боялись пошевелиться и смотрели на него во все глаза.

— Кое-что из сказанного требует пояснений, — произнёс он, глядя на свои бумаги. — Вот что я вам ещё хочу сказать.

И запинаясь, сбивчиво, часто поправляясь, он говорил, что ни партия, ни отдельные партийные представители не несут ответственности за насильственные методы коллективизации и развязанный террор, который охватил деревни и сёла по всей Украине. Ни в коем случае Коммунистическая партия не может быть обвинена в этих преступлениях, потому что она никогда не поощряла применения насилия.

Это утверждение прозвучало саркастически, как плохая шутка. Однако мы восприняли его спокойно. Он продолжал: «Настоящими виновниками, извратившими партийную линию и заставившими вас страдать, были евреи. Да, это делали евреи, а не наша любимая Коммунистическая партия».

Это стало только вступлением. После небольшого замешательства он перешёл к объяснению того, что евреи, поколение за поколением, жили с уверенностью, что украинцы — антисемиты, и именно евреи ответственны за все унижения и лишения украинцев. Антисемитизма евреи никогда не забывали и не прощали. Они знали, как отомстить. Это хорошо известный факт, продолжал он, что евреи, используя Коммунистическую партию в качестве отправной точки для удовлетворения своих амбиций, проникли во все звенья центральных и местных органов власти, особенно — в органы безопасности и судопроизводства. Наше районное отделение ГПУ, отметил он, полностью находилось в их руках. Евреи использовали свои служебные положения для личных целей. Коммунистическая партия, приступив к политике всеобщей коллективизации, доверила местным властям и особым партийным представителям, таким как «тысячники», практически неограниченные полномочия. Евреи воспользовались ситуацией для того, чтобы отомстить украинцам. Они энергично начали отбирать хлеб у крестьян, вызвав голод в украинских селениях. Более того, евреи незаконно объявили кулаками и «врагами народа» большинство крестьян и сослали их в лагеря и тюрьмы.

Всё, что говорил представитель, мы не могли просто проигнорировать. Подобные откровения и обвинения были совершенно неожиданными. Никогда раньше ни от одного партийного работника мы не слышали подобных антиеврейских речей. А теперь официальный представитель партийной организации открыто провозгласил, что евреи виноваты во всех ужасах, пережитых нашим селом с начала коллективизации. Что это было с

его стороны? Попытка обелить Коммунистическую партию и отвести от неё ответственность за все неправильные действия? Но ведь он сам являлся членом партии? Может быть, товарищ Цейтлин и был евреем, хотя мы этого и не знали. Но они все были такими, и они вроде как бы выполняли приказы и распоряжения Коммунистической партии, действуя от её имени. И почему только товарищ Цейтлин является ответственным за все преступления, совершённые у нас на селе?

Но это было ещё не всё. В Советском Союзе с революции закон строго запрещал антисемитизм. Евреи оккупировали ключевые позиции в партийных и государственных органах и были руководителями на всех уровнях вплоть до самого верха. Антисемитизм строго преследовался законом. Безобидное высказывание или даже анекдот против евреев влекли за собой расстрел. А теперь представитель районной партийной организации открыто пропагандирует антисемитизм. Почему? Казалось, он открыто призывает к еврейскому погрому. Действует ли он по собственной инициативе или от имени партии? Представитель, разве только что не сказал: «Бей жидов, спасай Россию».

Но со своей тактикой представитель партии не имел успеха в нашем селе. Мы все уже такого натерпелись и боялись, что он провокатор. Позже мы узнали, что он ездил по району и выступал с этой речью во всех деревнях и сёлах. Но куда бы он ни приезжал, народ молчал, боясь провокаций.

Товарищ представитель закончил своё выступление, собрал бумаги и поспешил к выходу, даже не поднимая глаз. Больше мы его никогда не видели. Член сельсовета занял его место на трибуне.

То, что случилось дальше, стало произвольным бунтом.

— Мы сыты тобой по горло! С нас довольно! — прокричал кто-то, как только член сельсовета попытался что-то сказать.

— Долой! — подхватил ещё кто-то сердитым голосом. — Мы тебя достаточно наслушались!

Члену сельсовета не терпелось говорить, и он перешёл на крик, размахивая руками, но шум в зале не прекращался. Тогда он схватил графин с водой и начал стучать по нему своим карандашом, но его голос и звон стекла утонули в злых выкриках и ругательствах возбуждённой толпы.

Вдруг к сцене подбежал молодой мужчина. Испуганный и беспомощный член сельсовета, загоразиваясь руками, быстро отскочил к краю сцены и исчез в дверях.

— Вы все слышали, что сказал товарищ представитель, — прокричал молодой человек. — Нас всех обманули.

Так давайте же вернём наших лошадей и коров из вонючего колхоза пока не поздно!

— Даёшь! — откликнулась толпа.

— Прямо сейчас!

Молодой человек спрыгнул со сцены и побежал к выходу. Поддаваясь стадному чувству, все бросились за ним. Окна разбили, и дети стали выпрыгивать через них на улицу. Другие кинулись наружу через маленькую боковую дверь со сцены.

Оказавшись на улице, все наперегонки ринулись к намеченной цели.

— Быстрее! — поторапливал один из крестьян свою жену. — Быстрее! А то кто-нибудь уведёт нашу корову!

И они пустились бежать.

— А как же мы отыщем в темноте нашу телегу? — сокрушалась одна женщина.

Другие были озабочены теми же проблемами.

— Сейчас так темно! Как мы различим наших лошадей и корову?

— Бежим! — раздался мужской голос.

— Поторапливайся!

И все побежали изо всех сил, увязывая в глубоком снегу и сокращая свой путь через сады к главной дороге.

Когда мне с мамой удалось выбраться наружу, я увидел несколько горящих домов в самом центре села. Пламя взвивалось к небу, отбрасывая красный оттенок на снег. Кто-то прокричал, что горит наша Сотня. Я оглянулся: из здания, которое мы покинули несколько минут назад, вырывались языки пламени.

Стоял невообразимый переполох. Отовсюду раздавались сердитые голоса. Мужчины и женщины громко ругались. Здесь и там слышались крики и мольбы о помощи. Некоторые женщины плакали, некоторых охватила истерика. Даже собаки, растревоженные общим гамом, заходились в лае. Время от времени во всеобщей суматохе звучали выстрелы. Но кто стрелял, неизвестно.

Я следовал за мамой. Ей было трудно бежать. Она часто падала в глубокий снег. Но всё равно поднималась и снова начинала бежать. Она очень торопилась. Ей не терпелось найти нашу корову, нашу лошадь и телегу до того, как кто-нибудь присвоит их.

По мере приближения к центру села на встречу стали попадаться первые бунтовщики, возвращавшиеся со своей добычей: собственными коровами и лошадьми. Но не все были веселы. Те, кто не смог найти своей собственности, даже плакали. Некоторые из них нашли лошадь, но не могли обнаружить корову или наоборот. Другие забрали лошадиную сбрую, но не нашли своей телеги. Двое стариков, нашедших только свою телегу, пытались толкать её, но она оказалась слишком тяжёлой для них. Они остановились посреди дороги, надеясь на чью-нибудь помощь. Старуха горько рыдала, жалуясь всякому, кто мог её слышать, что они не нашли своих корову и

лошадь. Но большинство возвращавшихся со своим имуществом, торопливо проходили мимо и спешили домой, словно боясь опять лишиться этого.

Наконец, и мы добрались до колхозной фермы. Прежде всего, мы направились к коровнику, потому что знали, где надо искать нашу корову. Прошёл почти месяц с того дня, когда нас насильно заставили вступить в колхоз, но мы каждый день приходили навестить нашу корову. Мама часто собирали остатки еды и, тайком пробравшись в коровник, кормила корову. И каждый раз она плакала. Ведь коровье молоко было основным продуктом, который позволили нам не умереть с голоду в последние годы. Без него мы бы не выжили.

К счастью, мы нашли нашу корову на месте. Я оставил маму сторожить её, а сам отправился в конюшню. Но здесь мне не повезло: нашей лошади я не нашёл. Затем я побежал во двор, где, как я знал, находилась наша телега, но её тоже не оказалось. У меня не было времени на поиски, и я побежал обратно. Мы торопились домой, довольные, что нам удалось вернуть хотя бы корову, но удручённые потерей лошади и телеги.

На следующее утро нас разбудила пальба, раздававшаяся где-то в селе. Казалось, что происходит настоящий бой. Время от времени даже громыхали пушки, как это было несколько недель назад, когда орудия были установлены на полях к северу от села, и снаряды пролетали у нас над головами, падая в реку.

Но даже стрельба не могла остановить нас с братом, и мы опять побежали к колхозной фермы на поиски наших лошади и телеги. Выйдя из дома и огибая главную дорогу, мы вскоре достигли церковных развалин. Дальше идти было нельзя. Прямо за развалинами на площади стояло несколько военных грузовиков. Мы могли видеть часовых у сельской лавки и почты и слышать выстрелы, доносящиеся с окраин села. Ещё мы заметили тела, лежавшие на обгащённом кровью снегу.

Не понятно, что произошло в центре села ночью, но нам стало страшно, и мы уже не отважились продолжить свой путь. Мы решили скорее повернуть обратно.

Вернувшись домой, нам ничего не оставалось делать, как ждать развязки событий. Мы все, жители села, оказались в очень трудной и опасной ситуации. Ведь мы только что разгромили колхозную ферму, некоторые строения остались разрушенными, а большая часть скота и имущества была обратно забрана крестьянами. Этим мятежом мы продемонстрировали своё нежелание быть членами коллективного хозяйства, но у нас не было уверенности, что мы одержали победу. По-прежнему оставалось неясным, действительно ли представитель партии на вчерашнем собрании сказал правду. Может быть, он хотел сбить нас с толку? Зачем? Ведь должна же быть причина, по которой он с нами говорил.

Нас сильно мучил ещё один вопрос: являемся ли мы ещё колхозниками после всего случившегося. Ведь формально никто требовал своего выхода из

колхоза. В таком случае, что с нами будет? Оставят ли нас коммунисты в покое?

Пока мы все с тревогой ожидали новых событий, поползли первые слухи. Утром после мятежа расстреляли более двадцати крестьян. Их захватили на колхозной ферме, когда они пытались вернуть своё имущество.

Другой печальной новостью стал арест двадцати человек. Среди них оказался молодой человек, который фактически начал мятеж в нашей Сотне. В тот же день жёны, дети и другие члены семей убитых и арестованных были изгнаны из своих домов и насильно увезены из села. Их погрузили на военные грузовики и отправили на железнодорожную станцию, где их уже ждал товарный состав, и толпились партийные и государственные чиновники района.

Со дня мятежа прошла неделя, но больше никакой реакции со стороны властей не было. Нас всё больше беспокоил вопрос о членстве в колхозе. Неизвестность сводила нас с ума. Фактически это был вопрос жизни и смерти. Наступала пора весенних полевых работ. Но большинство из нас не могло приступить к ним по той простой причине, что не имели земли. При образовании колхоза земля была обобществлена и стала «социалистической собственностью», а, значит, охранялась законом. Во время мятежа крестьянам удалось вернуть часть своего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Но как вернуть землю? Это было невозможно, ведь земля больше им не принадлежала. Они могли бы засеять земельные участки, но кто мог гарантировать, что им удастся собрать урожай. Не было даже гарантии, что им доведётся дожить до нового урожая. В середине апреля, спустя две недели со дня мятежа, нас, наконец, собрали на всеобщий митинг, проводимый в церкви. В ночь мятежа кто-то пытался восстановить церковь, и, к нашему величайшему изумлению алтарь и иконы оказались на своём обычном месте. Коммунистические лозунги и плакаты были выброшены. Но, в день собрания всё вернулось на «свои» места, и церковь опять стала клубом и пропагандистским центром. Красный цвет доминировал. На месте алтаря находился красный флаг. Везде висели плакаты «Смерть кулакам!». Вместо изображения святых опять вывесили портреты коммунистических вождей.

Когда мы с мамой пришли, клуб уже был набит народом. Никто не разговаривал. Люди выглядели осунувшимися и издёрганными, на их лицах читались усталость, недоедание и равнодушие. Каждый казался хмурым и озабоченным. И, действительно, для этого была настоящая причина. Они знали, что на предстоящем собрании будет решаться их судьба.

Вскоре показалось начальство. Многих из них мы не знали. Большинство выглядели городскими жителями: хорошо одетые, сытые и холёные. Определённо, они являлись интеллектуалами и интеллигенцией. Были среди прибывших и рабочие, но подавляющее большинство составляли крестьяне, как мы: измученные, одетые в заношенную одежду, с безнадежно потухшими взорами. Когда они входили, над залом повисла тишина. На сцену вошёл член сельсовета, который проводил последнее собрание Сотни

и не пострадал во время мятежа. Он объявил о предоставлении слова новому «тысячнику».

— Наш новый «тысячник», товарищ Черепин! — прокричал он.

В это время товарищ Черепин уже стоял на трибуне, медленно обводя собравшихся равнодушным взглядом.

Это был невысокий, широкоплечий мужчина, а блестящая лысина и очки придавали ему профессорский вид. Однако, как выяснилось позднее, первое впечатление от его внешнего вида оказалось обманчивым. Последующие события показали, что это был настоящий садист, который, не испытывая угрызений совести, отбирал последний килограмм зерна или мог выкинуть ребёнка из окна в снег.

Он говорил так, как и ожидалось от официального представителя партии при обращении к сельским жителям: тихим голосом, покровительственным тоном и простым языком. Подобно всем предыдущим выступавшим, он дал оценку всем революциям в мировой истории, что нас совершенно не заботило. Он перечислил всех основателей коммунизма, описал ужасную жизнь в капиталистических странах и, наконец, провозгласил, что рай на земле может быть найден только в Советском Союзе.

— Где ещё в мире крестьяне имеют возможность свободно собираться на такой митинг как наш? — спросил он.

И сам же поторопился ответить:

— Нигде! Только вы имеете такую привилегию, потому что живёте в Советском Союзе!

Он вдруг замолчал, словно у него не было больше слов. Затем, понизив голос, продолжил:

— В вашем селе произошли неприятные события. Считаем ли мы, что они совершились с вашего согласия?

И после паузы, будто что-то обдумывая, он произнёс с пафосом:

— Нет! Не все из вас поддержали то, что произошло! Это дело рук врагов народа — кулаков!

Товарищ Черепин хорошо говорил по-украински, если не учитывать странного, местечкового акцента, выдававшего его национальность. Тем не менее, нам трудно было понять ход его рассуждений. Он задавал риторический вопрос, и сам же уходил от ответа. Он говорил о том, что случилось, не поясняя, а что же именно произошло. Конечно, мы все знали, что он имел в виду, но удивлялись, почему он не называл вещи своими именами.

Некоторое время спустя, его выступление приобрело более конкретные формы. Он пояснил нам, что поскольку мы поддались влиянию кулаков и сделали то, что сделали, мы потеряли право на жизнь! Ведь тому, кто

выступает против коммунистов, нет места в этом мире. Но у нас ещё остаётся последний шанс стать достойными коммунистического общества, если мы вступим в колхоз. Эти слова предназначались тем, кто ещё не присоединился к колхозу. Те же, кто поднял руку на «социалистическую собственность», т. е. забрал свой скот и имущество с колхозной фермы, обязаны немедленно всё вернуть назад. Те, кто решил навсегда покинуть колхоз, должен написать письменное заявление сельсовет. Он ещё сообщил, что обобществлению подлежат только лошади и сельскохозяйственный инвентарь. Членам колхоза разрешается иметь в личном пользовании свой дом, своих коров, свиней, коз, овец и птицу.

Под конец он предупредил нас:

— Запомните раз и навсегда: поднявшего руку на Коммунистическую партию и Советское правительство ждёт только смерть!

Но собрание на этом не закончилось. За товарищем Черепиным один из агитаторов зачитал новую статью Сталина «Обращение к товарищам колхозникам», датированную 3 апреля 1930 года.

Согласно этой статье, данное крестьянам право о выходе из колхозов не означало отказа от политики коллективизации. Это было просто изменением тактики. Статья утверждала, что, как и на войне, борьба против классовых врагов не может вестись успешно, если не закрепить уже захваченные позиции, не производить переброску сил и не обеспечивать поступления на передовую пополнения. Сталин утверждал, что «только мёртвые души покидают колхозы», что выходявшие из колхозов являются противниками коммунистической идеологии. Но он добавил, что не все они враги и «мёртвые души». Этих крестьян Коммунистическая партия не смогла ещё убедить в правильности коммунистической цели, и «их мы, несомненно, убедим завтра».

Сталин в своей статье ещё заявил, что правительство решило на два года отменить уплату налога на всех обобществленных сельскохозяйственных животных. Коровы, свиньи, козы, овцы и домашняя птица тоже освобождались от внесения налога, не зависимо от того, находились они во владении колхоза или в частной собственности колхозников. Это означало, что решившие выйти из колхоза, должны подумать дважды, прежде чем пойти на такой шаг.

Собрание закончилось около полуночи. Шёл дождь, и было холодно. По дороге домой мы решили остаться в колхозе. Другого выхода у нас не было.

Несмотря на наши ожидания и обещания, данные партийным представителем на этом собрании, никаких серьёзных изменений в нашей жизни после мятежа не последовало. Была возобновлена и усилена принудительная коллективизация, и с новым усердием и ожесточённостью продолжилось раскулачивание.

К началу 1931 года в нашем селе произошла полная коллективизация. Но эта досрочная коллективизация не означала, что все жители села добровольно приняли систему коллективного хозяйства. Эта система навсегда оказалась нам чуждой. Половина нашего села была разрушена. Более трети жителей подверглись физическому уничтожению или ссылкой в лагерь. Все наши продуктовые запасы конфискованы. К концу 1931 года начался голод. Единственным способом выжить стало членство в колхозе, потому что за ежедневную работу нам обещали какое-то пропитание.

И всё же борьба крестьян против коллективизации не завершилась с принудительным вступлением в колхоз. Наоборот, в последующие годы мы стали более неподатливыми. Во время сбора урожая в 1930 и 1931 годах правительство использовало созданные колхозы для того, чтобы отобрать так много зерна и другой сельскохозяйственной продукции, как ему этого хотелось. На селе говорили, что правительство присвоило более трёх четверти всего урожая 1931 года. А во многих соседних деревнях отобрали весь урожай целиком. Это было сделано просто, без всякого сопротивления. Вопрос о цене продукции даже не стоял. Ведь цены устанавливало государство, а не крестьяне.

Как и следовало ожидать в таких условиях, жители села не были заинтересованы в результатах труда в колхозе. Поэтому резко упала производительность урожая с каждого гектара. Кроме того, большая часть урожая зерновых и овощей осталась несобранной.

Незавидной оказалась и судьба обобществлённых сельскохозяйственных животных. Коммунисты, отобрав их у крестьян, не потрудились приготовить места для их содержания или заготовить достаточно кормов. Как следствие этого, из-за недостатка кормов и плохого содержания произошёл падеж скота.

Кроме того, разворовывались свиньи, овцы, козы, куры и гуси: всеильные коммунистические работники предпочитали их себе на обед.

Особенно доставалось лошадям. Коммунистическая пропаганда всеми средствами утверждала, что трактора скоро заменят лошадей. Поэтому лошади вдруг стали ненужными в колхозах, лишними, только переводящими корм. Казалось, что осенью 1930 года никто не знал, что с ними делать. Наконец, кто-то вынес решение освободить от них колхозы, перестать доставлять им корм и ухаживать за ними. Они разбрелись по полям и лесам в поисках пропитания. Болезни и отсутствие правильного ухода стали причиной гибели сотен лошадей в нашем селе. Тоже самое происходило по всей Украине. Лошадиные трупы усеяли поля и леса. Для колхозного начальства это обернулось грандиозной потерей, поскольку лошадиные силы представляли всё ещё большое подспорье в сельском хозяйстве.

Глава 13

В колхозе наши жизни целиком зависели от коммунистов, в частности — от местных представителей партии. Каждый наш шаг был под контролем. Ежедневные обязанности подчинялись строгому регламенту. Мы должны были безропотно выполнять любой приказ, даже не вникая в его смысл. Мы были опутаны разветвлённой сетью, состоящей из тайных агентов, шпионов и провокаторов.

Нас всегда подозревали в измене. Даже проявления радости и горя могли быть поводом для подозрения. Грусть служила проявлением неудовлетворённости жизнью, в то время как радость, не смотря на её скоротечность, рассматривалась в качестве опасного проявления, способного подорвать веру в коммунистические устои. Важно было уметь скрывать свои настоящие чувства всегда и везде. Мы все усвоили, что нам позволено жить до тех пор, пока мы следуем линии партии, как в личной, так и в общественной жизни.

Спустя только два года после принудительной коллективизации, нормальных человеческих отношений больше не существовало. Соседи следили друг за другом, друзья предавали друзей, дети доносили на родителей, и даже родственники и члены одной семьи старались избегать друг друга. Теплота традиционной деревенской гостеприимности совершенно ушла из нашей жизни, на её место пришли недоверие и подозрительность. Постоянным нашим спутником стал страх: человек чувствовал себя беспомощным и одиноким перед чудовищной силой государства.

Партийная организация, общие собрания колхозников и совещания начальства стали руководящими органами колхоза. Контрольная комиссия и народный суд выполняли вспомогательную функцию по контролю и наказанию. Комсомол и Комнезём (эта организация беднейшего крестьянства сохранила своё существование даже после коллективизации) являлись партийным подспорьем. Другие организации, дублирующие друг друга, а также многочисленные секретные и несекретные агенты, агитаторы, пропагандисты и активисты использовались руководящими органами для того, чтобы быть в курсе всего происходящего.

Жизнь колхоза зависела от прихоти руководителя местной партийной организации. Остальное колхозное начальство просто выполняло то, что им приказывали. Партийный руководитель фактически являлся местным диктатором, обладая такой же властью, как и политический комиссар любого подразделения Красной Армии. Председатель колхоза не мог выносить решения, не получив одобрения партийного руководителя, подобно тому, как командир воинской части не отдавал приказа без согласия политкомиссара.

Считалось, что общее колхозное собрание являлось высшим органом самоуправления. На самом деле, партийная организация только использовала это собрание, чтобы проводить свою линию и доводить до нас решения по всем текущим вопросам.

Исполнительным органом колхоза было правление, которое избиралось из членов колхоза на два года. Правление колхоза состояло из девяти членов, включая председателя. Личные качества, знания и опыт были обязательными требованиями к кандидатам, но на практике демократические принципы не соблюдались. В контору кандидаты вызывались по одному, и решение принималось членами партии и их сторонниками. Поскольку голосование производилось поднятием рук, и голосование против позиции партии считалось преступлением, то понятно, что партийной организации не стоило большого труда полностью контролировать колхозное правление.

Обязательным условием для кандидата на пост председателя правления колхоза было членство или кандидатство в члены Коммунистической партии. Профессиональные навыки не учитывались, потому что большинство утверждённых в должности прибыли из города и не умели отличить рожь от пшеницы или борону от плуга. Преданность партии и проведение партийной политики в колхозную жизнь считались вполне достаточными для рекомендации на пост председателя. В нашем селе ни один местный житель никогда не назначался председателем, хотя несколько наших односельчан были направлены на председательскую работу в другие деревни.

Председатель колхоза избирался по тому же принципу, что и члены правления или другие должностные лица. Кандидатам в колхозное правление разрешалось не состоять в партии, но они были обязаны зарекомендовать себя, как «беспартийные коммунисты». Это означало преданность идеям коммунизма. Они ещё были известны как активисты.

Другими, так называемыми, независимыми органами колхозного управления были Контрольная комиссия и народный суд. Контрольная комиссия избиралась ежегодно из членов колхоза на общем собрании, чтобы контролировать и направлять деятельность колхозного правления. В её обязанности входили также контроль над финансовой деятельностью правления, включая бюджет, производство, распределение продукции и годовой доход. Однако все отчёты этой комиссии сначала рассматривались партийной организацией, и только после её одобрения выносились на общее собрание.

Народный суд, хотя и назывался товарищеским, на самом деле стал наводящим ужас карательным органом.

Комсомольцы наряду с коммунистами занимали наиболее значимые должности в колхозной иерархии. Помимо этого членам комсомола ещё было доверено проведение в жизнь новой политики. Если партия планировала очередную кампанию или пропагандистское движение, то комсомол активно начинал внедрять это новшество, и в движение приходил весь политический механизм.

В нашем колхозе было восемь бригад. На первых порах их создали по территориальному принципу, т. е. каждой Сотне соответствовала своя бригада. Например, члены Первой бригады принадлежали к Первой Сотне. В

то время каждая бригада охватывала примерно сто семей или около двухсот работников.

Звенья возникали на основании Десяток. Каждое звено внутри бригады охватывало от десяти до пятнадцати семей, или от восьми до тридцати работников, в зависимости от вида порученной им работы.

Трудовые задачи в колхозе распределялись по бригадам, которые в свою очередь определяли для каждого звена определённый вид работы. Конечно, характер работ зависел от времени года.

Теоретически, бригадира выбирали члены бригады, и им мог стать каждый работающий колхозник. Но в действительности, бригадиры назначались правлением с одобрения партийной организации. Многие наши бригадиры оказались людьми, присланными по разнарядке районного начальства. Звеньевыми обычно становились местные жители. Их назначал бригадир, но список предстоящих кандидатов утверждался партийной организацией и правлением колхоза.

Бригадиры стали важным связующим звеном между вышестоящим начальством и народом, а поэтому они со временем приобрели практически неограниченную власть над членами своих бригад. Члены бригады не могли уехать из села или что-то предпринять по своему усмотрению, не известив своего бригадира и не получив от него разрешения. Например, колхозникам запрещалось даже планировать свадьбы без уведомления бригадира. Каждый шаг должен быть одобрен и согласован в соответствии с его желанием.

Звеньевые являлись надёжными помощниками бригадиров. Характер человека и его умения не брались в расчёт при назначении на эту должность: единственным требованием была личная преданность.

Как колхозники, мы оказались, словно, меж двух огней. С одной стороны, продолжало свою деятельность сельское начальство. С другой стороны, Сотни, Десятки и Пятёрки со своими комиссиями, пропагандистами, агитаторами тоже вели свою активность. Как и раньше, они были заняты вовлечением в колхоз тех крестьян, которые ещё не решились на этот шаг, а также они занимались поставками сельскохозяйственной продукции государству. Хотя мы уже стали колхозниками, нас всё ещё заставляли посещать воскресные и вечерние собрания. Различные комиссии не оставляли нас в покое: под разными предлогами они регулярно приходили в наши дома. По-прежнему, частыми нашими визитёрами оставались пропагандисты, агитаторы, комсомольцы и пионеры. Нам так же вменялось в обязанность участвовать в поставках продуктов, платить налоги и «добровольно» покупать государственные облигации. Как и прежде, с нас требовали «добровольных» отчислений в различные государственные и многочисленные интернациональные фонды, которые поддерживали коммунистические партии за рубежом.

После того, как мы вступили в колхоз, с нас стали требовать еще больше. В дополнении к сельскому управлению колхозная администрация по

сути дела стала второй местной властью. Если не проводилось собрания Сотни, Десятки или Пятёрки, мы в праве были ожидать общего собрания колхозников или бригады, или звена. На таких собраниях сельское начальство заменялось колхозным. Почти каждый день собиралось то или иное собрание, а в рабочее время ещё читались лекции о международном положении. Повестка дня любого сельского собрания совпадала с повесткой дня колхозного собрания. Как следствие этого, вопросы, поднятые вечером на собрании Сотни, снова обсуждались на следующий день во время собрания бригады.

Нас заставляли изучать выступления партийных вождей, принятые законы и постановления. Например, после очередного выступления крупного партийного деятеля его речь официально рассылалась из Всесоюзного Центра через республиканские органы власти по областям и районам. Достигнув нашего села, она дальше расходилась по двум направлениям: через сельское управление и колхозную администрацию. Затем речь зачитывалась и обсуждалась на вечерних и воскресном собраниях, а после — ещё и на собраниях бригад и звеньев в рабочее время. И так происходило со всем, что центральная или местная власть хотела, чтобы мы делали или знали.

Народный суд в нашем селе стал одним из нововведений, пришедшим вместе с новым порядком. Раньше все судебные разбирательства проводились в районном центре. Теперь наше село имело свой собственный суд.

Официально он назывался товарищеским судом. Сначала он не являлся карательным органом, и его активность ограничивалась только дисциплинарными взысканиями. Товарищеский суд мог устанавливать небольшие штрафы или обязывать к принудительным работам в колхозе или в общественных местах сроком не более одной недели.

Но этот суд скоро начал рассматривать все виды правонарушений, включая криминальные, гражданские и политические дела. В руках коммунистов суд превратился в орган инквизиции. Его тень нависла над всеми жителями села.

Судья служил интересам партии. Во время судебных заседаний судья тесно контактировал с сельским партгором, главой сельсовета и председателем колхоза. Таким образом, любая деятельность суда направлялась местным начальством, вплоть до вынесения приговоров. Мнение членов суда во внимание не принималось.

Среди разбираемых в суде случаев были оскорбления начальства, шутки и анекдоты о них, порча колхозного имущества, кража колхозной собственности, неявки на общие собрания и мероприятия, несвоевременная уплата налогов и тому подобное. Приговор суда главным образом определялся степенью нанесения вреда партийной политике.

Наказания были суровыми. За опоздание полагалось выполнять принудительные работы от одного до трёх месяцев. Более серьёзные приговоры выносились тем, чьё «преступление» имело политическую подоплёку. Государственной изменой считалось выступление против линии партии и оскорбления коммунистов. Народный суд обычно направлял такие дела в Верховный Суд или в органы госбезопасности с рекомендацией применить высшую меру наказания или сослать на исправительно-трудовые работы, т. е. в концентрационный лагерь. Такие рекомендации, несомненно, с готовностью выполнялись, поскольку никто из тех, кого судили по таким делам, не вернулся.

Заседания народного суда проводились почти каждый воскресный вечер, и обычно рассматривалось четыре-пять дел. Присутствие всех жителей села было обязательным. Но так как вместить всех сразу в помещение не удавалось, то составили расписание посещения суда по Сотням. Обычно на каждое заседание должны были прийти три Сотни. В случае неявки налагался денежный штраф и принудительные работы. В суде ещё рассматривались дела тех, кто пропускал его заседания.

Я побывал на многих заседаниях суда. Особенно запомнилось одно из них, проходившее весной 1931 года в здании бывшей церкви. Организаторы чётко следили за соблюдением церемонии. Первым на сцене появился «тысячник», товарищ Черепин. Выдержав паузу, он торжественно объявил: «Товарищи, суд идёт!».

Повисла полная тишина. Трое наших односельчан, которых мы все хорошо знали, взошли на сцену. Первым шёл судья Сидор Коваленко, бедный крестьянин, едва умеющий читать и писать. За ним следовало два «народных заседателя». Ни прокурора, ни защитников не предусматривалось. Для нас оставалось непонятным, как эти трое стали членами суда. Они были простыми бедными крестьянами, не принадлежавших ни к партии, ни к комсомолу.

После того, как члены суда заняли свои места, на сцене появились председатели сельсовета и колхоза.

Как только все расселись по местам, судья объявил о слушании первого дела. Под конвоем милиции ввели двух обвиняемых. Судья начал зачитывать обвинительный акт, из чего мы поняли, что этих людей обвиняют сразу по трём статьям. Им вменялись в вину подрывная работа против Советской власти, попытка государственного переворота и распространение украинского национализма.

Это было результатом скорее смешного случая. Мне пришлось быть невольным свидетелем, казалось бы, незначительного события, приведшего в итоге к возбуждению этого дела. Думаю, что мне следует остановиться на этом подробнее.

Существует поговорка: «Что у трезвого на уме, у пьяного — на языке». Выпив, обвиняемые разговорились о том, что они думали, а их мысли не соответствовали линии партии.

С начала коллективизации с полок сельской лавки почти исчезло всё самое необходимое. Керосин, спички, соль и другие нужные товары стали редкостью. Однажды в воскресенье объявили, что в лавку завезли селёдку, и каждому жителю села достанется по полкило селёдки. Поэтому на площади перед лавкой быстро выстроилась длинная очередь. Петро Панченко, один из обвиняемых, тоже хотел купить свою порцию селёдки. Он был добродушным человеком и хорошим работником, но в воскресные дни любил выпить. Это было его единственной слабостью, и на селе к нему относились хорошо. В то воскресенье, как обычно, он уже выпил.

— Послушай, Катюшка, — обратился он к молодой женщине, стоявшей ближе всех к дверям лавки. — Если ты разрешишь мне встать перед тобой, то мы сыграем нашу свадьбу, как только купим селёдку.

Молодая женщина не согласилась.

— Ну, хорошо. Я понимаю, — продолжал Петро. — Ты не хочешь выходить за меня замуж без церковного благословения.

И он указал рукой на развалины церкви.

— Тогда мы повенчаемся прямо здесь, в церкви. Под портретами нашего дорогого и мудрого учителя, товарища...

— Замолчи, зараза! — закричала она на него.

И, конечно, не разрешила занять место впереди себя.

Но Петро так быстро не сдавался. Изменив голос и манеры, он стал копировать товарища Черепина.

— Эй, ты! Враг народа! — обратился он к молодой женщине. — Кто дал тебе право стоять в очереди за селёдкой впереди героя и инвалида революции и члена Комнезёма?

Она по-прежнему ответила отказом.

Ситуация становилась щекотливой. Раньше люди охотно смеялись над шутками Петро. Сейчас он превзошёл сам себя и очень точно спародировал товарища Черепина. Однако на этот раз никто не осмелился засмеяться. Он открыто издевался над советским строем, и каждый опасался присутствия доносчиков.

— Товарищ враг! — продолжал донимать молодую женщину Петро. — От имени нашей любимой партии и дорогого правительства я арестовываю тебя за отказ герою пролетарской революции на его просьбу в ускоренной покупке причитающейся ему селёдки, в соответствии с постановлением всё тех же любимых партии и правительства.

Женщина не обращала на него внимания. И Петро, продолжая дурачиться, повернулся к старушке:

— Бабуля, ты это видела? — спросил он, указывая пальцем на молодую женщину. — Хотел ускорить завершение строительства коммунистического рая своим участием в годовой распродаже селёдки, а она даже не даёт мне купить селёдку впереди себя. Можно я встану перед вами?

Но Петро опять не повезло. Старушка не приняла и не поддержала шутки.

— Ты уже получил свой рай. Иди прочь! — пробормотала она.

— Что? — с удивлением закричал Петро.

— А то! Получай свой рай, если хочешь! Конец очереди вон там.

Петро придвинулся старушке.

— Моя дорогая! — воскликнул он. — Много лет я искал в этом раю ангела и, наконец, нашёл его в очереди за селёдкой!

В то время, когда старушка отбивалась от Петро, пытавшегося её поцеловать, к очереди приближался ещё один пьяница, громко распевая и размахивая руками.

Как и Петро, это был мужчина средний лет, известный своим остроумием. Его фамилия была Антин. В годы Гражданской войны он партизанил. У него ещё была репутация образованного человека, поскольку он умел читать и писать.

Петро отстал от старушки и направился навстречу Антину.

— А! — прокричал Петро. — Рыбак рыбака видит из далека. Да здравствует пьянство в раю!

— Ура! — подхватил Антин, обнимая своего друга Петро.

— Да здравствуют любители селёдки! Ура! — ответил Петро.

— Послушай, господин-товарищ, — начал Антин.

— Ты, буржуазно-капиталистическая-контрреволюционно-империалистическая акула...

— Благодарю за такую честь, — отозвался Петро.

— Ты что? Хочешь купить селёдки? — продолжал Антин. — А это уже контрреволюционное намерение.

Петро засмеялся и в свою очередь начал дурачиться.

— А ты — старая, тощая и грязная свинья, Антин. Ты даже больше чем свинья. Ты — враг народа. Самый страшный и тощий враг, какого я видел за всю мою пропойную жизнь!

— Спасибо за такую честь, — ответил Антин.

— Как ты осмелился явиться на годовую распродажу селёдки в таком виде? — распаялся Петро, напирая на Антина. — Как ты мог появиться в общественном месте в таких грязных штанах?

И он с улыбкой ткнул пальцем на дыры в штанах.

— Я спрашиваю тебя, разрешается ли в социалистическом раю под руководством всеми нами любимого и дорогого, нашего мудрого и всемогущего, нашего отца и учителя, великого товарища...

— Заткнись, а то меня сейчас вырвет! — закричал Антин.

— А я как раз это и имею в виду, — продолжал куражиться Петро. — Тебя тошнит, когда я говорю о нашем дорогом и любимом...

— Я убью тебя! — проревел Антин.

Петро намеревался назвать этого вождя по имени, используя прилагательные, которыми обычно пропагандисты характеризовали Сталина. Энергичный протест со стороны Антина не остановил его.

— Лучше ответь мне прямо о своих штанах, — требовал Петро. — Разве можно демонстрировать на публике свои костистые коленки, как будто ты находишься в капиталистическом обществе?

— Ошибаетесь, товарищ красный партизан, — сказал Антин. — Мои штаны не грязные и не рваные.

Это новая мода.

— И эти дыры, не дыры вовсе?

— Совершенно верно, господин-товарищ. Это не дыры. Это отверстия для вентиляции.

Петро понимающе кивнул.

— А что? Создатели этих штанов тоже имеют такую же вентиляцию?

— Насчёт штанов не знаю, а то, что у них головы дырявые, это точно.

Продолжая свою болтовню, эти двое опять обратили своё внимание на очередь за селёдкой. Петро, снова подражая товарищу Черепину, прокричал:

— Товарищи, соотечественники! С этого момента вы все заслуживаете получать по одной целой селёдке в год! Мы назовём её Красной Селёдкой. А те из вас, товарищи, кто не сможет съесть свою порцию, будут обязаны сдать излишки нашим дорогим партии и правительству, которые в свою очередь распределят их среди голодающего населения капиталистических стран. Товарищи, присоединяйтесь к нашему социалистическому соревнованию по сбору излишков селёдки в пользу трудового народа капиталистических стран!

В очереди не раздалось ни одного смешка во время этой «селёдочной» речи. Люди, почувствовав опасность, повернулись к Петро спинами.

Видя, что его юмор не оказывает никакого эффекта на присутствующих, Петро вместе с Антиным переключились на новый вид развлечений: песни и пляски.

Они пропели антикоммунистические частушки, придуманные жителями села со времени начала коллективизации. Они уже попели несколько таких частушек, когда поняли, что люди на это никак не реагируют. Тогда обнявшись, они затянули ещё одну, и за это кто-то на них донёс. И вот теперь в качестве обвиняемых, под конвоем милиции, они предстали перед народным судом.

В то время я ничего не знал о судопроизводстве и законодательной системе, однако то, что я увидел в суде, показалось мне трагикомической пародией. После зачтения обвинения, в котором ни словом не упоминались конкретные преступления, судья Сидор начал допрос. Он читал вопросы дрожащим голосом.

— Ваше имя? — спросил он Петро, даже не поднимая голову от бумаги, которую он близко держал перед глазами.

Вопрос поставил Петро в полное замешательство.

— Что? — выпалил Петро, открыв рот от изумления.

Петро и Сидор были соседями и дружили всю жизнь.

— Ты что, перестал меня узнавать? — спросил удивлённый Петро.

Сидор заметно смутился и не знал, как выпутаться из этой ситуации. Он посмотрел на товарища Черепина. С этой минуты Черепин взял ведение судебного заседания в свои руки. Голоса других раздавались только тогда, когда товарищ Черепин задавал им вопросы.

— Вы слышали вопрос, — угрожающе прошипел товарищ Черепин, глядя на Петро, как на вошь. — Ваше имя, фамилия и отчество?

— Но он знает, как меня зовут. Все знают..., - начал, было, Петро.

— Назовите своё имя! — повысил голос товарищ Черепин.

Петро беспомощно огляделся, словно он не понимал, что происходит, и послушно ответил. Затем посыпался поток других вопросов.

— Дата и место рождения?

— Место работы?

— Национальность?

— Состоите в партии?

— Имена родителей?

— Их социальное положение до революции?

— Пользовались ли они наёмным трудом?

Это было только началом долгого и утомительного допроса. Петро пришлось вспомнить детали своей биографии с младенчества до настоящего времени. Товарища Черепина особенно интересовало, что родители Петро, его дед с бабкой, родственники, а также родители его жены и все её родственники делали до и после революции и в годы Гражданской войны.

Находились ли они на гражданской или военной службе при царском режиме? Были ли они богатыми или бедными? Имели ли они наёмных работников? Как они приняли Октябрьскую революцию?

Для нас, жителей села, такой допрос показался странным, нам всем стало не по себе. Ведь далеко не все из нас точно знали дату своего рождения, а особенно — дни рождения своих родственников. Мы свято хранили память о своих предках, но, вероятно, немногие из нас с уверенностью могли знать, пользовались ли они наёмным трудом или нет. Поэтому сначала нам было непонятно, какая связь существует между предками Петро и его преступлением. Но, по мере дальнейшего допроса, для нас стало совершенно ясно, что и мы в ответе за всё то, что сделали наши предки.

Петро знал примерно, сколько ему лет, но он не мог указать место своего рождения по той простой причине, что его рождение не было официально зарегистрировано.

Товарищ Черепин истолковал это, как неуважение к суду. Затем Петро не мог припомнить в деталях, чем конкретно он занимался до революции и после неё. Суд увидел в этом попытку скрыть своё контрреволюционное прошлое. Дальше выяснилось, что отец Петра служил младшим офицером в царской армии в годы Первой Мировой войны. Никто на селе, включая самого Петро, не знал, какое именно тот имел звание, но его все считали героем, потому что лишь немногим крестьянам удавалось дослужиться до звания офицера царской армии. Однако его убили на передовой, и на селе плохо помнили. Даже Петро считал, что совсем неважно, какое звание он имел, и не придавал этому никакого значения. Но товарищ Черепин считал по-другому.

— Итак, ваш отец был офицером царской армии?

Он специально делал ударение на слове «офицер». В то время это звание было предано анафеме.

— Расскажите нам, — продолжал он. — Сколько бедняков становились офицерами в царской армии?

— Откуда я знаю, — отвечал Петро.

— Совсем немного, — произнёс Черепин, прямо глядя на Петра. — Только те крестьяне получали повышение, которые преданно служили царю и его режиму. Это ясно?

— Мой отец был..., - хотел что-то возразить Петро.

— Вас никто не спрашивает! — перебил его товарищ Черепин. — Мы знаем таких людей. Мы ещё помним то время. Ваш отец получил повышение по службе, потому что он был предан царю.

А, как офицер, он был погромщиком угнетённого народа. Если бы его не убили на войне, он непременно бы стал контрреволюционером, врагом народа.

— Но..., - попытался опять что-то сказать Петро.

— Замолчите! — прокричал грозно товарищ Черепин.

— Но его убили за три года до революции! — смог все-таки вставить Петро.

Товарищ Черепин не стал больше тратить время на его допрос. Теперь он сидел, с ненавистью глядя на Петро. После минутного молчания, он придвинулся к Сидору и что-то прошептал ему на ухо. Последний немедленно приказал Петро сесть.

Затем вызвали обвиняемого Антина. Антину тоже предстояло ответить на множество вопросов, но это не заняло так много времени. Вскоре товарищ Черепин обернулся к судье, и тот, поспешно приказав Антину сесть на своё место, предоставил слово товарищу Черепину. Предполагалось, что это будет обвинительная речь, а на самом деле всё свелось к обычному политическому выступлению, изобилующему избитыми фразами. Из всего сказанного мы поняли, что Петро и Антина обвинили в подрывной деятельности против Коммунистической партии и Советского государства. Конечно, их заклеили контрреволюционерами и врагами народа. Петро провозглашался сыном царского офицера, и поэтому — потенциальным врагом народа. В результате всего сказанного товарищ Черепин предложил перенести рассмотрение дела в Верховный Суд и Органы Госбезопасности.

Когда речь закончилась, кто-то зааплодировал, и другие последовали его примеру. Мы уже прошли хороший урок по тому, где и когда следует хлопать. Затем наступила тишина как в церкви.

— Какое преступление они совершили? — прокричал кто-то.

— Что они сделали? — спросил ещё кто-то из другого угла.

Аудитория пришла в движение. Раздавались голоса с требованием разъяснить, что за преступление совершили обвиняемые. Сидор, как послушная собака, смотрел на товарища Черепина. Члены суда нервно заёрзали на своих стульях.

Но товарищ Черепин не растерялся. Не обращая внимания на судей, он медленно поднялся с места и пояснил:

— Поскольку обвиняемым вменяется в вину антипартийная агитация, а также высмеивание партии, правительства и меня, партийного представителя, лично; поскольку перечисление их преступлений публично будет повторением совершённых преступлений обвиняемыми против партии и правительства, то, по мнению суда, назвать их преступления — значит, нанести вред партии и правительству.

И всё. Это рассуждение не внесло полной ясности, но кое-что мы поняли.

— Вопросы будут? — буднично спросил товарищ Черепин.

Вопросов не было.

Затем мы с удивлением услышали, что обвиняемым даётся право выступить в свою защиту. Товарищ Черепин что-то шепнул Сидору, и тот первым разрешил говорить Антину.

Антин, держа в руках запачканную землей шапку, переминаясь с ноги на ногу, не знал, что сказать. Он только повторял, что не помнит, что говорил и делал в то воскресенье, потому что был пьян.

Потом наступила очередь Петро. Хотя сначала он выглядел растерянным, но быстро собрался с силами. Прежде всего, он долго смотрел на присутствующее начальство, а затем перевёл свой взгляд на членов суда с чувством сострадания, словно понимая их принудительное положение. Затем он почему-то глянул на рваную рубаху Антина и на свои ноги, обёрнутые тряпьем. Только после этого он начал говорить:

— Товарищи, — произнёс он, используя официальное обращение.

— Здесь для тебя нет товарищей, — перебил его товарищ Черепин. — Ты здесь обвиняемый!

— А кто здесь задаёт вопросы? — быстро нашёлся Петро. — Я думал, что Сидор здесь судья!

Кто-то засмеялся. Судья Сидор, сидевший до сих пор прямо, словно он аршин проглотил, посмотрел на членов суда, и увидел, что все они смотрят на него и друг друга.

Но всё быстро прояснилось. Товарищ Черепин вскочил с места.

— Я здесь задаю вопросы! — заорал он с негодованием. — А вы должны на них отвечать, потому что я — представитель партии.

После намеренной паузы он продолжил:

— С нас хватит твоего остроумия!

И ударив кулаком по столу, крикнул:

— Продолжайте, товарищ судья!

Петро дали последнее слово. Но он не просил о помиловании. Он только отметил, что если Антин и виновен в чём-то, то исключительно по тому, что он, Петро, сбил его с толку. Он попросил суд освободить Антина. Суд объявил перерыв в своём заседании.

Вскоре занавес на сцене поднялась, открывая всеобщему взору начальство и членов суда.

Судья Сидор произнёс испуганным голосом, что поскольку совершённые преступления лежат вне компетенции народного суда, то дело передаётся на рассмотрение вышестоящий суд и пересылается в Органы Безопасности. Заключённые остаются под стражей.

Это было последний раз, когда мы видели Петро и Антина, сельских шутников, бедных крестьян и горячих сторонников Октябрьской революции.

После завершения суда над Петро и Антиным, преступили к рассмотрению нескольких мелких дел. В первом из них, один очень тихий крестьянин обвинялся в невыполнении плана государства по хлебозаготовкам. Думаю, что это дело намеренно было вынесено на всеобщее обозрение, потому что подавляющее большинство жителей села не могло выполнить этого плана. Бедняга просто стал «козлом отпущения», и на его примере нам хотели продемонстрировать, что нас ожидает. Его назвали «врагом народа», и дело передали на рассмотрение вышестоящего суда и в Органы Госбезопасности.

Затем перешли к обвинению ещё двух крестьян. Одному вменялась в вину продажа собственной лошади перед самым вступлением в колхоз, а другого ждало наказание за то, что он обозвал члена комсомола янычаром.

Следующее дело отличалось от предыдущих. На скамью подсудимых привели ещё одних несчастных. Они были одеты в лохмотья, с невымытыми и заросшей щетиной лицами. Они не разговаривали друг с другом. Один из них имел любимое место для рыбной ловли и считал его своим. Однажды утром, придя на рыбалку, он обнаружил, что его место занято: его сосед уже ловил здесь рыбу. Первый крестьянин стал предъявлять права, говоря, что он рыбачит здесь несколько лет. Но другой крестьянин не захотел уступать. Он спорил, что река, рыба, вода, воздух — фактически всё принадлежит народу. Разве так не говорил пропагандист на воскресном митинге? Но первый крестьянин не проникся таким аргументом и ударил другого между глаз. Завязалась драка, в результате которой пострадавший остался с разбитым носом и синяками на лице.

Он решил отомстить и пожаловался в сельсовет. Таким образом, они оба оказались на скамье подсудимых.

Интересным стал приговор по этому делу. Его зачитал сам товарищ Черепин. Вероятно, он посчитал эту задачу очень ответственной и не доверил её Сидору, судье.

Товарищ Черепин объявил, что поскольку реки, земля и леса принадлежат всему народу, то оба, истец и ответчик, виновны в посягательстве на общественную собственность и, следовательно, заслуживают наказания. Каждый из них приговаривался к двухнедельным принудительным работам.

Панас Коваленко, однофамилец Сидора, бедняк, недавно вступивший в колхоз, не знал, что значит еврейское слово «жлоб». Но именно эта неосведомлённость привела его на скамью подсудимых и в итоге стоила ему жизни.

Случай, ставший роковым в его судьбе, произошёл всего несколько дней назад на колхозном поле. Началась посевная, и Панас вспахивал землю. Так случилось, что в тот день прибыла партийная комиссия из района, и во время объезда колхозных полей они увидели Панаса. Он тоже их увидел. Они остановились на дороге, что-то горячо обсуждая. Не было сомнений, что

объектом их спора стал он, Панас, потому что один из приезжих указывал на него рукой.

Затем, когда Панас с плугом приблизился к ним, товарищ Черепин, сопровождавший проверяющих, приказал ему остановиться. Как только Панас подчинился, члены комиссии направились к нему.

— Что вы делаете? — командирским тоном спросил товарищ Черепин.

— Сами видите, что я делаю, — был ответ Панаса.

— Что это значит? Вы что, говорить не можете? — сердито сказал товарищ Черепин.

— Почему? Могу. А вы не можете понять, что я делаю? — ответил Панас, слегка повышая голос.

На этом месте вмешался один из партийных представителей:

— Товарищ Черепин хочет знать, как называется та работа, которую вы сейчас выполняете?

— Я бороню землю, — ответил Панас, оглядывая с удивлением товарища Черепина и прибывших с ним.

Партийный представитель вынул какую-то брошюру и стал быстро её пролистывать. Найдя нужное место, он внимательно прочитал его, взглянул на борону и товарища Черепина, а затем спросил Панаса:

— Вы всегда так пашете землю?

— А как ещё я могу пахать? — был его ответ. — Наши предки так вспахивали землю веками, и я так же делаю.

— Вы имеете в виду, что бороной вы пользуетесь только чтобы боронить? — не унимался дотошный партиец.

В брошюре, с которой он сверялся, говорилось, что колхоз обязывается вспахивать поле три раза один за другим.

Однако по-украински эта фраза могла быть понятой человеком, не смыслившим в сельском хозяйстве, как «боронить тремя боронами, поставленными одна на другую». Буквально так и поняли эту фразу представители партийной районной организации. И теперь, увидев, что Панас боронит землю только одной бороной, замерли в оцепенении. Это было явное нарушение партийной инструкции, и, следовательно — государственное преступление.

Когда высокое начальство выразило своё недоумение, а Панас остался по-прежнему невозмутимым, то это рассердило партинца. Отвернувшись от Панаса, он обратился к товарищу Черепину, вытянувшемуся по стойке смирно:

— В этих инструкциях, — он помахал брошюрой. — Ясно сказано, что вспашку следует производить тремя боронами. А вы сами видите, что этот

человек использует только одну. Как вы можете объяснить, что во вверенном вам колхозе игнорируются партийные инструкции?

Всё это время другие присутствующие переводили взгляд то на борону, то — по очереди на товарища Черепина и Панаса. Ситуация становилась напряжённой. Представители района смотрели на них так, будто перед ними стояли самые отъявленные предатели. И, не дожидаясь объяснений, они повернулись и направились к машине, оставив товарища Черепина и Панаса вдвоём на поле. Такой внезапный оборот дела вызвал горячую перепалку между ними.

Товарищ Черепин громко обвинил Панаса в нарушении инструкции партии по вспашке. Эти инструкции требуют чтобы использовались три бороны, утверждал товарищ Черепин. А это значит, что три бороны должны быть поставлены друг на друга. Он лично раздал инструкции всем бригадирам, и Панас должен был знать об этом. Однако он, Панас, совершенно пренебрёг указаниями партии. И нет сомнений, что сделал он это намеренно. Его целью было принизить важность партийного руководства в вопросах сельского хозяйства, и, таким образом, саботировать социалистическую систему сельскохозяйственной экономики.

В свою очередь Панас пытался объяснить, что это боронить надо три раза, что он и делал. А боронить тремя боронами нет никакой возможности: не хватает борон, да и лошадям не под силу тащить сразу три бороны.

Но Панасу это не помогло. Товарищ Черепин настаивал, что у Панаса сделал это намеренно. Более того, он обозвал Панаса предателем, саботажником и, конечно, врагом народа. Это уже было слишком! Даже Панас, бедняк, не мог этого снести и закричал в ярости: «Ты, жлоб, отвяжись от меня!».

Товарищ Черепин явно не ожидал такого поворота событий. Никто и никогда не осмеливался так его называть. Ведь он являлся представителем партии! Всю свою деятельность он осуществлял от имени партии. И каждый, имевший с ним дело, в его лице соприкасался с партией и правительством. Поэтому, кто был против него лично, был против партии и правительства. А этот невежественный мужик осмелился обозвать его жлобом! Это было немыслимо! Он не потерпит никаких оскорблений, особенно — от крестьянина. Этот невежа заслуживает хорошего урока. Он, товарищ Черепин, закаленный революционер, коммунист с многолетним стажем, партизан Гражданской войны, научит Панаса, как следует разговаривать с представителем партии и правительства! Этот неотесанный мужик, скотина, должен быть наказ так, чтобы ни он сам, и никто другой никогда бы не осмелился так вести себя с коммунистом высокого ранга. Это вонючий крестьянин должен запомнить свой урок на всю жизнь.

— Вы ответите за это в суде, — произнёс товарищ Черепин сквозь зубы, стараясь сдержаться. — Вас известят о дате судебного заседания. Но запомни, с тобой я разделаюсь рано или поздно!

Панас остался один. Он знал, что товарищ Черепин не бросается словами.

Что же такое «жлоб»? Этот вопрос не давал теперь Панасу покоя. Он и не думал, что это слово настолько оскорбительно, что за него надо человека привлекать к суду. Сам он слышал его много раз. Более того, его самого много раз так обзывали. Но он никогда не считал, что это оскорбление.

Товарищ Черепин сдержал своё слово, и сейчас Панас стоял перед народным судом. Черепин так увлёкся своей тирадой, что мы думали, он совсем забыл о сути дела. Затем, спустя почти час, он начал атаку на Панаса. Голосом человека, подвергнувшегося страшному издевательству, он поведал всем, что во время исполнения своих служебных обязанностей гражданин Панас Коваленко унизил и дискредитировал его. Все отметили, что он не назвал его «товарищем», обращением, применяемым только к лояльным гражданам. Мы уже знали, что это не сулит ничего хорошего. В нашем понимании Панас уже стал преступником.

Упомянув имя Панаса, он остановился и обвёл собравшихся взглядом, словно ища поддержки. Затем товарищ Черепин заговорил снова. Он описывал преступление Панаса возвышенным голосом. С каждым произнесённым словом преступление становилось всё больше и больше, а Панас — меньше и меньше.

— Эта тварь, — он злобно указал на Панаса сразу двумя руками. — Не только проигнорировала указания партии, но ещё и оскорбила меня, представителя партии и правительства. И запомните, оскорбить меня — значит, оскорбить и унижить партию и правительство. Таким образом, он нанёс оскорбление нашему дорогому и любимому вождю и учителю, нашему дорогому товарищу...

Имя партийного вождя утонуло в громе аплодисментов.

Товарищ Черепин удовлетворенно огляделся. Панас понуро смотрел в пол. Когда аплодисменты смолкли, товарищ Черепин объявил приговор: Панас совершил настолько тяжкое преступление, что его необходимо передать на рассмотрение в Органы Госбезопасности и Верховный Суд.

У товарища Черепина всё выглядело гладко за исключением одного пункта: как мог Панас сразу оскорбить и товарища Черепина, и партию, и правительство?

— Как именно он вас оскорбил? — выкрикнул кто-то из угла.

— Что он такое сделал? — спросил ещё чей-то голос.

Зал оживился. Многим не терпелось узнать, что же произошло между Панасом и товарищем Черепиным.

Кто-то даже спросил, а были ли свидетели случившегося. Сначала товарищ Черепин спокойно обвёл собравшихся взглядом. Затем он поднялся с места и выпил воды. Заглянув в пустой стакан, словно желая убедиться, что он действительно пуст, он медленно поставил стакан на место, и, кашлянув в

кулак, прозвонил в колокольчик, призывая к тишине и порядку. Всё сразу же замолкло, и установилась мёртвая тишина. Все боялись даже пошелохнуться. Мы ждали, что же он скажет.

Но товарищ Черепин не торопился. Он пронзительно посмотрел на аудиторию, как будто хотел всех загипнотизировать. Затем начал говорить:

— Поскольку по своей сущности преступление гражданина Коваленко таково, что оно дискредитирует нашу любимую партию и правительство, и меня, как их законного представителя, то не считаю уместным повторять это публично.

На какой-то момент повисла молчание. А потом ясным голосом он добавил:

— Я ещё раз повторяю требование. И это является требованием нашей любимой партии и правительства.

Нет необходимости сомневаться в злонамеренном преступлении обвиняемого, а поэтому его дело направляется в Органы Госбезопасности и Верховный Суд.

Он закончил своё пояснение и намеренно сделал паузу, словно ожидая каких-то возражений. После этого он что-то сказал Сидору, судье. Это была команда приступить к судебному слушанию. Но мы уже поняли, что Панас был уже приговорён ещё до начала судебного разбирательства. Сидор, как и в предыдущем случае, не знал, что сказать и растерялся. Теперь он беспомощно смотрел то на обвиняемого, то на товарища Черепина. Товарищ Черепин что-то подсказал ему на ухо, и Сидор обратился к обвиняемому и произнёс:

— В своей патриотической речи товарищ Черепин утверждает, что вы неуважительно отозвались о наших партии и правительстве, и о самом товарище Черепине. По какой причине вы это сделали?

— Ни по какой, товарищ... Не было у меня причины, — сердито ответил Панас.

Судья Сидор, взглянув на товарища Черепина, поправил Панаса:

— Товарищ судья.

Панас нехотя повторил поправку судьи. Но обращение подсудимого к судье не устроило товарища Черепина, и теперь он поправил обоих:

— Просто судья.

Панас хмуро повторил.

Затем судья продолжил допрос:

— И почему вы это сказали? — спросил он вежливо, как будто отец бранил сына за невинную шалость.

— Что?

— Вы знаете, что.

— А..., вы имеете в виду «жлоб»?

Вот оно что! Ненамеренно Панас обнародовал то, что не решался произнести публично товарищ Черепин.

Ответ Панаса произвёл сенсацию среди собравшихся. Некоторые не могли удержаться от смеха. Испуганный Сидор тщетно старался призвать к порядку. Возбуждение только нарастало. Даже товарищ Черепин растерялся, но он не ждал долго. Быстро вскочив с места, он стал трясти колокольчиком, призывая к порядку, но шум не затихал. Несколько секунд молчал, словно не зная, что предпринять. Затем, подняв руки, он заорал во весь голос:

— Партия и правительства не потерпят здесь никакого бунта!

Сразу наступила тишина. Товарищ Черепин намеренно медленно обвёл всех взглядом, а потом начал говорить медленно, тщательно произнося каждое слово:

— Вы все товарищи видели и слышали, что он опять это сделал! — указал товарищ Черепин пальцем на обвиняемого. — Это типичный враг народа. Они используют любую возможность, чтобы очернить наших любимых партию и правительство. Как вы знаете, я не хотел обнародовать суть оскорбления, потому что я не желал подвергать партию и правительство злонамеренной публичной клевете!

Товарищ Черепин остановился на мгновение. Тяжёлое чувство повисло над аудиторией. Все молча склонили головы. Мы все очень хорошо знали, что участь тех, кому привешивают ярлык «враг народа», была предрешена. У них не остаётся ни малейшего шанса оправдать себя.

— Я повторяю, — продолжал товарищ Черепин, высоко подняв голову. — Я не хотел разглашать лживую клевету на любимых партию и правительство и на вас. Я говорю «на вас», потому что Коммунистическая партия и Советское правительство — это вы.

В этом было что-то новое: он вовлёл нас в это дело, и это было странно слышать, потому что мы не чувствовали себя оскорблёнными. Наоборот, мы сочувствовали Панасу.

Товарищ Черепин завёлся опять:

— Но он, обвиняемый, использовал этот уважаемый суд, чтобы публично повторить своё злодеяние!

Мы приготовились выслушать ещё одну патриотическую речь, но вдруг услышали голос Панаса.

— Люди добрые! — закричал он отчаянно. — Вы сошли с ума! Я не сказал ничего такого запрещённого, чего бы нельзя было здесь повторить.

Но никто не выступил в его поддержку. Все хранили молчание. Товарищ Черепин внимательно следил за собравшимися.

— Нет, ты сказал, — заявил он после минутного молчания.

И начал собственный допрос, совершенно игнорируя судью Сидора, который глупо переводил взгляд с товарища Черепина на Панаса.

— Скажите, как вы осмелились так обозвать партийного работника? — повелительно спросил он Панаса.

Ответа не последовало.

— Что, нечего сказать в своё оправдание?

Панас что-то очень тихо произнёс, но никто не мог его расслышать.

— Вы сознательно обозвали меня, партийного представителя, ...сами знаете как?

— Товарищ Черепин..., - начал Панас.

— Я вам не товарищ! — заорал товарищ Черепин. — Сколько раз это нужно повторять?

— Ну, ладно..., - пробормотал Панас.

— Я ещё не закончил! — продолжал кричать товарищ Черепин.

— Я думал..., - снова пытался что-то вставить Панас.

— Никого не интересует, что ты думаешь. Считается только то, что ты говоришь, — оборвал его товарищ Черепин.

Выдержав паузу, он продолжил:

— Может быть, ты и не собирался обозвать меня, партию и правительство... сам понимаешь, как...

— Я думал..., - начал Панас.

— Я имею в виду, что ты погорячился. Так?

Было ясно, что товарищ Черепин хотел, чтобы Панас публично признался, что он не хотел оскорблять его и извинился бы.

— Да, да.... Так оно и было... Я не хотел...

Мы все видели, что Панас совсем растерялся. Он продолжал повторять: «Я не хотел, я не хотел...».

Товарищ Черепин расплылся в улыбке. Он знал, что его враг сломлен. После очередной многозначительной паузы он, наконец, повернулся к Сидору, и что-то прошептал ему на ухо.

Но в среде собравшихся опять росло волнение. На этот раз люди хотели знать, что же означает слово «жлоб».

— Что такое «жлоб»? — громко выкрикнул кто-то.

Едва ли кто-нибудь знал, что это такое. Панас объяснил, что он не знает значения этого слова. Сам он впервые его услышал в городе: кто-то обозвал его «жлобом», когда он стоял в очереди за хлебом.

Не было сомнения, что товарищ Черепин прекрасно знал значение этого слова, но продолжал настаивать, что оно сильно оскорбляет его лично и партию.

Мне казалось, что я знал, что это значит, и не мог удержаться, чтобы не крикнуть:

— Требуется объяснение!

И не дожидаясь разрешения, я выпалил:

— Это не украинское слово, а русское. И значит оно «невежественный грубиян».

Только позже я узнал, что это слово было еврейским, и оно обозначает полностью непутёвого, на котором даже новый костюм висит как лохмотья; который роняет крошки еды, отпускает дурацкие шутки и всё это не специально, а потому что он просто недоделанный.

После такого моего стремительного объяснения стало очевидным, что Панас не виновен в том, в чём его обвинял товарищ Черепин, и вообще он ни в чём не виновен. Но ему это уже не помогло. Победила настойчивость товарища Черепина, и народный суд признал Панаса виновным в нанесении оскорбления не только товарищу Черепину, но также партии и правительству, а поэтому дело передавалось в Верховный Суд.

Больше мы никогда не видели Панаса. Но с этого времени мы стали звать товарища Черепина «товарищем Жлобом», конечно, за глаза.

Глава 14

Одной из самых странных сторон колхозной жизни было проведение различных компаний для разрешения множественных проблем. В последующие годы не проходило ни одного дня, чтобы мы участвовали в той или иной компании.

Например, с наступлением весны объявлялась посадочная компания. Все должны были принимать в ней участие: мужчины и женщины, молодые и старики, здоровые и больные. Эта компания, растянутая на весь сезон, плавно переходила в последующую компанию — по сбору урожая. За ней следовала компания по посадке озимых. Четвёртой компанией была зимняя компания, которая подразумевала подготовку к новой весенней посевной.

При проведении этих компаний, колхозников вовлекали одновременно и в другие компании. Это могли быть компания по сбору налогов, компания по добровольной сдаче зерна государству и многие другие. Проводимые в одно и то же время или следующие друг за другом, эти компании назойливо входили в нашу жизнь.

Помимо этих компаний, обременявших нас в течение всего трудового дня, мы были опутаны ещё постоянной говорильней. Это красиво называлось «проблемами» и «вопросами». Темы были такие: «Проблемы плодородия», «Вопрос поднятия плодovitости свиней», «Проблема увеличения надоев

коров», «Вопрос яйценоскости кур» и тому подобное. Мягко говоря, наивно было ожидать увеличения производительности сельского хозяйства, развернув наступление лозунгами и постановкой вопросов. Но для нас каждая такая компания со связанными или отвлечёнными проблемами и вопросами, только становилась лишним поводом для нахождения виновных в её невыполнении.

Задачи партии и правительства по коллективизации можно сформулировать несколькими фразами: плохое надо преобразить в хорошее, из немного надо сделать много, маленькое должно стать большим. Достижение целей ничем не ограничивалось, и поэтому никто не считался с человеческими затратами, выраженных в поте, страхе и унижении.

От колхозников требовалось не просто участие, а радостная готовность и энтузиазм в выполнении поставленных задач. Малейшее проявление равнодушия воспринималось подозрительно, потому что это расценивалось как оппозиция к официальной политике, и, следовательно, саботаж, как говорили коммунисты.

Среди всего этого вороха компаний, проблем и вопросов, мне больше всего запомнилась «Лошадиная» компания. Это событие было самым невероятным и нелепым, а для некоторых оно стало самым трагическим.

Коллективизация требовала полного обобществления домашнего скота. Каждый крестьянин при вступлении в колхоз обязан был передать колхозу всю свою домашнюю скотину. Естественно, каждый предпочёл при этом иметь наименьшее количество скота. Многие перед лицом такой ситуации забивали свой скот до того, как их насильно вынуждали стать колхозниками. Некоторые пытались продать или обменять своих животных. Но не всё могло быть проданным, и эта оставшаяся скотина загонялась в колхозные стойла, переходя в собственность колхоза.

Если смерть предпочесть жизни в полной нищете, то колхозные животные могли бы позавидовать судьбе забитого колхозниками скота, поскольку колхозная ферма стала прямой дорогой на кладбище. Корма заготавливались небрежно, и их часто просто не хватало. А колхозники, лишённые права владельцев, оставались равнодушными к судьбе колхозного скота.

Результаты оказались катастрофическими. Плохой уход и болезни за одну зиму погубили сотни лошадей в нашем селе. В результате возникла ещё одна проблема, поскольку лошади составляли основную тягловую силу. Именно эта проблема и заставила начать «Лошадиную» компанию в нашем колхозе.

За день до собрания поползли слухи, что товарищ Черепин, вернувшийся с районной партийной конференции, намерен донести до сведения всех колхозников важную новость. Конюхи считали, что на предстоящем собрании речь пойдёт о лошадях. Поводом к таким

размышлениям было посещение конюшен товарищем Черепиным сразу же после приезда с конференции.

Собрание, как всегда, проводилось в бывшей церкви. Когда мы с мамой подошли, собрание уже началось, и помещение было забито до отказа. Как обычно, говорил товарищ Черепин.

Он сыпал всё теми же словами и стандартными фразами. Захлёбываясь словами, он возвеличивал классовую борьбу и мировую пролетарскую революцию. Это было его любимое разглагольствование, которым он умело жонглировал, пока собравшиеся привычно ждали, когда начнётся основное представление. Спустя час, товарищ Черепин, наконец, сменил тему и приступил к главному вопросу повестки дня.

Напомнив нам, что Советский Союз должен догнать и перегнать все капиталистические страны, особенно — Соединённые Штаты Америки, он подчеркнул, что важная роль в этом соревновании отводится лошадям. Причина, по которой слово «лошадь» заменила слово «трактор», на который ещё совсем недавно возлагались большие надежды, определялась на самом высоком партийном уровне. Такие крутые повороты политики партии колхозникам не разъяснялись.

— Лошади, товарищи, лошади и ещё раз лошади! — выкрикивал товарищ Черепин. — Наше родное Отечества и наша любимая партия нуждаются в лошадях!

Он остановился ненадолго, впиваясь взглядом в собравшихся. А потом медленно, но ясно произнёс, говоря сквозь зубы:

— Нам нужно больше лошадей, хороших лошадей, товарищи! Эта наш лозунг сегодняшнего дня!

Новый лозунг, на самом деле, только заменил старый в привычной говорильне. Всего несколько недель назад товарищ Черепин предсказывал процветание настоящего и следующих поколений, если колхозники «увеличат производительность свиного поголовья».

В другой раз, говоря о «продуктивности коров», он подчеркнул, что если колхозники разрешат «молочную проблему» — и в их интересах её разрешить — Советский Союз станет «страной обетованной с молочными и медовыми реками».

На предыдущих собраниях слушателям удавалось сдерживать свои эмоции до конца собраний и давать им волю только после, давась со смеха или критикуя услышанное.

Нелепость «лошадиной речи» не отличалась по глупости от подобных других речей. То, что лошади имеют большое значение в сельском хозяйстве, никем не оспаривалось. Но ни один член колхоза, к которому обращался товарищ Черепин, не являлся больше владельцем лошадей. Все лошади стали общими. А теперь товарищ Черепин разразился речью, призвав крестьян

каким-то образом увеличить поголовье лошадей. По крайней мере, мы именно так его поняли.

— Мы должны разрешить лошадиную проблему! — повторил товарищ Черепин. — И, говоря диалектически, чтобы вырастить лошадь, для начала надо завести жеребят. Наше будущее, товарищи, зависит от лошадей, и верхом мы легче и быстрее достигнем наших целей!

Над услышанным следовало призадуматься. Конечно, никто из нас не знал, что означало слово «диалектически». Поэтому эта часть сказанного для нас осталась непонятной, по крайней мере, для меня. Но вторая часть оставалась ясной. Все мы знали, как растить лошадей. Я даже представил товарища Черепина верхом на лошади, скачущего за «целью». Но что именно он пытался сказать нам?

Низким голосом, после паузы, во время которой мы должны были оценить важность его заявления, товарищ Черепин продолжил:

— Но, товарищи, даже здесь мы не застрахованы от вредительства со стороны классовых врагов. Этот самый важный фактор нашего существования стал пропитан контрреволюционной активностью капиталистических элементов.

Боль страха сменилась болью жалости к колхозным конюхам. Вина ложилась на них.

Голос товарища Черепина опять зазвенел, и собравшиеся замерли, каждый старался спрятаться за спину впереди сидящего.

— То, что в нашем колхозе орудуют враги народа, установленный факт. Сколько жеребят у нас в конюшнях? Вы даже не знаете! А сколько появится в будущем? Вы можете мне сказать?

И, подождав немного, он сказал:

— Нет, не можете!

Все молчали. Каждый старался подавить в себе и не показывать охвативших его чувств. Как нас научил опыт прошлого, непроизвольное проявление эмоций, неважно, по какому поводу, щедро «награждалось». Поэтому сейчас, обвинённые товарищем Черепиным в «низкой производительности колхозных кобыл», все жители села сидели в полной тишине.

— Пятнадцать! — прокричал он. — Только пятнадцать жеребят на весь колхоз!

Незнание товарищем Черепиным сельского хозяйства и бедность словарного запаса создали ситуацию, комичную для крестьян, но жалкую и трагическую для его жертв. Пользуясь человеческими понятиями, имея в виду кобыл в колхозных стойлах, он спросил, сколько из них были беременными. Старший конюх, кому был адресован этот вопрос, хохотнул, услышав слово «беременные». В этом была своя необычность. Ведь

полагалось выслушивать партийные речи с таким же вниманием и почтением, как проповеди священника.

Как только главный конюх рассмеялся, товарищ Черепин бросил на него взгляд, а потом уставился на собравшихся. Затем он театрально отпил немного воды. Конюх сник, под строгим взглядом партийного начальника его весёлость быстро исчезла. Он только теперь понял трагичность ситуации, но было уже поздно.

— Вы смеётесь, — выпалил товарищ Черепин. — По-вашему, это смешно. Мои слова развеселили вас. Слова партии и правительства веселят вас!

Его голос зазвенел сердито, а глаза бешено сверкали.

Побледневший конюх, ища выхода из создавшегося положения, пытался что-то сказать. Подняв руки, он пробормотал:

— Я... Я только хотел сказать, что...

— Пока я здесь представляю партию и правительство! — заорал со злостью Черепин.

Сознавая, что его дела совсем плохи, конюх выдавил из себя короткое извинение перед товарищем Черепины, пока тот не приказал ему совсем замолчать.

— Я засмеялся, потому что о лошадях не говорят «беременная»... Кобыла может быть жеребая!

Конюх не договорил. Вероятно, он не мог подобрать соответствующих слов. Тем не менее, он опять извинился за своё «ребяческое поведение», утверждая, что засмеялся он без всякой цели, и, прося прощения за то, что прервал такую прекрасную и патриотическую речь.

Закончив свою мольбу, он огляделся испуганным взглядом вокруг, словно ища сочувствия и поддержки. Жители села устремили свои взгляды на товарища Черепина, и обвиняемый болезненно почувствовал своё одиночество. Собравшиеся хранили молчание и ждали продолжения от товарища Черепина.

— Как видите, товарищи, — он, наконец, нарушил тишину. — Событие, которое только что произошло является наглядным примером того, что товарищ Сталин...

Громкие и продолжительные аплодисменты прервали его речь.

— Товарищ Сталин...

Кто-то опять захлопал в ладоши, но на этот раз он проигнорировал аплодисменты и продолжал:

— ...Товарищ Сталин называет таких людей пособниками врагов народа.

Он намеренно замолчал и оглядел собравшихся. Затем его взгляд устремился на главного конюха:

— Будьте любезны, объясните мне, почему нет или всё-таки есть, как бы вы их там не называли, кобылы? Почему, а? Поясните, пожалуйста. Не можете! Нечего объяснять. Всё ясно.

Взволнованный конюх сорвался со своего места, намереваясь, что-то сказать. Затем передумал, сел и поднял руку. Но никто не обращал на него внимание. Товарищ Черепин продолжал:

— И как могут кобылы, содержащиеся в изоляции, на плохом корме стать, как бы вы это там не называли?

Он быстро проглотил последние слова и пошёл дальше:

— Нет, нет и тысячу раз нет! Никогда! И классовые враги это знают. Даже очень хорошо знают. Именно поэтому кобылы содержатся отдельно от жеребцов, и их накрепко привязывают в стойлах. Всё это вместе и объясняет, почему производительность наших кобыл такая низкая, и почему у нас так мало жеребят колхозе! Поэтому в нашем колхозе никогда не будет много лошадей, до тех пор, пока эти враги народа орудуют в наших конюшнях.

Товарищ Черепин закончил свою речь в атмосфере удовлетворения и табачного дыма. Он отпил воды и сел на своё место. Только уже после полуночи, когда выступили все члены партии, заклеив врагов народа и переложив всю вину на конюхов, собрание подошло к концу. Наконец, комсомольский вожак зачитал окончательное решение. Насколько я помню, оно гласило:

Беря во внимание отчёт представителя партии товарища Черепина, относительно указаний районной партийной организации начать «Лошадиную» компанию по всей области, мы, члены колхоза имени Ленина, решили незамедлительно включиться в выше названную компанию. Начав «Лошадиную» компанию, мы торжественно обещаем нашей партии и её дорогому и мудрому...

Конец предложения потонул в грохоте аплодисментов. Но после восстановления тишины, он повторил:

«Мы обещаем достигнуть ста процентной плодовитости наших кобыл!».

Последовал шквал аплодисментов. Решение было единогласно принято.

На следующий день все конюхи были освобождены от занимаемых должностей и переведены на полевые работы. Главного конюха увезли в районный центр, и больше мы его никогда не видели.

Условия содержания лошадей радикально изменили. В соответствии с указаниями товарища Черепина «дать кобылам шанс зачать жеребёнка» все

лошади держались в стойлах непривязанными. Это был строгий приказ товарища Черепина.

Хотя подобные перемены произвели во всех колхозах в соответствии с планами «Лошадиной» компании, трудности с лошадьми преодолены не были, по крайней мере, в то время. Сельские шутники остряли, что проблема не двигается с места, потому что партийные и правительственные инструкции продолжали не учитывать важную деталь. Партия забыла о роли жеребцов.

Глава 15

Однажды утром, явившись в колхозную контору для получения указаний по работе на текущий день, мне было поручено везти председателя колхоза в районный центр. Без промедлений, я сразу же запряг лошадь в колхозную телегу, и как только подошёл председатель, мы отправились в путь.

Мой пассажир, товарищ Маевский, был приезжим. На работу в наше село его прислала районное руководство и он тоже был «их» человеком. Это был крупный человек лет сорока. Он имел носатое, круглое и одутловатое лицо, всегда тщательно выбритое. Мы так никогда и не узнали, чем он занимался раньше, но одно было ясно: он не имел опыта и знаний в сельском хозяйстве. Самой большой его ценностью был револьвер, который он всегда носил при себе, выставив его напоказ. В конторе револьвер лежал у него на столе, и он имел привычку демонстративно поигрывать им, если посетитель почему-то вызывал у него неудовольствие.

Как только мы выехали из села, товарищ Маевский заснул, удобно расположившись в телеге, поэтому поездка оказалась очень спокойной.

Мы провели совсем немного времени в районном центре и к полудню повернули обратно. День выдался замечательный. Ярко светило солнце. Ласково обдувал ветерок, и высоко в небе пели жаворонки. Дорога сделала крутой поворот, и я увидел мужчину, медленно шагающего впереди нас по направлению к селу. Подъехав поближе, я узнал его: это был Василик, мой дальний родственник и сосед.

Эта неожиданная встреча создала для меня проблему. Всего несколько дней назад в село прибыла милиция, разыскивая его. А теперь он спокойно шагал по дороге в нескольких метрах от меня. Сейчас я его нагоню, и он обязательно заговорит со мной. А это было равносильно смерти, потому что в моей повозке находился самый безжалостный начальник нашего села.

Я пытался попридержать лошадь, но это не помогло, потому что Василик шёл очень медленно. Вдруг я заметил узкую колею справа от главной дороги. Повинуясь внезапному порыву, я свернул на эту колею. Я был уверен, что Василик воспользуется тропинкой, пересекавшей ближайшее поле, чтобы сократить расстояние до села.

Но теперь дорога стала неровной, телега подпрыгивала на кочках, и товарищ Маевский сразу же проснулся. Я притворился, что задремал. Это

разозлило его. Он стукнул меня в спину своим сапогом и приказал повернуть обратно на просёлочную дорогу.

Я сделал ещё одну попытку избежать встречи с Василиком и погнал лошадей в галоп. Но, несмотря на то, что мы быстро обогнали его, Маевский его всё-таки заметил. Он приказал мне остановить лошадей и спрыгнул с телеги. Василик увидел его, понял всю опасность создавшегося положения и нырнул в пшеничное поле. Маевский погнался за ним. Затем я услышал выстрел, за ним — другой — и вскрик, потом — ещё один выстрел...

Маевский вернулся к телеге, его лицо сияло от удовольствия. «Он хотел убежать», — произнёс он, обтирая револьвер. Затем Маевский зачем-то навёл револьвер на лошадиную голову. При этом его лицо выражало явное удовольствие.

— Он сделал большую ошибку, — продолжал он, разговаривая больше с собой, чем со мной. — Он не знал, что, значит, иметь дело с красным партизаном. Ну а теперь он знает...

Засунув револьвер в кобуру, он прокричал:

— Сотни контрреволюционеров пытались сбежать от меня, но сейчас они все на том свете!

Затем он внимательно посмотрел на меня.

— Так, так..., - процедил он сквозь зубы. — А ты хотел ему помочь.

После этого он забрался в телегу и вскоре захрапел.

Судьба Василика была, на самом деле, predetermined в ту февральскую ночь, когда сотни жителей села подверглись аресту и были сосланы. Его отца, хотя и бедняка, объявили кулаком, и поэтому арестовали всю семью, включая Василика.

Прошло около года, когда однажды мы получили письмо без подписи, присланное из Архангельска, сообщавшее, что Василик был застрелен при попытке бежать из лагеря.

Затем, однажды июньской ночью, когда мы уже собирались ложиться спать, послышался осторожный стук в дверь. После минутного замешательства я всё-таки отворил дверь. Через порог переступил измождённый человек. Я сразу узнал Василика. Пожимая мне руку, он заставлял себя улыбаться. Он выглядел совершенно обессиленным. Его одежда была порванной и грязной, а ноги обмотаны тряпками.

— Мы думали, тебя убили! — воскликнула мама, увидев Василика. — Что стало с твоими отцом и матерью, со всеми...?

— Я и на самом деле мертвец, — перебил он её, пытаясь шутить. — Это не я, а моё привидение. Вы когда-нибудь видели привидение?

История, которую он рассказал, действительно, оказалась ужасной. Я хорошо её запомнил.

В ту февральскую ночь на улице завывала метель. Длинная вереница саней, нагруженных арестованными крестьянами, выезжала из села под конвоем милиции и солдат, вооруженных винтовками и пулемётами.

В пути произошло много трагических случаев. Один парнишка лет шестнадцати пытался бежать. Он спрыгнул с саней и бросился бежать, но пулемётчики открыли огонь, и он упал в снег. Раненого, его окружили и вернули в сани. Охрана, несмотря на ранение, крепко привязала его верёвками к саням. Ранение оказалось смертельным, и он умер в пути, ещё до того, как достигли железнодорожной станции.

Солдат ГПУ ехал в одних санях с арестованными. Не обращая внимание на окружающих, солдат начал гнусно приставать к молодой девушке. Мать девушки, потеряв терпение, дала ему пощёчину. Солдат схватил своё ружьё и в упор выстрелил в женщину, убив её наповал.

Прибыв на станцию, девушка подошла к старшему офицеру ГПУ. Произнося слова достаточно громко, чтобы каждый мог его услышать, он информировал девушку, что её мать была убита солдатом в целях самозащиты. Её мать, «арестованный враг народа», сказал он, напала на охранника с намерением начать волнения среди заключённых кулаков. Таким образом, действия солдата было законным, патриотическим и даже геройским. Девушку и её двух младших братьев после этого куда-то увели, и что стало с ними, никто не знает.

Новость о судьбе парнишки и убитой женщины ещё не успела распространиться, когда произошли другие события. Несколько стариков, и среди них — мой дядя Гаврило, не смогли перенести жестокостей и умерли по дороге на станцию. Молодая пара совершила самоубийство, перерезав себе вены.

Продолжался снегопад, и когда в снегу увязали одни сани, приходилась останавливаться всем. Мужчины вынуждены были вытягивать лошадей среди орущих и стреляющих милиционеров и солдат ГПУ, причитаний женщин и плача детей.

За несколько километров до станции колонна повернула к запасным путям. Там стоял товарный состав. Первые вагоны уже были загружены арестованными крестьянами из других сёл и деревень. Каждый вагон охраняли солдаты регулярной армии.

Когда колонна приблизилась к товарному составу, офицеры ГПУ отдали приказ всем оставаться в санях. Охранники со всех сторон окружили прибывших. Без промедления агент ГПУ переходил от одних саней к другим со списком в руке, делая переключку. Затем людей группами под охраной подводили к поезду и загружали в вагоны.

Когда первый вагон оказался заполненным, и его закрыли на замок, оказалось, что жён отделили от мужей, а детей — от родителей. По колонне пополз ропот недовольства, люди требовали права быть со своей семьёй. Како-то мальчик побежал к вагону, в котором находились его родители. Над

головами людей затрещала пулемётная очередь, но он продолжал бежать. Прозвучало три коротких выстрела, и мальчик упал замертво.

В этот момент всё пришло в движение. Люди пытались бежать и прорвали оцепление. Несколько мужчин вырвались из колонны и бросились к кустам, растущих вокруг поля. Один из крестьян подхлестывал лошадь, стараясь повернуть повозку и уехать со станции. Охранники стали стрелять, и люди, бежавшие к кустам попадали и больше не поднимались. Крестьянин со всей своей семьёй, находившейся в санях, тоже не избежал смерти. Пулемётная очередь уложила их всех: он сам и его жена были убиты, а престарелая мать и трое детей ранены.

Окружённые пулемётами со всех сторон, арестованные крестьяне, наконец, сдались. Порядок и тишина были восстановлены.

Группы людей одна за другой исчезали в дверях товарных вагонов. Когда погрузка закончилась, двери задвинули и заперли, а около каждой поставили часового. Мёртвые тела остались лежать в поле.

Василик оказался в последнем вагоне. Ему повезло: вся его семья была вместе с ним. Но он страдал от того, что его родители и сестра подвергались таким мучениям. В вагоне находилось, по меньшей мере, человек пятьдесят. Товарный вагон предназначался для перевозки скота, и поэтому в нём не предусматривалось ни скамеек, ни сидений. Люди могли сидеть только на продырявленном деревянном полу. В такой тесноте для больных даже не было места, где они могли бы прилечь.

После того, как двери закрыли, внутри вагонов повисла темнота. Сквозь щели в стенах вагона пробивались узкие полоски дневного света. Внутри царил неразбериха: люди толкались в поисках места, кричали и ругались, женщины причитали по своим мужьям, находившимся в других вагонах, плакали голодные дети, было очень холодно.

Ситуация усугублялась отсутствием продуктов и нехваткой одежды. Арестованным запретили что-либо брать с собой, за исключением нескольких личных вещей. А поскольку никто не мог предвидеть, что им придётся покинуть родные места, то большинство не запаслось наиболее нужными вещами.

Отверстие в полу посреди товарного вагона служило туалетом для пятидесяти человек. Люди постоянно толпились, ожидая своей очереди. Те, кому нужно было в туалет, буквально ходили по сидящим на полу. Эта удручающая и унижительная ситуация порождала новые споры и перепалки.

Попытки привлечь внимание начальства к невыносимым условиям закончились ничем. Так, голодные и продрогшие, в набитых до отказа вонючих вагонах, арестованные начали своё принудительное передвижение в неизвестном направлении.

Около полуночи состав тронулся с места. Когда ехали по мосту, перекинутому через Днепр, все поняли, что поезд держит курс на север. Состав двигался медленно, часто останавливался. Иногда остановки длились

часами. Во время одной такой остановки с двери сняли замок и слегка приоткрыли. Первое, что увидели арестованные, были солдаты с ружьями, направленными на вагоны, и готовые открыть огонь. Другая группа солдат стояла в ожидании, окружённая мешками и вёдрами. Старший офицер объявил, что одна буханка хлеба будет выдаваться на четырёх человек и одна селёдка — на каждого. Воду будут разливать из вёдер. Арестованных предупредили, что вёдра являются государственной собственностью, и поэтому каждый отвечает за возвращение вёдер в неповреждённом состоянии. В каждом вагоне должен быть выбран ответственный за распределением еды и воды, а также — за поддержание «чистоты».

После такого быстрого инструктажа солдаты начали рассовывать мешки с хлебом и селёдкой и вёдра с водой в вагон, а затем снова закрыли двери.

Сразу же изголодавшиеся люди начали толкаться и спорить. Каждый имел собственное представление о способе распределения хлеба и воды. Мнения высказывались громко. Сильный отталкивал слабого. Крики и потасовки сопровождались жалостливым плачем детей.

Выбор надсмотрщика из группы людей оказалось проблемой, поскольку такое назначение ассоциировалось бы с начальствующей должностью. Тем не менее, выбор был сделан, и началось распределение еды.

Ранним утром на второй день нахождения в пути отчаянный крик женщины разбудил всех, кто ещё спал: умер её муж. Во время неразберихи на сельской площади он получил ранение в ногу. Опасаясь быть разлучённым со своей женой, и не желая закончить жизнь в тюрьме ГПУ, он скрыл от должностных лиц своё ранение. Вследствие этого, произошло заражение, приведшее к смерти. Его труп вынесли из вагона на следующей остановке. Рыдающая жена скончавшегося мужа умоляла разрешить ей присутствовать при погребении, но ей даже не позволили выйти из вагона. Человек, выносивший тело умершего, рассказал, что ночью в поезде умерло много народа, и их тела складывают на платформе.

Эта первая смерть оказала сильное впечатление на людей, собранных в одном вагоне. Плач и крики, а также перебранки и споры, прекратились. Каждый понимал, что следующим может стать он или она.

Поезд медленно, но уверенно двигался на север. Становилось всё холоднее. К всеобщему удивлению, состав долго не задержался на перегонной станции в Москве. После короткой остановки раздался пронзительный паровозный гудок, и состав снова двинулся в путь. Сидевшие у стен сквозь щели могли видеть огни Москвы.

Следующей остановкой был Александров. К этому времени наступили трескучие морозы, и обитатели вагонов испытывали страшные мучения. Здесь Василик потерял свою мать и сестру. Его мама, задремав на полу, во сне умерла от сердечного приступа. Когда её тело выносили из вагона,

дочери разрешили выйти и следовать за телом умершей. Василику и его отцу отказали в такой привилегии. Люди, выносившие тела умерших из вагонов вернулись, но сестры Василика с ними не было. Сказали, что её задержал офицер ГПУ.

Когда состав тронулся с места, отец Василика хранил молчание. Он не выражал ни сожалений, ни возмущений, а только повторял время от времени: «Мои дорогие девочки, мои дорогие девочки!».

После Александрова поезд стал двигаться быстрее. Он проносился без остановки мимо городов и посёлков. По-прежнему падал снег.

По названиям железнодорожных станций было ясно, что поезд направляется в сторону Архангельска, портового города на Белом море. Однако никто не знал конечного пункта назначения.

На двенадцатую ночь поезд остановился. Через щели в стенах вагона не было видно ни одного жилого строения, но повышенная активность охраны подсказывала, что это была не обычная остановка.

Утром двери открылись, и вместо ставшей обычной раздачи еды и воды, охранник приказал всем выйти из вагона и построиться в линию. Тех, кто передвигался с трудом, вынесли наружу и посадили на снег. Со всех сторон состав оцепили внутренние войска. Большинство солдат составляли выходцы из Средней Азии.

Вскоре после завершения разгрузки состав тронулся в обратный путь. Для семей арестованных, оставленных на бескрайнем необжитом участке вымерзшей земли, удалявшийся поезд символизировал окончание всему. Василик сразу же подумал, что это место станет его могилой, что всех их здесь расстреляют.

Вокруг не было никаких признаков жизни: ни дорог, ни жилья, только голая снежная равнина простиралась во все стороны до горизонта. Несколько занесённых снегом сорняков и низкорослых кустарников разряжали монотонность арктических просторов. Вдалеке нечётко вырисовывался силуэт леса, который должен был стать конечным пристанищем заключённых.

Старший офицер распорядился передать по колонне, что любого, попытавшегося бежать, застрелят на месте. После переключки колонна людей стронулась с места. Больные, которые не могли самостоятельно передвигаться, были оставлены на снегу под охраной. Никто никогда больше их не видел. Детей, которые не могли сами идти, родители несли на руках. Поскольку дороги не было, все двигались с большим трудом по следам охраны, направлявшейся в сторону леса.

В это время года здесь стояли самые лютые морозы, и с севера неистово задувала метель. Ступая по глубокому снегу, ноги арестантов промокли, и вскоре стали замерзать. Многие не были в состоянии передвигаться достаточно быстро и отстали.

Отец Василика заболел ещё в пути, скорее всего у него развилось воспаление лёгких. Василик изо всех сил помогал отцу идти, но больной и ослабленный старик упал. Шагавший рядом в колонне мужчина помог ему подняться, и Василик понёс отца на себе. Очень тяжело было двигаться по глубокому снегу, но Василик ни за что не мог бросить своего отца. Он не подчинился приказу, он просто был не в состоянии оставить своего отца умирать на снегу. Офицер призвал охрану, и два здоровых узбека ринулись в его сторону и сбили Василика с ног, оттаскивая от него отца. Только тогда он заметил, что его отец был уже мёртв. Под оружейным прицелом Василика заставили идти дальше, оставив тело отца лежать в снегу.

После трёх или четырёх часов мучительного карабканья по глубокому снегу, колонна зашла в лес.

Вокруг были тишина и полный покой. Земля была спрятана под снежным покровом. Кругом стояли огромные мрачные сосны, их ветви свешивались вниз под тяжестью снега и льда. Под ними и между ними на небольшом расстоянии друг от друга виднелось несколько небольших барачков, единственный признак человеческого присутствия. Эти бараки, как заключённые узнали позже, были построены исключительно для проживания охраны.

Старший офицер разъяснил, что теперь это место станет их домом. Он особенно подчеркнул, что как «враги народа» они заслуживают расстрела, но правительство снисходительно разрешило сохранить им жизнь в надежде, что они начнут её по-новому. Затем он сказал, что заключённые должны разделиться на три трудовые бригады.

Первая бригада, состоящая из молодых и сильных, будет работать на валке леса. Второй бригаде предстояло обнести место содержания заключённых колючей проволокой. А задачей третьей бригады было построение жилищ. В эту последнюю группу вошли женщины и дети. Офицер заверил, что в любой момент ожидается поступление необходимых инструментов и инвентаря. Продуктов тоже не было, и хотя он знал, что заключённые весь день не ели, он посчитал это обстоятельство не стоящим внимания: ведь они могли подождать до следующего утра, пока не подвезут провизию. Затем он приказал главам семейств располагаться и разводиться огонь, потому что неумолимо надвигалась ночь.

Надежда на выживание едва теплилась, и только мысль о вероятном возвращении домой когда-нибудь поддерживала жизнь этих сельских жителей той первой арктической ночью в тёмном лесу. Все, кто был способен ходить, кинулись в заросли леса. И хотя они не имели топоров и других инструментов, с твёрдой решимостью люди соорудили временные пристанища и развели перед ними костры ещё до наступления полной темноты.

Василик вместе с другими принимал участие в сооружении подобия жилья из сосновых брёвен, но и оно надёжно не защищало от пронизывающего арктического холода. Всю ночь люди просидели вокруг

огня, сбившись в кучу, в то время как вокруг кружила метель и завывала вьюга. Тяжёлые хлопья снега, падая в костёр, почти гасили пламя.

Наконец, стало светать, и метель улеглась. Офицер приказал всем собраться в центре лагеря. Каждый должен был стоять в шеренге и откликаться на переключку, включая детей и больных. За ночь умерло много людей: некоторые от мороза, другие — от изнеможения и голода. Старший по команде офицер приказал перенести тела умерших на самую середину лагеря и сложить напротив выстроившихся рядов заключённых, потому что даже умерших надо было пересчитать и идентифицировать.

Закончив переключку, один из солдат зачитал список обязанностей каждой бригады. Затем началось распределение провизии и инструментов, которые подвезли ночью.

Василика определили в бригаду по валке леса, и повели на работу в лесную чащу. Он всё ещё был полон решимости бежать, но сначала ему хотелось найти тело своего отца и похоронить его по-христиански. Василик не сомневался, что сможет отыскать тело отца в поле, где он последний раз его видел. Он ещё также надеялся на обратном пути домой разыскать свою сестру, которая потерялась в Александрове. Однако несколько попыток к побегу оказались неудачными, поскольку охрана хорошо знала свои обязанности и чётко следила, чтобы «враги народа» так легко не сбежали. За каждую попытку к побегу Василика жестоко наказывали, но никакое наказание не могло поколебать его решения и только ещё больше подстегивало его.

Прошло ещё два года, пока, наконец, ему посчастливилось сбежать.

В мае 1932 года Василик ещё работал на валке леса. Его бригада также занималась погрузкой брёвен в вагоны. И здесь он познакомился с железнодорожником, тоже украинцем, сосланного сюда несколько лет назад. Этот новый друг снабдил Василика одеждой и парой сапог. Таким образом, в более или менее обычной одежде он мог бы не привлекать внимания всевидящей охраны.

Спрятавшись в локомотиве под видом помощника машиниста, он оказался в Архангельске, расположенном на другом конце от места его конечной цели. Отсюда он отослал нам неподписанное письмо, надеясь сбить с толку власти. Затем он начал свой путь к дому, преимущественно на подножках проходящих товарняков.

По пути он задержался в Александрове, разыскивая свою сестру, и надеясь отыскать могилу мамы.

Но всё было напрасным. Кладбищенский сторож не мог припомнить похорон женщины, подходившей под описание его матери. Тело отца ему тоже найти не удалось. Поиски сестры тоже ни к чему не привели. Наконец, он понял, что надеяться ему не на что.

Новый знакомый, с которым его свёл украинский друг, посоветовал ехать в Москву. Он считал, что в таком большом городе Василику будет

легче избежать столкновения с милицией. Поэтому Василик решил попытать своё счастье, хотя было запрещено въезжать в Москву без специального разрешения. Он прибыл в столицу на попутном товарняке.

Но Москва оказалась неподходящим местом для Василика. Он не умел хорошо разговаривать по-русски и выглядел как украинский крестьянин, за которыми тогда охотились как за зайцами. Кроме всего прочего, он не мог устроиться на работу. Куда бы он ни обращался, с него требовали предъявления документов. Поэтому, чтобы снова не оказаться пойманным и не подвергнуться новому аресту, он решил вернуться на родину, на Украину.

Научившись путешествовать на поезде без билета, он без препятствий добрался до Киева. Здесь он опять попытался найти работу, но снова ему не повезло, его сразу распознавали как крестьянина, а крестьянам было запрещено покидать свои деревни и сёла без официального разрешения.

Наконец, он принял решение вернуться в родное село. Так Василик снова оказался дома. Он прожил с нами несколько недель, но ему не терпелось начать работать, и, стараясь избегать долгого пребывания в одном месте, Василик решил перебраться в город. После очередной неудачи устроиться на работу в городе, он возвращался в наше село, чтобы встретить смерть от руки Маевского.

Глава 16

Как только мы вернулись в село, товарищ Маевский проснулся и приказал мне остановиться около сельсовета. Затем первому же милиционеру, встретившемуся на нашем пути, он объявил, что я арестован, и приказал отправить меня в тюрьму.

Со времени высылки кулаков дом моего дяди Гаврилы стал конторой сельсовета. Дом был окружён чистенькими подсобными строениями и раскидистыми деревьям и красиво смотрелся снаружи. Внутри было достаточно места, чтобы вместить сельское правление. А удачное расположение в центре села стало другой причиной, по которой дом перешёл в распоряжение местной власти. Удобно устроившись в новой конторе, сельское начальство организовало до сих пор неизвестный нашему селу институт — тюрьму. Кладовую моего дяди быстро переоборудовали. Всё, предназначенное для длительного хранения, выбросили, а в стене вместо окна проделали дыру.

Оказавшись в тюрьме, я сразу же сообразил, что меня обвинят в содействии «врагу народа» бежать от «советского закона и воли трудящихся». Когда мои глаза привыкли к темноте в помещении, я смог распознать своих «сокамерников», около двенадцати человек. Многих из них я знал лично, включая Дмитро,

моего соседа и дальнего родственника. Так случилось, что, вспахивая поле, его плуг наткнулся на камень и повредился. Хотя это было обычным явлением, бригадир обвинил Дмитро в преднамеренной порче колхозного имущества. Сначала Дмитро расценил это как шутку, но когда он понял, что

тот говорил серьёзно, то от возмущения не сдержался и стукнул бригадира в нос. В результате Дмитро оказался в тюрьме.

Около пяти лет назад Дмитро женился на красавице-односельчанке, а три года назад он стал отцом. Он тогда сказал мне, что это был самый счастливый момент в его жизни. Теперь его счастьем, а возможно и всей жизни, пришёл конец.

Похожее событие привело в тюрьму и другого моего соседа. Лошадь, на которой он работал в поле, споткнулась и стала хромать на одну ногу. Такое тоже часто случалось, но товарищ Черепин имел собственное мнение по этому поводу. Он заявил, что лошадь захромала из-за небрежного обращения, и на основании этого мой сосед оказался в тюрьме, потеряв всякую надежду вернуться к больной жене и четырём детям.

Ещё я встретил здесь отца своего школьного друга. Я звал его «дядя Петро». Его фамилия была Шост. Я не удивился, увидев его в тюрьме, потому что он принадлежал к числу тех немногих крестьян, которые отказались вступить в колхоз.

Шост был типичным бедным украинским крестьянином. Он владел шестью гектарами земли, двумя лошадьми, коровой, одним или двумя поросятами и около дюжины домашней птицы: кур, уток и гусей. Его подворье было довольно обветшалым, а хата — старой. Внутри хата делилась на две половины: в одной хранили зерно и продукты, а другая часть служила жилым помещением. На этой половине, предназначенной для жилья, имелось только две комнаты: передняя комната одновременно была и гостиной, и столовой, и кухней, здесь же размещался умывальник. Другая комната служила спальней для всей семьи. Мебель была неказистая и примитивная. Вдоль одной стены стояла скамья, а в углу — стол с двумя стульями, сделанными самим хозяином. На восточной стене висели иконы, а на противоположной — семейные фотографии.

В то время редко можно было увидеть настоящую кровать в крестьянском доме. Спальным местом всей семьи являлся широкий деревянный настил на печи. Пол был глиняный, крыша — соломенной, а снаружи хата была тщательно обмазана извёсткой.

Шост никогда не нанимал себе работников со стороны, его хозяйство обеспечивало всем необходимым всю его семью. В годы, когда урожай был низким, Шост подавался на различные работы, чтобы прокормить свою семью зимой. Он обычно отправлялся на заработки в ближайший город и нанимался на дорожные работы, экономя на еде и проживая с другими работниками в лачугах, чтобы сберечь свою небольшую зарплату и купить побольше продуктов для семьи.

С наступлением весны он всегда возвращался к любимой земле. Он верил в землю, как верил в Бога. День и ночь он трудился в поле, и для него не было большего удовольствия, как любоваться восходящими побегами. Он старался, чтобы дома на столе всегда был хлеб.

Он был уважаемым человеком, и как все украинские крестьяне высоко ценил и любил свободу, что перешло к нам в наследство от вольных казаков.

Когда коммунисты начали проводить коллективизацию у нас на селе, Шост проявил себя как волевой и принципиальный человек. Он решительно отказался вступать в колхоз. Несколько поколений его земля являлась собственностью семьи Шостов, и он намеревался передать её старшему сыну, когда у самого уже не будет сил ходить за плугом. А затем, спустя время, и его внук станет хозяином этой земли, и так пойдёт дальше, как это было всегда.

Шосты пережили войны и оккупации на этом кусочке земли. Они вырастали на земле и уходили отсюда в мир, иногда не возвращаясь, но всегда помня отчий дом. Отобрать у Шоста его землю, значило, лишить его жизни.

Чтобы сломить его дух, сельское правление и организаторы колхоза долго не раздумывали. Самым сильным орудием в их руках были налоги. Налоги выплачивались продуктами и деньгами. Каждый раз, когда Шост думал, что расплатился с налогами, он облагался ещё большим налогом, и отбиралось всё больше продукции, выращенной на его земле.

Наконец, наступил день, когда у него не осталось ни денег, ни зерна. Сначала у него забрали лошадь, потом корову и весь хозяйственный инвентарь. Шост выстоял, он был сломлен, но ещё не сдавался. Однажды явился человек в милицейской форме и арестовал его. Он был объявлен «кулаком» и, конечно, «врагом народа».

Теперь его держали в тюрьме. Он попросил меня продолжать дружбу с его сыном Иваном, если меня отсюда выпустят. Он верил, что меня отпустят, потому что я ещё был мал. Если что-то случится с его женой, он очень просил, чтобы моя мама позаботилась об Иване и дочери Варьке. Это были его последние слова, обращённые ко мне. Затем я услышал его тяжёлое дыхание и сдавленный плач.

Уже стемнело, когда послышалось позвякивание ключа в замке и голос милиционера, называющего по именам тех, кому принесли из дома еду. Только тогда я познал другую трагическую сторону тюремной жизни.

Когда я сказал, что ничего с утра не ел, то мой сосед ответил, что пищу здесь не выдают, разве что кто-то принесёт из дома. Мне также разъяснили, что никаких приспособлений и удобств для заключённых здесь нет. Всё, что связано с питанием и сном, является заботой самих арестованных. Если у кого-то была семья, то такой человек имел надежду, что он будет ежедневно получать передачи; но одинокие люди оказывались в зависимости от милости своих сокамерников. В то время в селе был голод. Единственным пропитанием для сельчан, а значит и для заключённых, оставалась картошка и хлеб. Когда милиционер закончил выкрикивать наши имена и запер дверь, я почувствовал, что не все получили ужин. Я тоже ничего не получил, но я и не ожидал этого, поскольку я знал, что маме ещё не известно о моём аресте.

Мне повезло: я не долго пробыл в тюрьме. Вскоре после полуночи меня разбудили и приказали выйти. Снаружи меня ждала мама. По дороге домой она рассказала, что, когда я не вернулся после захода солнца домой, она стала волноваться и пошла меня разыскивать. Она быстро нашла место моего пребывания, но не так легко было найти товарища Маевского, который приказал арестовать меня. В конце концов, мама нашла его в компании молодой девицы и стала упрашивать отпустить меня. Но, он даже не захотел её слушать, повторяя, что нет никакой разницы между маленьким и взрослым «врагом народа». Но мама настаивала, и Маевский, в конце концов, написал записку в милицию, разрешая моё освобождение. Мама считала, что Маевский сделал это только для того, чтобы продемонстрировать своей сожительнице, какой властью он обладает в селе.

Я рассказал маме про убийство Василика, и мы решили, что рано утром я с братом отправлюсь в поле, мы найдём его тело и похороним.

Это было опасным предприятием. Ведь Василик считался сыном кулака, а атмосфера была такой, что любой человек, замеченный в связях с кулаками, сам попадал в эту категорию.

Но мама не считалась с опасностью. Василик должен быть похоронен по-христиански, несмотря на все угрозы и несчастья, которые могли бы обрушиться на нас.

Задолго до рассвета мама нас разбудила и сделала последние наставления. И, когда мы были уже на пороге, она сунула клочок бумаги мне в карман. Она пояснила, что это молитва, и что я должен прочесть её над могилой Василика после его погребения. Она предупредила меня, что я должен буду сразу же уничтожить её, поскольку это могло стать опасной уликой. Затем мама поцеловала нас, и мы отправились выполнять нашу печальную миссию.

Когда мы добрались до места, где умер Василик, уже занимался прекрасный день. Горизонт на востоке окрасился в розовый цвет, и, как огромный огненный шар, показалось солнце. В пшеничных полях стояла тишина, за исключением утреннего пения перепелов.

Нам понадобилось немного времени, чтобы найти тело. Оно лежало не далеко от дороги, окружённое высокой пшеницей. Земля вокруг него была покрыта пятнами крови, и вокруг кружили мухи, муравьи и другие насекомые. Мы сразу же стали копать могилу. Непросто было для двух голодных мальчишек рыть твёрдую почву, но мы довели дело до конца. Могилу мы выкопали косо, поэтому смогли с небольшими затратами перекатить в неё тело. Дно могилы мы устелили сеном. Затем мы обернули тело покрывалом, которое принесли из дома, и перекатали его в отверстие в земле. Затем быстро засыпали тело и могилу Василика землёй, сделали крест из деревянных дощечек, которые нам дала мама, прочитали молитву, и, разорвав клочок бумаги, с тяжёлым сердцем отправились домой.

Глава 17

1932 год стал свидетелем последней битвы за коллективизацию: битвы за хлеб, а точнее — за урожай 1932 года. На одной стороне находилось коммунистическое правительство, а по другую сторону — голодающие крестьяне. Правительство направило все силы, чтобы выжать как можно больше сельскохозяйственной продукции из сельских районов, не заботясь о последствиях. Крестьяне, уже находясь на краю голода, отчаянно старались сохранить хоть какие-то продукты и, несмотря на все попытки правительства, пытались выжить.

Может оказаться полезным напомнить читателю, что до конца 1931 года коммунисты вели свою войну против крестьянства под предлогом борьбы против «кулаков как социального класса». Но к 1932 году ситуация изменилась: так называемые кулаки были уже физически уничтожены, и коллективизацией было охвачено практически всё крестьянство, за исключением небольшого их числа, всё ещё держащихся за свою свободу. Таким образом, теперь борьба шла между коммунистами и колхозниками. Компания по Коллективизации теперь сменилась на Компанию по Сбору Зерна.

Долгая и холодная зима 1931–1932 годов нехотя уступала место весне. К апрелю весь снег растаял, и погода установилась влажной и дождливой. Часто всё село застилал густой туман, словно прикрывая убогость нашего существования. Затем пронизывающий ветер раздувал туман и приносил вместо него холодные проливные дожди.

Примерно в это время положение жителей села стало отчаянным. Это была известная весна 1932 года, когда разразился голод, и появились первые случаи голодной смерти. Я помню нескончаемый поток нищих на дорогах, ходящих от дома к дому. Они находились в разных стадиях истощения, грязные и оборванные. С вытянутой рукой они умоляли подать им еду, любую еду: картошку, свёклу или хотя бы початок кукурузы. Это были первые жертвы голода: оставшиеся без средств мужчины и женщины, бедные вдовы и дети-сироты, у которых не было никаких шансов пережить ужасы этого сурового испытания.

Некоторые голодающие крестьяне ещё пытались заработать себе на пропитание подработкой за пределами села. Можно было встретить этих угрюмых, изнурённых людей, шагающих от хаты к хате с топором или лопатой в поисках заработка. Возможно, кто-то и мог бы нанять их вскопать огород или нарубить дров. Они бы с радостью сделали это в обмен на пару картофелин. Но не многие из нас были в состоянии поделиться этой парой картофелин.

Толпы несчастных голодающих можно было видеть бродящими по всем картофельным полям. Они надеялись найти невыкопанную картошку, оставшуюся лежать в земле с прошлогоднего урожая. Неважно, в каком состоянии находилась найденная картошка: промёрзшая или подгнившая, она всё равно съедалась. Некоторые отправлялись в леса в поисках корма.

Побережья рек тоже притягивали внимание, здесь было много зелени: побеги тростника и другие водные растения. Кто-то мог поймать что-нибудь в воде, неважно, что именно, и съесть.

Но всё же большинство, как и в прежние времена, подавалось в города. Раньше там всегда было легко найти какую-нибудь работу: посадку деревьев в садах, уборку дворов или улиц. Но теперь порядок изменился. Стало противозаконно нанимать крестьян для любой работы. Этот запрет преследовал две цели: не только остановить поток крестьян из села в город, но и, главным образом, предотвратить получение крестьянами в городах пищевых пайков. Фактически, первый раз в истории человечества, крестьянство, как часть общества было объявлено вне закона.

Некоторые крестьяне увидели своё спасение в городских рынках. Они приносили для продажи свою лучшую одежду с дореволюционных времён, семейные реликвии, предметы народных промыслов, женские украшения, которые передавались из поколения в поколение, домотканые рубашки, скатерти, полотенца — все вышитые традиционным украинским шитьём, украинские ковры ручной работы и другие ценности. Они продавали их за гроши или обменивали на что-нибудь съедобное. Но большинство голодающих жителей села ходило на базары и рынки не с целью продать или обменять что-нибудь: у них нечего было продавать, и не было денег, чтобы что-то купить. Эти общественные места стали их последней надеждой найти хоть какое-то пропитание. Эти люди стали здесь постоянными жителями. Я видел много таких сельских жителей, когда иногда с мамой отправлялся на базар. Они слонялись в рыночной толпе с протянутыми руками, со стоявшими в глазах слезами, умоляя прохожих не дать им умереть с голода. Но чаще всего городские жители старались быстрее пройти мимо них, не поднимая глаз, словно им было стыдно даже взглянуть на этих людей. Вскоре эти голодные нищие стали привычной картиной городской жизни, и на них уже не обращали внимания. Отвергнутые толпы голодающих стали рыться в отбросах и помойках. Они копались в каждой мусорной куче, подбирая всё, что было выброшено: обглоданную кукурузу, огрызок яблока, срезанную кожуру, даже кости. Ночью голодающие спали прямо на базарах, примостившись под торговыми рядами и скамейками, в кустах и на задворках.

Некоторые из них могли подвергнуться избиениям и даже убийству в ночное время. Других отлавливали наряды милиции, набивали ими грузовики и вывозили за пределы города, где оставляли их предоставленными сами себе, приказав больше в город не возвращаться. Всё же многие тянулись обратно в город, несмотря на опасность. Кто-то возвращался в родные места, смиряясь тем самым со смертным приговором самому себе. А были и такие, кто, дойдя до последней стадии истощения, умирал прямо на том месте, где их бросила милиция.

Многие из обречённых пытались спасти свою жизнь, направляясь к железнодорожным станциям и поездам. Имеющие хоть какую-нибудь ценность, надеялись найти покупателя среди проезжающих. Другие

приходили с пустыми руками только для того, чтобы вымолить себе кусок хлеба или остатки какой-либо еды. Но были ещё и такие отчаянные головы, которые намеревались уехать в далёкие города, особенно в Россию, где не было такого голода. Однако такое мероприятие оказывалось очень трудным и рискованным. Железнодорожные билеты продавались только тем, кто имел письменное разрешение из колхоза. В нём указывалось, что его владельцу разрешалось проехать до конкретного населённого пункта. Представители ГПУ и милиция постоянно проверяли документы у проезжающих. Даже те, кто возвращался из России на Украину с легальными документами, подвергались обыску. Любые продукты, найденные в их багаже, отбирались.

К этому времени наше село находилось в полном разорении. Бедность стала обычным явлением. Это правда, что мы никогда и не были богатыми, но в экономическом плане мы всегда полностью сами себя обеспечивали и никогда так долго не голодали. Дойдя до последней стадии истощения, мы теперь встречали весну 1932 года с большой тревогой, потому что уже не надеялись на помощь. Голодная смерть стала ежедневным явлением. Всё время на сельском кладбище кого-нибудь хоронили. Можно было увидеть необычную похоронную процессию: дети толкали самодельную повозку с телами своих родителей или родители везли тела своих умерших детей. Гробов не было, отпевания не проводилось. Тела умерших от голода просто закапывались в общей большой могиле, прямо одно над другим, и всё. Запрещалось рыть индивидуальные могилы, даже если кто-то ещё имел силы копать. Это странное распоряжение исходило от товарища Тысячника, который, как то высказался, что: «Общая могила? В этом нет ничего плохого», имея в виду, что советский человек, живший и работавший в коллективе, может быть вполне похоронен и в «коллективной» могиле.

Оглядываясь сейчас назад, мне кажется я жил в каком-то ужасном фантастическом мире. Все события, свидетелем которых я был, и которые я сейчас описываю, представляются нереальными из-за их жестокости и непередаваемого ужаса. Слишком трудно связать всё случившееся с настоящей жизнью нормального человеческого общества.

Я никогда не забуду празднование 1 Мая в нашем селе в 1932 году. Первомай — важный коммунистический праздник, и сельская администрация должна была не ударить лицом в грязь. В этот день официально открыли компанию по весенней посевной, хотя посевная уже велась с начала апреля.

Наш колхоз специализировался на выращивании картофеля, помидоров, капусты, лука и других овощей, требовавших больших затрат труда. Накануне праздника для привлечения внимания к посевной компании сельское правление объявило: горячая пища из общественной столовой будет роздана среди участников торжественного мероприятия, которое намечается провести следующим утром на сельской площади. После этого колхозники должны будут сразу отправиться на работу в поле.

Я пришёл на площадь со своей школой. Это стало установившейся традицией, что сельская школа, а у нас на селе это была девятилетка, обязательно участвовала во всех общественных мероприятиях. Мы были обязаны петь патриотические песни и читать пламенные стихи, организовывать игры и демонстрировать каждому, что мы очень счастливы. Каждый раз нашим учителям приходилось затрачивать свои силы, чтобы объяснить нам, как надо выглядеть счастливыми, и нам было особенно трудно имитировать «счастливую детвору» в тот год. Многие наши одноклассники уже умерли, и очень многие были настолько больны и истощены, что не имели сил принять участие в празднике. Тем не менее, никому не позволялось игнорировать коммунистическое торжество. Как и все, мы, школьники, обязаны участвовать, и обязаны улыбаться и веселиться, хочется нам того или нет.

По дороге на площадь мы должны были спеть песню, специально разученной по такому событию. Ещё мы несли большой красный флаг и стандартные коммунистические плакаты, такие как «Да здравствует Коммунистическая партия!», «Да здравствует Советская власть!» и «Спасибо нашей Коммунистической партии за нашу счастливую и процветающую жизнь!».

Первое, что я увидел, приблизившись к площади, были какие-то котлы, развешанные над кострами. Вокруг этих шипящих котлов в оцеплении стояла милиция и охраняла их как какое-то сокровище. Все милиционеры были вооружены. Сельская администрация толпилась недалеко от котлов, а вокруг самих котлов суетилось несколько женщин. Огромная толпа голодных участников Первомайской демонстрации держалась на некотором расстоянии от котлов, отделённая от них колонной тракторов.

Сцену, увиденную мной на площади, нельзя забыть. Буквально сотни изнурённых людей устремили свои взгляды в одну точку: на котлы с кипящей горячей едой. Кто-то из смотрящих стоял самостоятельно, кого-то, слишком ослабленного, поддерживали родственники или друзья. Многие другие могли только лежать на земле. Толпа странно и покорно молчала, но чувствовалось напряжение от ожидания, как будто что-то должно что-то произойти.

Когда товарищ Тысячник взобрался на трактор, чтобы начать праздник своей обычной говорильней, все завороженные взоры, которые до этого неотрывно смотрели на кипящие котлы, повернулись к нему. Он начал с того, что поздравил всех с праздником. Затем он напомнил, что отмечая Первое Мая, мы должны (он подчеркнул «должны») показать солидарность со всем пролетариатом. Что это значило? Под конец своей длинной речи он торжественно заявил, что, отметив Первомай, наш колхоз начинает компанию по весенней посевной. А чтобы достойно отметить эти два выдающиеся события, он посоветовал присоединиться к социалистическому соревнованию по перевыполнению рабочих норм на полевых работах.

К этому времени изголодавшаяся аудитория начала проявлять нетерпение. Сотни голодных глаз давно потеряли всякий интерес к тому, кто напыщенно произносил шаблонную речь, и снова устремили свои взоры на котлы. Они больше не могли ждать. Очень медленно, но уверенно, куча народа начала продвигаться вперёд, оказываясь всё ближе к шипящим котлам.

«А сейчас, — приступил товарищ Тысячник к заключению своего выступления перед собравшимися. — Сейчас, благодаря нашей дорогой Коммунистической партии, мы можем отметить праздник тарелкой традиционной горячей гречневой каши!».

Голодная и оборванная толпа не стала дожидаться заключительных слов. Мужчины, женщины, дети, все, у кого ещё оставались силы, с криком, визгом и руганью, ринулись к котлам. Сотни ног топтали ослабленных людей, лежавших на земле, и пытавшихся из последних сил доползти до заветных котлов.

Но никому не удалось добраться до них. В тот самый момент, когда уже казалось, что обезумевшая масса людей вот-вот набросится на драгоценные котлы, прозвучал выстрел, затем — другой.... Это, однако, не остановило стихийного потока. Один отчаянный мужчина взобрался на трактор и стал что-то выкрикивать. Раздался третий выстрел. Мужчина на тракторе на секунду взмахнул рукой и упал. Этот фатальный последний выстрел, наконец-то, привлёк внимание толпы, и буйство улеглось.

Товарищ Тысячник, до этого момента стоявший на тракторе в полном замешательстве, теперь снова обрёл хладнокровие. Презрительно глядя на толпу народа со своего возвышения, он зло закричал: «Прекратите вести себя как скоты!».

А затем продолжил: «Вы все должны построиться в очередь. И первыми получают кашу те, кто способен работать в поле». Сказав это, он спустился с трактора и занял место рядом с котлами, чтобы наблюдать за раздачей пищи.

Постепенно порядок был восстановлен. Голодные люди образовали длинную очередь. Некоторые ещё стояли, некоторые лежали в очереди. Каждый имел при себе тарелку, миску или кружку. Товарищ Тысячник снисходительно кивнул головой, разрешая приступить к раздаче первомайского блюда. Каждый получил две большие ложки гречневой каши. Никого не забыли и не пропустили.

После еды, товарищ Тысячник снова взобрался на трактор, чтобы сделать важное заявление. С этого момента, сказал он, члены колхоза, работающие на посевной, будут ежедневно получать по полкило хлеба и две тарелки горячего в день. Затем он приказал тем, кто мог, сразу же отправляться в поле и приступить к работе.

Лишь немногие смогли пойти в поле. Гречневая каша не сотворила чуда. Люди были настолько ослаблены, что многие просто оказались не в

силах подняться с земли. Они оставались сидеть или лежать на сельской площади, слизывая остатки каши со своей посуды.

Мы, школьники, и наши учителя последними получили свою порцию каши. Пока изголодавшиеся люди жадно заглатывали свою долю, мы должны были распевать патриотические первомайские песни, прославляя и благодаря Коммунистическую партию и Советское правительство за счастливую и сытую жизнь. Всё это время мы страшно мучались, наблюдая за теми, кто уже ел свою кашу.

Убитого мужчину, который после выстрела упал с трактора и лежал у всех на виду, оттащили в сторону. Немного позже я заметил, что к телу подбежал голодный пёс, тщательно его обнюхал и принялся лакать сочившуюся из раны кровь.

Глава 18

Битва за урожай 1932 года на Украине стартовала за два месяца до жатвы. В конце мая в нашем селе стали появляться какие-то чужие люди. Постепенно мы узнавали, кто они такие были. Партия мобилизовала 112 тысяч наиболее активных и преданных членов для организации ускоренной уборки урожая и обеспечения его быстрой и надёжной доставки в закрома государства. Вскоре этих членов партии стали называть «Стотысячниками» или тоже просто «Тысячниками». В нашем селе их оказалось девять человек, один — на каждую Сотню, и их общий руководитель, ставший нашим новым Тысячником. Бывший Тысячник, товарищ Черепин, вместе со своей свитой был переведён на работу в другое село. Не теряя времени даром, новый Тысячник набросился на село как коршун на добычу, направо и налево раздавая приказы и распоряжения.

Фамилия нового Тысячника была Лившиц. Мы звали его товарищ Лившиц, или просто — товарищ Тысячник. Никто точно не знал, откуда он прибыл, но очевидно — из какого-нибудь большого города. У него были манеры городского жителя, и хотя он разговаривал на плохом украинском языке, но всё же старался говорить вежливо и элегантно. Он имел волосы черного цвета без следов седины, хотя на вид ему было уже лет пятьдесят. Роста он был среднего. Мы думали, что он женат, потому что он носил золотое кольцо, но мы так никогда ничего не услышали о его жене или семье. Он являлся типичным городским жителем, и в его наружности не было ничего необычного. Однако выражение его глаз и манера разговора с нами выдавали неприязнь и даже ненависть к людям, которыми он должен быть руководить.

Товарищ Лившиц и его «коллеги» без промедления взяли полноту власти на селе в свои руки. Уже на следующий день мы узнали, что они восстановили сельскую административную систему, созданную ещё товарищем Цейтлиным в 1930 году. Нас опять загнали в болото казённых подразделений, состоящих из Сотен, Десяток и Пятёрок. Снова мы оказались невольными участниками бесконечных собраний и пустой пропагандисткой

говорильни. Ещё один раз нас заставили участвовать в «социалистическом соревновании» между разными подразделениями. Нас обязали возобновить хождение по селу от хаты к хате, как раньше «протаптывать тропинки», потому что новое начальство подозревало, что мы все утаиваем запасы пищевых продуктов.

Новый Тысячник в дополнении к существующей системе информаторов ГПУ установил новую шпионскую сеть, которая была очень примитивной, но в тоже время и эффективной. Эту сеть составили селькоры, или сельские корреспонденты. Работала она следующим образом: обычные жители села, чаще всего комсомольцы или просто школьники, назначались сельской партийной организацией или лично Тысячником в качестве репортёров. Внешне им вменялось в обязанности освещать текущие дела на селе. На самом же деле, эти селькоры получали указания выискивать предателей и саботажников. В частности, их неременной обязанностью стало доносительство на тех жителей села, кто скрывает от государства продукты, и тех, кто выражает своё недовольство в отношении партии и правительства. Иными словами, они должны были шпионить за своими же односельчанами, а затем давать отчёт о наблюдениях и разоблачениях в местной газете. Чего эти селькоры не знали, так это то, что все их отчёты направлялись на изучение в соответствующие органы: ГПУ и милицию. Если в отчёте имелась какая-то зацепка для органов, то агент ГПУ или милиционер прибывал в село и проводил дополнительное расследование.

Таким образом, была подготовлена сцена, на которой разыгралась новая драма, представленная новоявленными исполнителями по «сценарию» новоиспечённого Тысячника. Прелюдия этой драмы происходила на нашей улице: Степана Шевченко выселяли из собственного дома.

Степан был бедным крестьянином. У него была хорошая семья, состоящая из жены и двух детей: мальчика девяти лет и семилетней девочки. Они вполне довольствовались тем немногим, что имели. Хотя, как и все мы, Шевченко являлся бедняком, но одно его выделяло: он решительно отказался вступить в колхоз, и самое удивительное, ему вместе с семьёй, несмотря на это, удалось просуществовать до июня 1932 года.

Он выплатил все причитающиеся налоги за 1932 год, и уже надеялся, что государство оставит его в покое, хотя бы ненадолго. Но он оказался чересчур оптимистичен в своих надеждах.

Однажды он получил извещение, требующее от него сдать государству 500 килограмм зерна. Он выполнил это требование в полном объёме. Но вскоре он получил ещё одно извещение. На этот раз от него требовалось сдать в два раза больше зерна. Они знали, что это требование Шевченко уже исполнить не мог, потому что у него не осталось больше зерна. Все его объяснения были напрасными. Начальство настаивало на сдаче и угрожало Сибирью. Он знал, что они шутить не будут, и поэтому был вынужден продать всё ценное, что он имел, включая корову, а на вырученные деньги купил требуемое количество зерна. Теперь он наивно полагал, что его

неприятности закончились. На самом деле, его судьба уже была решена в тот момент, когда он отказался вступить в колхоз. Требование сдать такое огромное количество хлеба государству явилось лишь предлогом, чтобы окончательно погубить его. Конечно, вскоре Шевченко получил третье извещение: на этот раз с него немедленно требовали сдать 2 тысячи килограмма зерна! Этого он сделать никак не мог. У семьи Шевченко не осталось ничего, что они могли бы продать. Они уже лишились всего.

Наступил тот роковой день, когда к нему на дом явились члены Хлебозаготовительной комиссии. Они обшарили всё подворье в поисках утаенного хлеба, но, конечно, ничего не нашли. Тем не менее, Шевченко объявили кулаком и приказали всей семье немедленно покинуть дом. Хата Шевченко и всё их имущество тут же были у них конфискованы, чтобы пополнить «социалистическую собственность». Услышав такой приговор, вся семья бросилась отчаянно сопротивляться. Их плач и крики, а также властные голоса членов комиссии, донеслись до нас. Мы с братом побежали туда, чтобы увидеть, что случилось.

Шевченко схватился в рукопашную с несколькими членами комиссии. Он старался сбросить их с себя, крича при этом, что он не покинет свой дом, который он построил своими руками, затратив свои силы и пролив много пота. Он уговаривал их оставить его в покое, потому что он беден, и ничего у него нет. Его жена уцепилась за дверной порог и решительно отбивалась от попыток сдвинуть её с места. Их испуганные дети стояли рядом и горько плакали. Товарищ Тысячник не принимал участия в потасовке, а только покурировал в стороне, наблюдая, как выполняется его приказание.

Сломив сопротивление Шевченко, они связали ему за спиной руки и вывели, чтобы посадить в поджидавшую ну улице телегу. Его жену, всё ещё оказывающую сопротивление, вынесли из хаты за руки и ноги и бросили в ту же телегу. Детям ничего не оставалось делать, как покорно следовать за своими родителями. Один из членов комиссии направил телегу с её душераздирающим «грузом» к центру села. Вскоре на пороге показались остальные члены комиссии. Товарищ Тысячник запер дверь на замок, и они все ушли, словно ничего и не произошло.

Позже мы узнали, что хата Шевченко стала штабом Первой Сотни. Прежний штаб сгорел, когда на селе вспыхнуло восстание крестьян. Шевченко стал невинной жертвой только потому, что его дом, над которым он так усердно трудился, стал нужен местным властям в замену сгоревшего. Много позже мы узнали, что семья Шевченко и другие семьи арестованных из центра села были отправлены на железнодорожную станцию и куда-то увезены дальше.

Какой-то сельский остряк, у которого ещё сохранилось чувство юмора, прозвал нового представителя партии «гробовщиком». Имя прижилось, и вскоре товарищ Тысячник среди нас стал известен как «товарищ Гробовщик» Лившиц. Конечно, никто не осмеливался так называть его в открытую. Но более подходящее прозвище трудно было придумать: наше село под его

начальством сплошь состояло из голодающих людей, кто-то уже умер, другие стояли одной ногой в могиле. Дыхание смерти чувствовал каждый прибывающий в наше село. И, тем не менее, Тысячник и множество других посланцев партии и правительства продолжали неустанно искать утаённое зерно, переходя от хаты к хате, как будто они не видели своими собственными глазами, что люди теряют последние силы от голода. В большинстве случаев, вместо хлеба они обнаруживали тела умерших от истощения крестьян. Но даже после таких ужасных находок они не прекращали своих обысков. Нам было неясно, чего добивались партийные работники. Ведь коллективизация завершилась, и это уже не являлась повесткой дня. Что же тогда они выискивают у нас на селе? Может быть, государству надо представить убедительные доказательства того, что мы действительно все вымерли? Как это не покажется невероятным, но именно такое утверждение является самым лучшим ответом на поставленный вопрос.

Однажды в июне в воскресный день нас позвали на собрание нашей Сотни. Собрание проводилось в хате Шевченко. Мы с мамой пришли, когда собрание уже началось. Войдя, я сразу заметил перемены: перегородки, разделявшие комнаты и кухню, были снесены. Сейчас это была одна большая комната, в которой возвышались стол для президиума и трибуна. На трибуне товарищ Тысячник уже произносил речь. На стенах висели портреты партийных вождей, а с потолка свешивался огромный плакат с лозунгом «Битва за урожай — битва за Социализм!». Другой лозунг красовался на стене справа «Смерть кулакам!».

Я осмотрел собравшихся. Их было немного: помещение оказалось заполненным только наполовину. Собралось человек тридцать, все имели жалкий вид: некоторые были настолько истощены, что представляли собой передвигающиеся скелеты; другие, наоборот, распухли от голода. Все пребывали в молчании, подавленные и безразличные.

Товарищ Тысячник говорил о совместном постановлении Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета Коммунистической партии, касающегося хлебозаготовок урожая 1932 года. Главным пунктом его речи являлась превосходство коллективного хозяйства над индивидуальным. Основываясь на эту победу, настаивал он, и, ликвидировав кулацкий элемент на селе, СССР достиг высокого уровня развития зернового хозяйства, значительно увеличил посевную площадь и добился небывалой урожайности зерновых. В 1931 году в закрома государства было засыпано в 2.5 раза больше зерна, чем в 1928 году, когда ещё преобладали единоличные хозяйства. Товарищ Тысячник снова и снова повторял, что Советский Союз преодолел кризис по хлебозаготовкам только благодаря претворению в жизнь мудрой ленинской политики партии. Затем он торжественно провозгласил, что в 1932 году по Украине в целом, в том числе и в нашем селе, будет собрано столько же зерна, как и в прошлом году.

Закончив чтение и пояснения совместного постановления, товарищ Тысячник перешёл к расхваливанию колхозного строя. Он очень старался

доказать, что посредством колхозов, СССР в скором времени догонит и перегонит Америку и Европу по хлебозаготовкам. Хорошим доказательством того, сказал он, является увеличение урожая зерновых в 1930 и 1931 годах. В заключении он выдвинул требование, чтобы план 1932 года по сбору зерновых был выполнен любой ценой. Надо будет отрапортовать сразу же после уборки урожая, не дожидаясь января 1933 года, как записано в постановлении. Сделав это, мы, таким образом, подтвердим свою преданность коммунизму. На этом собрание закончилось. Ни вопросов, ни обсуждения не проводилось. Каждый видел, что товарищ Тысячник и его свита, торопились уйти. Они не хотели слышать о том, что мы голодаем.

Речь товарища Тысячника не произвела на нас впечатления. Для нас ничего не значили его цифры, отражающие план сбора зерна по Украине в целом и по нашему селу в частности. Нам хорошо было известно, что наши амбары совершенно пустые. Мы также знали, что утверждение, будто увеличение урожайности 1931 года по сравнению с 1928 годом, якобы связанное с преимуществами колхозного строя, было чистым обманом. На собственном опыте мы знали, что урожайность обусловили другие факторы. Чтобы повысить доставку зерна государству в 1930 и 1932 годах в ход пошли все имеющиеся запасы зерна, в том числе и предназначенные для посева. Крестьяне были безжалостно ограблены, с их нуждами не считались.

Тяжёлым потрясением для нас стало требование товарища Тысячника собрать в 1932 году такой же урожай, как и в 1931 году. Мы просто были не в состоянии этого сделать. План 1932 года по сбору зерна не учитывал реального количества посеянных зерновых, а был, что называется, «взят с потолка».

Крестьяне не привыкли и не хотели работать в колхозе. Не хватало рук, и был сильный падеж скота. Из-за голода многие жители села ослабли и не могли работать, некоторые вообще покинули родные места в поисках пропитания. В результате колхозные земли стояли нетронутыми. Большая часть урожая, если вообще не половина его, оказалась потерянной во время жатвы. Это случилось в 1931 году, и ещё больше потерь ожидалось при сборе зерна в 1932 года. Кроме того, у крестьян не осталось зерна, чтобы провести посевную 1932 года. Их амбары стояли пустыми или использовались для хранения дров. То, что Москва требовала доставить такое же количество зерна, как и в предыдущем году, было не выполнимым, и для нас это обещало обернуться катастрофой.

Когда товарищ Тысячник со своей когортой приступил к компании по сбору и доставке государству зерна урожая 1932 года, для нас настали ещё более тяжёлые времена. Наиболее сильно страдали те, кто не имел сил посадить свой огород и принимать участие в общественных работах. Как я уже говорил, неработавшие колхозники были лишены права получать полкило хлеба или килограмм муки ежедневно. В дополнении, выходившие на работу колхозники обеспечивались два раза в день горячим питанием, обычно состоящим из супа, для густоты заправленным мукой. Достаточно тяжело было поддерживать силы работающему человеку, но всё же это

позволяло ему существовать. Большой проблемой оставалось накормить и поддержать своих домочадцев, которым ничего не полагалось. Дети, старики и больные довольствовались тем, что работавшие оставляли им от своего скромного пайка.

Борясь с голодом, жители села испробовали все средства, чтобы спасти себя и свои семьи. Кто-то охотился на птиц: ворон, сорок, ласточек, воробьёв и даже соловьёв. Можно было увидеть измождённых людей, ищущих в прибрежных кустах птичьих гнёзда или ловящих в воде мелких рачков. Даже раковые панцири, хотя совсем несъедобные, шли в пищу: из них варили бульон. Доведённые до голода люди собирали коренья, а если повезёт — грибы и ягоды. Некоторые пытались поймать мелких лесных животных.

Голод заставлял людей есть всё, что угодно: даже испорченные и прогнившие продукты — картошку, свёклу и другие корнеплоды, которые в обычных условиях отказываются есть даже свиньи. Они даже питались сорняками, листьями и корой деревьев, насекомыми, лягушками и улитками. Никто не гнушался мясом умерших от болезней лошадей и коров. Часто такое мясо оказывалось уже прогнившим, и люди, наевшись его, умирали от отравления.

Глава 19

Нас не покидала уверенность, что мы стали заложниками какой-то убийственной игры. Каждая наша попытка избежать смерти сталкивалась с официальным противодействием, а нашему стремлению вернуться противостояли очередные контрмеры. Отвечая возмездием против нас, власти часто прибегали к неслыханным по своей жестокости и садизму действиям.

Я до сих пор ясно помню компанию по сдаче государству кожи собак и кошек. Весна была в полном разгаре, ночами в садах звучали трели соловьёв. Но в тот злопамятный год это не приносило обычной радости, поскольку люди были доведены до крайней степени истощения. К этому времени всё, что можно было употребить в пищу, оказалось съеденным. Остались лишь кошки да собаки. Однажды мы услышали недалеко от дома ружейный выстрел. Это звук сопровождался громким собачьим лаем, завыванием и скулением. Какие-то люди стреляли снова и смеялись. На фоне умирающего и притихшего села всё это звучало очень странно. Вдруг выстрел прогремел на нашем дворе, где-то за амбаром, вслед за ним жалобно заскулила собака. Мы сразу же узнали завывание нашей собаки Латки. Я выскочил из дома, и как только забежал за амбар, увидел мёртвую Латку, лежавшую на земле в луже крови. Три вооружённых ружьями человека стояли рядом, смотря на неё вниз, весело смеясь. Я не смог сдержаться и расплакался, кинувшись к своей убитой собаке. Но моё горе нисколько не тронуло убийц. Один из них оттолкнул меня в сторону, схватил нашу Латку за хвост и поволок её к дороге, где в запряжённой телеге уже были свалены тела других подстреленных кошек и собак. Затем втроём они взобрались на

телегу и тронулись в путь. Чуть позже мы услышали отдалённые выстрелы и мучительные крики убиваемых животных.

Вскоре мы узнали причины этого неслыханного живодёрства. Наше село получило разнаряд по сдаче собачьей и кошачьей кожи. Выполнение задания поручалось сельским охотникам, хотя на селе после конфискации не осталось ни одного ружья. Встал вопрос, как справиться с заданием. Неожиданно нашлось решение: Тысячники! Они великодушно приступили к охоте на кошек и собак вместо нас, хотя их об этом никто и не просил. Таким образом, наше село стало местом охоты Тысячников. Прибыли все девять человек со своими ружьями, в дополнении к револьверам, которые они всегда носили с собой. Тысячники открыли охотничий сезон, не спрашивая нашего разрешения и даже не поставив нас в известность. Начав с восточной окраины села, они продвигались на запад, убивая на своём пути каждого пса и кошку, которые попадались им на глаза.

Тела несчастных животных были свалены на главном дворе колхоза. Но снять с них кожу оказалось делом непростым: мало кто умел это делать. Груды мёртвых животных сторожили два человека, лично назначенных товарищем Тысячником. Говорили, что его беспокоила мысль о возможности кражи тел животных голодными жителями села. Прошла неделя, но к работе по выделке кож так и не приступили. Сваленные в кучу убитые животные начали подвергаться разложению и от этой кучи потянуло тошнотворным запахом. Наконец, стало известно, что товарищ Тысячник отдал приказание и стал лично наблюдать за распределением тушек животных всем желающим! Всё трупы расхватали всего лишь за несколько часов. Как говорится в пословице: «Голод — не тётка». Оставался вопрос, с какой целью проводилась эта компания. Неужели государство действительно нуждалось в коже собак и кошек? Может быть. Но в то же время наше местное начальство не торопилось снять кожу с убитых животных. Могло ли это быть частью главного плана по окончательному подчинению государству голодающих крестьян? То, что Тысячники явились к нам на село с ружьями, подтверждало заблаговременное планирование компании по уничтожению собак и кошек. Скорее всего выполняли чей то дьявольский приказ, имевший виду уничтожить кошек и собак, как последнего потенциального источника пропитания умирающих крестьян.

Однажды, в начале 1932 года, разнеслась ошеломляющая новость: «Они убивают соловьёв!». На Украине соловей считается национальным символом. Волшебные трели соловья всегда являлись неотъемлемой частью украинской деревни, с её буйными садами и белоснежными хатами. Каждая украинская семья считает своими соловьёв, живущих у них в саду. Раньше мы слушали соловьиные трели точно так, как городские жители слушали бы настоящий концерт. Никто, даже отчаянные сорванцы, ловящие других птиц, не осмеливался причинить боль соловьям. Народное поверье, живущее из поколения в поколение было то, что смерть соловья приносит несчастье в тот дом, где соловей умер или был убит.

Но голод безжалостен, и он заставляет проявлять безжалостность со стороны людей по отношению к другим божьим творениям, включая соловьёв. Пренебрегая легендой, несчастные голодные начали охотиться за соловьями наряду с другими птицами. Из их гнёзд забирались яйца и птенцы.

Как кошки и собаки, соловьи стали очередной жертвой Тысячников, хотя официально никакой компании по их истреблению не проводилось.

В часы рассвета или заката мы теперь слышали ружейные выстрелы вместо соловьиных трелей. В своей охоте за соловьями, как раньше при истреблении собак и кошек, Тысячники проявили последовательность и систематичность. На этот раз они начали с центра села. Они разбились на две группы: одна двигалась на запад, а другая — на восток. Через несколько дней они добрались до нашей хаты, и я имел возможность наблюдать их действия. Они украдкой и бесшумно подбирались к дереву, на котором пел соловей, и поджидали удобного момента. Затем один из них вскидывал ружьё и стрелял. Они редко промахивались, потому что были умелыми стрелками. После каждого удачного выстрела счастливого охотника поздравляли его коллеги.

Мы наблюдали эту не имеющую смысла соловьиную охоту с чувством беспомощного негодования. Мы могли простить голодного, доведённого до умопомрачения жителя села за убийство любимых птиц в последней надежде на выживание. Но не было прощения тому, кто убивал соловьёв таким жестоким, хорошо организованным методом, с таким бессердечием, словно это было спортивное состязание со стрельбой по мишеням. Ища объяснение последним подвигам Тысячников, некоторые жители села думали, что таким образом эти городские жители мстили нам, сельским людям. Но возникал вопрос: за что мстить? Мы не считали себя виноватыми ни перед ними, ни перед правительством, которое они представляли. Как бы мы не старались, мы никогда не могли понять, что происходит.

Одно оставалось ясным: соловьиного пения больше не слышалось. Требовалось время, чтобы соловьи опять появились у нас на селе к нашей молчаливой радости.

Глава 20

Первая половина июня 1932 года принесла нам некоторое облегчение, и случаев голодной смерти стало меньше. Созревали ранние фрукты и ягоды, на грядках всходили первые овощи. Те, у кого не было своего сада и огорода, при любой возможности обрывали всё, что было съестного, в округе. В ночное время они проникали в чужие сады, и словно стаи саранчи, уничтожали всё, что попадалось на глаза: зелёный лук, молодую картошку, ещё недозревшие морковь, свёклу и петрушку, клубнику и фрукты. Вскоре ими были полностью очищены многие сады.

Воровство, грабёж и ограбление с взломом, о которых в наших краях раньше и не слышали, сейчас стали обычным явлением. Убийство или самоубийство перестало быть чрезвычайным событием. Беззаконие явилось результатом полного преобразования общественной жизни и потери

настоящих человеческих взаимоотношений. Местное управление, которое должно было следить за соблюдением законности и порядка, находилось в руках коммунистов, у которых для нас были другие планы.

Приведу такие примеры. Мы узнали, что два брата, Фёдор и Василий, мои хорошие приятели, были избиты до смерти, а их тела выброшены в заброшенную шахту. Говорили, что они были убиты своими соседями за то, что украли у них прямо из дома какую-то сваренную еду. Ещё один мальчик был забит до смерти только за то, что позарился на чужую клубнику. Молодую женщину ожидала такая же участь за кражу овощей. Во всех этих и подобным им случаях не проводилось никаких расследований, даже не заводилось дел, и виновных не наказывали.

Колхозный урожай тоже подвергался воровству со стороны изголодавшихся людей. Как только опускалась ночная мгла на овощные поля, их тут же наводняли крестьяне, гонимые голодом. Они хватали всё, что могли нащупать в темноте. Люди выдёргивали картошку, срывали качаны молодой капусты, выкапывали свёклу и морковь. В то время начинали наливать колосья пшеницы. И истощённые люди срывали эти колосья и ели зёрна прямо здесь, в поле. Колосья уносили домой и сушили. Из этого зерна, хотя ещё и не созревшего, варили кашу. Те, кто работал на колхозных полях, тайком пытались унести немного овощей и несколько колосков, чтобы покормить своих детей и неработающих членов семьи. Но вскоре оказалось, что такой источник пропитания ненадёжен. Товарищ Тысячник положил конец этой практике: он организовал бригаду «Коммунистической бдительности» и поручил ей охранять колхозные поля. Членами этой бригады стали коммунистические активисты, комсомольцы и школьники. Спустя много лет я наткнулся на статистические данные, предоставленные Павлом Постышевым, который от имени Москвы стоял во главе Украины:

В 25 регионах Украины 540 тысяч детей было вовлечено в охрану колхозных полей, и 10 тысяч детей принимало участие в борьбе против мародеров.

Бдительные стражи несли свою службу на колхозных полях день и ночь. За каждым работником не только тщательно следили во время работы, но и обыскивали в конце каждого рабочего дня. Это делалось в соответствии с чёткими указаниями товарища Тысячника, который опасался, что колхозники, не смотря за установленное над ними наблюдения, всё же будут утаивать зерно под одеждой.

Более того, чтобы уберечь урожай 1932 года от голодающих крестьян, партия и правительство приняли несколько строгих постановлений. В соответствии с этими постановлениями были сооружены наблюдательные вышки вокруг пшеничных, картофельных и прочих колхозных полей. Эти вышки по внешнему виду напоминали те, которые можно видеть вокруг тюрем и лагерей. На них располагалась охрана с ружьями. Многие голодные крестьяне, бродящие в поисках чего-нибудь съестного вдоль полей и на самих полях, становились жертвами метких молодых бдительных

охранников. Если голодного человека, ищущего пропитание, настигали живым, то его ожидало суровое наказание. Его обвиняли в расхищении «социалистической собственности», неважно, сколько колосков ему удалось собрать, конфисковали всё имущество и ссылали в концентрационный лагерь куда-нибудь на север.

Один из самых жестоких законов был принят 7 августа 1932 года. Согласно этому закону, вся колхозная и кооперативная собственность, такая как урожай на полях, хранилища, поголовье скота и птицы, склады и тому подобное, стала считаться принадлежавшими государству. Охрана этой собственности производилась всеми возможными средствами. Наказанием за расхищение стали расстрел и конфискация всего имущества или ссылка в лагерь сроком более чем 10 лет с одновременной конфискацией. На этих «уголовников», осуждённых за воровство в колхозе, не распространялась амнистия.

Этот закон, как уже было отмечено, был нацелен против голодающего крестьянства. По иному его назначение оценить нельзя. Ведь только эти обедневшие, постоянно голодные несчастные создания в поисках пропитания были вынуждены красть то, что теперь считалось государственной собственностью. А государство, вместо того, чтобы накормить их, хотя бы совсем немного, само вынуждало их красть этот «запретный плод» и, таким образом, становиться преступниками. Не только жалкая кража картофелины или двух колосков с колхозного поля считались угрожающим вызовом государственной законности, но даже подбор того, что осталось на полях после снятия урожая, ловля рыбы в реках или сбор сухих сучьев в лесу причислялись к серьёзным преступлениям. После принятия этого постановления всё стало социалистической государственной собственностью и надёжно охранялось законом.

Глава 21

Наконец, пришло время сбора долгожданного урожая 1932 года. Его начало ознаменовали бесконечные политические речи.

Где-то в середине июля мы стали свидетелями прибытия комбайна и двух косилок, а на следующий день в село на грузовиках приехали два небольших отряда военных. Грузовики встали в ряд с уборочными машинами, а солдат поселили в здании школы. Вскоре нам стало известно, что военным запретили покидать школьное здание и заговаривать с местным населением. Вокруг школы днём и ночью стояли караулы. В течение тех двух месяцев, что военнослужащие провела в нашем селе, мы ни разу не видели их на улицах или разговаривающими с кем-нибудь из колхозников.

Вслед за военными прибыли группа студентов и группа рабочих. Студенты были из педагогического института, единственного высшего учебного заведения в районе. Рабочих прислал машиностроительный завод. Этот завод, как мы часто слышали, стал инициатором образования нашего колхоза и с тех пор нёс над нами шефство. Эти две группы новоприбывших

разместили в помещении, которое до разрушения церкви служило приходской школой. Все эти новые люди тоже были полностью от нас изолированы.

Объявили, что в следующее воскресенье, поскольку в то время каждое воскресенье было рабочим днём и выходных тогда не было, торжественно откроется компания по уборке хлеба. Ранним воскресным утром все колхозники должны собраться на сельской площади. Поговаривали, что будут раздавать горячую еду. Это сработало! Когда мы подошли, площадь уже до отказа была заполнена людьми, хотя утро только начиналось, и солнце едва показалось над горизонтом. В колхозе люди работали не по часам, а по солнцу: от зари до зари.

Как и во время Первомайской демонстрации, котлы уже шипели в самом центре площади. Вокруг котлов стояло несколько тысячников с ружьями на плечах. Немного дальше в двух грузовиках разместились солдаты. Комбайн с одной стороны окружила группа студентов, а с другой — группа рабочих. Все эти официальные представители и посланцы выглядели весьма торжественно. Они избегали смотреть на нас, оборванных и изголодавшихся колхозников.

Мы все смиренно стояли поодаль от котлов, не отрывая взглядов от дымящей каши. На этот раз никто не лежал на земле, не имея сил подняться или умирая от полного истощения, как это было на Первое Мая. Те люди уже умерли. На площади и вокруг неё выстроились самые выносливые, вырвавшиеся из цепких рук голода. Они выжили потому, что не гнушались есть всё, что находили съедобным, как бы неприятно, невкусно и испорчено это было.

Товарищ Тысячник взобрался на комбайн, чтобы начать то, чего избежать в такой ситуации было нельзя: политическую речь. На этот раз, к всеобщему удивлению, его речь оказалась довольно короткой. Тем не менее, он не забыл напомнить нам, что только колхозы имеют возможность отпраздновать наступление урожайного сезона хорошо организованным и возвышенным образом. Говоря об уборочных машинах и комбайне, на котором он стоял, товарищ Тысячник воспользовался моментом и возвышенно отметил, что только колхозники Советского Союза могут позволить себе иметь такие сельскохозяйственные машины. В конце выступления он призвал нас выразить благодарность Коммунистической партии, за то, что она прислала нам на помощь в уборке нового урожая солдат, студентов и рабочих. Он объявил, что во время уборочной каждому колхознику будут выдавать ежедневно по килограмму хлеба и дважды кормить горячим. Он закончил своё выступление призывами «Да здравствует Коммунистическая пария!» и «Да здравствуют колхозы!», после чего пригласил всех нас получить причитающуюся порцию каши.

На этот раз толпа организованно выстроилась в очередь и молча продвигалась к заветной цели. Большинство крестьян тащились с опущенной головой, избегая смотреть на тех, кто накладывал в их миски кашу. Они

чувствовали себя униженными, потому что их кормили как нищих на виду у прибывших из города.

Потребовалось достаточно много времени, чтобы накормить большую толпу народа. Товарищ Тысячник стал терять терпение и приказал отправляться на работу в поля, хотя вокруг котлов толпилось ещё много людей. Первым пришёл в движение комбайн. На нём возвышался красный флаг, а по бокам были развешаны красные полотна с лозунгами. Они гласили, что колхозники с энтузиазмом выполняют план по сдаче зерна государству. Заурчал мотор, и комбайн медленно тронулся с места. Он поражал своими размерами. В другое время и при других обстоятельствах новизна увиденного непременно бы привлекла внимание сельских жителей. Однако сейчас голодные люди сосредоточились на своей каше. Многие, облизав тарелки, надеялись получить добавку.

Тем временем за комбайном потянулись военные грузовики. За ними двинулись косилки, а дальше растянулась колонна колхозных телег, с сидящими в них рабочими и крестьянами. Процессию завершали пешие колхозники, многие из которых на ходу доедали свою порцию каши.

Было ясно, что вся организация компании по уборке урожая, включая церемонию открытия, проследование на поля и даже сама жатва, была чётко спланирована и выполнена с военной точностью. Подъехав к пшеничному полю, комбайн свернул с дороги налево и начал косить и молотить зерно. Военные выпрыгнули из грузовиков и разбежались по предписанным точкам. Грузовики выстроились таким образом, чтобы поток перемолотого зерна из комбайна ссыпался в кузов.

По другую сторону дороги начали работать косилки, в которые были впряжены лошади. Женщины, шедшие следом, проворно и умело вязали снопы из скошенных стеблей пшеницы, в то время как мужчины подбирали и грузили снопы в телеги, а затем увозили их на молотилки, где работали студенты и рабочие из города.

В начале всё шло гладко, как и планировалось, но вскоре начались перебои. В соответствии с руководством по сдаче зерна государству, зерно нового урожая должно было доставляться после перемолота непосредственно в сборные пункты, в нашем случае — на железнодорожную станцию. Не теряя времени, первый военный грузовик, наполненный зерном, ринулся к станции. Быстро заполнили кузов второго грузовика, а первый ещё не успел вернуться. Не оставалось ничего, как ставить под загрузку обычные телеги, хотя они и не были приспособлены для перевозки зерна. Товарищ Лившиц пообещал районной партийной организации обеспечить бесперебойную работу транспортной «Красной колонны» по вывозу максимально возможного количества зерна с наибольшей скоростью. И он должен сдержать обещание. План по сдаче зерна надо выполнить вовремя. Поэтому он приказал ставить под загрузку телеги, даже не считаясь, что вероятны потери зерна при транспортировке. Вереница телег выстроилась вдоль дороги. На них установили флажки и транспаранты с надписью, что

колхозники нашего села добровольно отдают зерно в закрома государства. Это, так называемая, «Красная колонна» сначала сделала крюк к селу, а оттуда направилась на железнодорожную станцию.

«Красная колонна» ещё имела и пропагандистскую задачу: надо было объехать ближайшие деревни и продемонстрировать, что как счастливы наши колхозники доставлять зерно нового урожая государству.

Тем временем, застопорилась работа молотилок, потому что не осталось телег для подвоза снопов. Увидев это, товарищ Лившиц легко и быстро нашёл выход: если нет лошадей, их можно заменить людьми. Поэтому он погнал студентов, рабочих и всех, кто находился в поле, к молотилками, чтобы подносить снопы. «Чего стоите? — кричал он. — Ты и ты! Двигайтесь! Ну, быстрее!». Надо было взять сноп и волочь его к месту, где стояла молотилка. Люди, обхватив снопы со зрелой и сухой пшеницей, суетились на огромном поле, словно муравьи. Конечно, при этом терялось много зерна.

Так началась уборочная страда в нашем селе. На следующей день с МТС прибыло ещё два грузовика, и уборка, более или менее, пошла без проблем. В центре внимания оставался план сдачи зерна государству, и никто не осмеливался заикнуться о нуждах колхозников.

С самого начала до полного завершения уборочных работ, жителям села не было выделено ни одного килограмма пшеницы. Им не оставили ничего. Было объявлено, что всё зерно отправили на железнодорожную станцию. Но потом мы узнали, что там его свалили на землю, накрыли брезентом и оставили гнить.

Глава 22

К концу августа компания по сбору зерновых приобрела ещё более решительный характер. Днём и ночью нам напоминали, что мы ещё не выполнили плана по сдаче хлеба государству. Каждый день проводились бесконечные собрания. Понять всё это, нам было не дано. Прошло более двух лет, как мы стали членами колхоза. Это означало, что собственной земли мы не имели, а, значит, и не могли обеспечить себя хлебом. С самого начала коллективизации государственная хлебозаготовительная комиссия несколько раз рыскала у нас на селе и изъяла все запасы зерна. В итоге село медленно вымирало от голода. Любой приезжий мог это видеть собственными глазами. Но тысячники и посланцы партии и правительства предпочитали этого не замечать. Они продолжали обыскивать наши дома и отбирать каждое найденное зёрнышко хлеба.

Примерно в это же время, в конце августа, разнёсся слух, что жителям села вскоре запретят делать покупки в сельском магазине. Однажды днём нас созвали на собрание Сотни и объявили о новом законе правительства, направленном на борьбу со спекуляцией товарами широкого потребления. Колхозники, не выполнившие своего плана по сдаче зерна и другой сельскохозяйственной продукции, лишаются права покупать что-либо в

государственных магазинах. Чтобы что-то купить, колхозник должен предоставить справку сельсовета, подтверждающее, что предъявитель выполнил план. Поскольку в то время все магазины являлись государственными, и никто ещё не завершил выполнение плана, то ни один колхозник, не мог ничего купить. В итоге у нас не было самых простых вещей. Многие из нас, например, не могли позволить себе иметь такую роскошь, как керосиновая лампа, потому что нельзя стало купить керосин. Мы оказались вынуждены есть совсем немного, в основном картошку без соли. Мыться приходилось без мыла, поскольку нас лишили права его покупать. Я уже не говорю о сахаре: его мы не видели в нашем селе два года.

Позже оказалось, что этот закон в действительности оказался ещё страшнее, чем он поначалу нам представился. Сельские жители ездили в соседние посёлки, где на чёрном рынке они могли купить нужные им товары. Закон объявил покупателей чёрных рынков спекулянтами и установил в качестве меры наказания тюремное заключение или отправку в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права досрочного освобождения и амнистии. В результате колхозник, застигнутый при покупке иглы, катушки ниток, пары носков или полкило соли на чёрном рынке, осуждался по статье за спекуляцию и должен был отбывать срок до десяти лет на тяжёлых работах в одном из трудовых лагерей где-нибудь на севере.

Наконец наступила передышка. В сентябре 1932 года мы получили плату за свой труд: 200 граммов зерна за каждый отработанный день. Спустя месяц нам выдали немного картофеля, свёклы и репчатого лука. Это составило все наши запасы, на которые мы должны были рассчитывать прожить до следующего урожая. Ни один житель села не имел больше 200 трудодней. Дневные нормы были такими высокими, что редко кто мог выполнить их полностью, чтобы ему зачли рабочий день в двенадцать и более часов, поэтому, обычно начислялся неполный рабочий день, как три четверти или даже половина рабочего дня. В итоге за 200 трудодней семья из пяти человек заработала только около сорока килограммов зерна, пшеницы или ржи, или в пересчёте на каждого — восемь килограммов.

Важно отметить, что в то время, в сельской местности на Украине, население питалось преимущественно хлебом. У крестьян забирали мясо, сало, куриные яйца и молочные продукты. В сёлах не было ни булочных, ни бакалейных лавок, ни базаров. Чтобы дожить до следующего урожая, каждый должен был съесть хотя бы килограмм хлеба в день. Вместо этого мы получили зерно, из которого могли испечь 600 граммов хлеба на человека в месяц. Нам обещали выдать хлеба ещё в конце года, но это так и осталось пустым обещанием.

Похожая история случилась и с оплатой деньгами. В конце декабря члены колхоза получили 25 копеек за каждый трудодень. Семьи, имевшие 200 трудодней, заработали 50 рублей за весь 1932 год. За эти деньги можно было купить на чёрном рынке три буханки хлеба.

В нормальные времена мы жили с нашего огорода, имея картофель, капусту, свёклу, морковь и другие овощи; делая заготовки и правильно храня урожай этих овощей, крестьяне всегда имели достаточный запас еды, чтобы без трудностей пережить зиму. Кроме того, у всех имелось вдоволь хлеба. Даже зимой 1931–1932 года при большой нехватке муки мы всё-таки смогли выжить, потому что имели небольшие запасы овощей. Но 1932 год не был «нормальным» годом. Весной начался сильный голод, и люди даже ели семена, предназначенные для посадки, поэтому сажать огород было нечем. Большинство садов и огородов зарастало сорной травой. Мизерная доля продуктов, полученная за работу в колхозе, вскоре оказалась съеденной. Подкрадывался голод.

Голод или не голод, но хлебозаготовительная комиссия продолжала работать. Где-то в ноябре 1932 года нам сказали, что доставка зерна государству начала отставать от графика. Государство распорядилось приостановить все выплаты зарплат и вернуть зерно, выданное колхозникам ранее, а семена и кормы полностью изъять.

Этот приказ дал новый толчок для работы хлебозаготовительным комиссиям. Нормы сдачи зерна были очень высокими, и уже в прошлые годы были исчерпаны все зерновые запасы. Тем не менее, государство продолжало наращивать требования. Местное начальство с готовностью откликнулось на правительственное требование и внедрило новый способ сбора зерна с жителей села. Этот способ назывался и колхозниками, и начальством «выкачивание хлеба». План всего колхоза распределили по Сотням, которые в сою очередь разделили причитающуюся им долю по Пятёркам, а те — по числу членов каждой семьи. Таким образом, если доля Пятёрки составляла, например, тысячу килограммов зерна, то каждая составляющая эту Пятёрку семья должна внести двести килограммов.

Правление колхоза работало быстро и эффективно. На следующем собрании нам объявили, что всё село, все подразделения, руководители всех рангов, учителя и школьники и, конечно, колхозники, должны включиться в соревнование по сбору продовольствия. Собрание затягивалось, руководство теряло терпение и переходило на грубость, а крестьяне чувствовали, как у них из-под ног уходит земля.

И всё же сбор продовольствия не продвигался так быстро, как этого требовало руководство. Что-то надо было предпринять, поэтому со временем руководящие органы стали менять тон: теперь крестьян обвиняли в невежестве и неспособности оценить значение высоко патриотического мероприятия по сбору и доставке продовольствия государству. Партия и правительство заботятся о крестьянстве, и если крестьяне не ценят этой заботы, то это их вина. Крестьяне — словно дети, поэтому партия и правительство должны были проявлять отеческую заботу. Крестьянство обязано следовать указаниям партии и правительства, не задавая вопросов. По-другому быть не должно. А поскольку непослушных детей родители наказывают, то партия и правительство будет наказывать провинившееся крестьянство.

В соответствии с такими рассуждениями, уполномоченные перестали давать разъяснения по вопросам сбора продовольствия. Нашёлся другой выход. Официально он звучал так: «прямой контакт полномочных представителей с массой людей». На простом языке это означало, что хлебозаготовительным комиссиям предписывалось навещать в каждую крестьянскую семью.

Члены комиссии, заявляясь в каждый дом, будут сообщать, сколько и чего конкретно эта семья обязана сдать государству. Если хлеба нет, то комиссия должна будет произвести обыск «утаенного хлеба». Конечно, всё найденное при обыске будет конфисковано.

Тысячники и их подручные теперь могли делать всё, что хотят, без соблюдения законных формальностей. Они могли прибегать к хитрости или угрозам, чтобы заманить крестьян в расставленные сети. Ходя по крестьянским хатам, обыскивая и забирая с собой всё, что им приглянется, они одновременно успешно служили интересам партии и правительства.

Всё время эти уполномоченные изумляли нас своими несерьёзными выходками. Они часто любили развлекаться со своим оружием. Иногда, ради смеха, они даже устраивали дуэли. Таким образом, мы узнали, что каждый из них имел оружие. Время от времени, совершая ежедневные обходы, они развлекались тем, стреляли во всё, что двигалось. Случалось, что их жертвами становились живые люди.

Я стал свидетелем такой сцены. Наш сосед не смог сдать причитающуюся ему долю зерна. Товарищ Тысячник Лившиц решил «научить» его, как надо выполнять приказы. Он объявил, что наш сосед будет расстрелян за «неподчинение политике партии». Расстрел должен произвестись прямо сейчас, в саду за хатой. Товарищ Тысячник рассчитывал, что наш сосед упадёт перед ним на колени, будет умолять о пощаде и пообещает собрать требуемое количество зерна. Хлебозаготовительная комиссия подозревала, что он всего лишь «прячет хлеб». Но нашего соседа так просто нельзя было запугать.

— Как хотите, — произнёс он спокойно, к полному удивлению членов комиссии. — Я готов. Давайте приступайте.

И он направился в сторону сада. Затем ему завязали глаза и в последний раз потребовали сдать хлеб. Он ответил, что ему нечего сдавать. Товарищ Тысячник Лившиц взвёл наган и выстрелил над головой нашего соседа. Потом повязку с глаз сняли и снова спросили о хлебе. Ответ оказался прежним. Снова завязали глаза, и снова пуля прозвенела над головой, но человек оставался непреклонным. Теперь смех уполномоченных сменился на ярость. Не добившись ничего на этот раз, они ушли, пообещав вернуться и проучить его «по-настоящему».

То, что когда-то считалось «налогом», затем «хлебом, собранным в пользу государства», а позже «изъятием хлеба для построения социалистического общества», теперь стало просто ограблением. Не

связанные никакими ограничениями, уполномоченные день и ночь обходили крестьянские хаты в поисках «утаенного хлеба». Каждый член комиссии являлся специалистом своего рода. Например, члены комиссии, ответственные за поиски зерна на земле носили с собой специальные заострённые палки. Этим заострённым концом пронизывались стога или сено, возимое на телегах, а также соломенная крыша крестьянских хат. Комиссия обыскивала всё: они пробивали дыры в подсобных постройках, копали в садах и на задних дворах, просверливали глиняный пол в хатах. Они искали под кроватями, осматривали погреба и кладовые. Они никогда не забывали заглянуть в печь, проверить все полки, бочки и дымоход. Они измеряли толщину стен и искали полости, в которых могло быть спрятано зерно. Иногда они полностью сносили подозрительную стену или частично разбирали печи. Они переворачивали всё: даже детские колыбели и самих маленьких детей, не говоря о том, что каждый взрослый подвергался обыску с ног до головы. Они искали «утаенное зерно» под одеждой мужчин и женщин. Конфисковали всё, что они находили, в любом количестве. Даже маленькая баночка с семенами, предназначенными для посадки на следующий год, отбиралась, а хозяев обвиняли в утаивании от государства продуктов питания.

Однажды комиссия пришла к нам и привела с собой лошадь. Мы недоумевали, зачем. «Специалист по поиску» обвёл лошадь вокруг нашего двора. Сначала мы не поняли причины этой церемонии. Позже мы узнали, что лошадь, считалось, не наступит на прикрытую яму, лошадь непременно остановится перед ямой или перепрыгнет через неё. Это станет сигналом для членов комиссии, чтобы схватить лопаты и откапывать спрятанное в яме зерно. К счастью, у нас не оказалось прикрытой ямы.

К концу 1932 года мы часто задумывались, почему нас продолжают по-прежнему обыскивать. Всё оказалось очень просто: поскольку мы ещё оставались живыми, значит, мы чем-то питались. Мы не выполнили план по сдаче зерна государству, мы утверждали, что у нас ничего не осталось. Но ещё жили! Отсюда вывод: крестьяне имеют пищевые продукты, но где? Где-то они их прячут. Уполномоченные считали, что не справились со своей задачей в поисках спрятанного ценного продовольствия. Они недоумевали, злились и становились всё более раздражительными и грубыми по отношению к нам.

За нами, крестьянами, следили день и ночь. Нас предупредили, например, что установлено наблюдение за каждой мельницей. Те, кто намеревался перемолоть в муку немного зерна, могли быть уверены, что комиссия появится у них на дому ещё до того, как они сами вернуться с мельницы. Но такие случаи были редкими, потому что в то время зерна ни у кого не осталось. Сельские мельницы пустовали.

Кроме пшеницы и ржи на Украине ещё применяли в пищу пшено и гречиху. Каждая семья имела ступку, хитроумное приспособление, выдолбленное из дерева, в которой зёрна отделяли от шелухи. Однажды, где-то в конце ноября 1932 года, объявили, что все ступки по распоряжению

товарища Тысячника должны быть уничтожены. Последующие дни стали свидетелями бессмысленного разрушения. Члены комиссии, вооружившись топорами, переходили от одной хаты к другой и разрубали ступки в щепки, даже не объясняя причины. Те, у кого ещё оставались пшено или гречка, должны были найти новый способ, как отделить зерна от шелухи.

Дымок, вившийся из трубы над соломенной крышей, мог стать поводом для больших проблем, потому что это являлось надёжным сигналом, что семья готовится сесть за стол. Начальство приказало своим людям следить за соломенными крышами. В нашей Сотне, например, официально был назначен наблюдатель за дымом. Его обязанность состояла в том, чтобы днём и ночью обозревать крыши ста хат и информировать Тысячников о каждом случае появления дымка из печной трубы. Особенно тщательно следили за жильём тех крестьян, которых подозревали в «укрывании хлеба». Как только из трубы начинал виться печной дымок, уполномоченные без промедления объявлялись на пороге. Если в этот момент варилась каша, хозяина дома подвергали длительному допросу и всё жилище обыскивали. Использование зерна до того, как колхоз завершит выполнение плана по сдаче хлеба государству, считалось противозаконным и сурово наказывалось. А поскольку наш колхоз плана ещё не выполнил, то мы, приготавливая и употребляя в пищу любые зерновые, тем самым «злоупотребляли социалистической собственностью в личных целях». Даже мизерные количества зерна должно быть отдано государству.

Хата, над крышей которой курился печной дымок, ещё являлась приманкой для воров. В то время все кражи были нацелены только на еду, сырую или приготовленную. Часто из-за двух картофелин или горшочка каши совершались жестокие преступления.

Существовал ещё один способ выявления утаенного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов: крестьянина арестовывали и помещали в тюрьму. Как я уже отмечал, содержащиеся в тюрьме не снабжались едой, передачи им приносила семья. Одного из Тысячников осенила гениальная идея: а что, если подозреваемого в укрытии зерна посадить в тюрьму и посмотреть, что будет происходить? Эту идею с радостью приняли, и вскоре началась череда арестов без видимых причин. Аресты производились для того, чтобы проследить, какую передачу из дома будет носить семья арестованному. Но хитрая ловушка успехов не принесла. На селе не осталось еды. Сам факт передачи поставил бы всю семью под удар. Поэтому никто не хотел рисковать, даже если дело касалось родного отца.

В ноябре 1932 года жители нашего села испытывали такие же лишения, как и в самые голодные дни весны. Тогда люди переносили неслыханные страдания, но всё же оставалась надежда: впереди была весна, и мы все молили бога, чтобы нового урожая нам хватило до следующего лета. Ситуация осенью стала другой. Урожай 1932 года был хороший, но государство отобрало всё до последнего зёрнышка. Колхозников оставили без хлеба, за исключением того мизерного количества, которое они получили в качестве зарплаты за работу в колхозе. К концу ноября закончились все

запасы. У нас не было еды, и мы были лишены денег, чтобы что-либо купить. Сушеные лесные ягоды, съедобные корни, капуста и тыква, свёкла, кое-какие фрукты уже были съедены. Надежды на получение дополнительного продовольствия не было. Впереди нас ожидала суровая зима со своими морозами и снегопадами, которые, как мы знали, будут длиться до марта или даже дольше. Снова, как прошедшей весной, толпы нищих потянулись по деревням, умоляя спасти их от голодной смерти. Они довольствовались корочкой хлеба, любыми остатками, картофельной шелухой и отбросами. Как и раньше, можно было увидеть одетых в лохмотья, исхудалых людей, копошащихся на колхозном поле с надеждой отрыть в земле оставшуюся картошку. И снова, голодные крестьяне, словно ходячие скелеты, бродили по лесам и вдоль рек в поисках чего-нибудь съедобного. И опять многие колхозники подавались в города и на железнодорожные станции, чтобы выпросить у горожан и проезжающих что-нибудь поесть.

По сравнению с односельчанами моя семья и я сам находились в лучшем положении, чтобы пережить зиму. Наученные горьким опытом прошлой весны, мы сделали кое-какие заготовки. Главное, надо было это надёжно упрятать от всевидящего ока уполномоченных. Трудно было их перехитрить, но стремление остаться в живых научило нас быть изобретательными.

Угроза неминуемого голода обострила наше мышление, она освободила нас от страха быть «пойманными с поличным» и заставила бороться за жизнь любой ценой. Готовясь к долгой зиме, мы понимали, что должны перехитрить своих преследователей, если хотим остаться в живых.

Трудно было прятать продукты. Приближение страшного голода вынудило нас пойти на риск, на который в иных условиях мы бы никогда не осмелились. После долгих рассуждений наша мама, наконец, пришла к одному очень простому, но в то же время чрезвычайно рискованному решению.

— Почему бы нам ни обратиться за помощью к государству? — произнесла она, словно само собой разумеющееся.

Мы не понимали, что она имела в виду.

— Ты о чём? — спросил я, совершенно сбитый с толку. — Помощь у государства?! Ты же знаешь, что вместо того, чтобы помочь, они отобрали последнее, что у нас было!

— Нет, нет, — как всегда мама возразила очень спокойно. — Я имею в виду, что те продукты, которые у нас есть, мы могли бы спрятать в яме на колхозном поле.

Мы согласились с ней. Это была отличная идея. Ни одному уполномоченному не придёт в голову, что кто-то осмелится утаивать продукты от государства в государственной земле. Использование государственной собственности в личных целях сурово каралось законом, но мы решили преступить этот закон, и тем самым сохранили себе жизнь.

Как мы и рассчитывали, хлебозаготовительная комиссия обыскивала наш двор и сад, но не заглядывала за границы государственной собственности — близлежащие песчаные холмы.

Во время уборки урожая мы с братом не были паиньками. Несмотря на охрану колхозных полей, нам удалось собрать достаточно зерна, чтобы продержаться до следующей весны. Мы, мальчишки, с проворными ногами знали каждую тропинку, каждый укромный уголок в округе и ловко избегали встречи с опасностью. Оставалось неясным, как спрятать зерно. Теперь мама нашла решение этой проблемы.

Мы закопали картошку и зерно в нескольких местах около леса. Этот участок земли на подступах к лесу представлял собой никому ненужный песчаный холм, поросший зарослями ивы, поэтому нам легко удалось замаскировать наш тайник. Зимой он лежал под слоем снега, и мы его не трогали. Но когда наступила весна, и снег растаял, это припрятанное продовольствие стало нашим единственным источником существования. Только ночью мы раскапывали наш тайник, брали немного картошки и зерна, с расчётом на несколько дней, и засыпали снова. Эти ночные посещения тайников навсегда сохранились в моей памяти. Та картошка и то зерно были самым ценным сокровищем, которое когда-либо укрывалось в земле.

Зимой мы питались теми продуктами, которые спрятали в других местах, например в дупле дерева или в соломе на крыше. Мы хранили зерно в маленьких мешочках по разным местам. Достав такой мешочек, мы сразу что-нибудь из него готовили и тут же съедали. Всё это проделывали только в ночное время. У нас ещё было немного картошки, кислой капусты и солёных огурцов, которые мы получили от колхоза в качестве оплаты нашего труда. Но эти запасы быстро истощались, и по ночам мы дрожали от мысли, что когда-нибудь уполномоченные застигнут нас за поеданием сваренного зерна.

Глава 23

В большой тревоге мы ожидали приближение зимы 1932–1933 года, словно наступал День Страшного Суда. Природные силы обрушились на нас со всей своей безжалостностью. Эта суровая зима словно вступила в сговор с коммунистами против крестьянства.

В наших краях зима начинается в ноябре, когда заканчивается череда проливных дождей, и землю сковывают первые заморозки. Лужи покрываются корочками льда, и затвердевает грязь на дорогах. Тяжёлые серые снежные тучи друг за другом несутся по небу.

Эти изменения природы сопровождаются пронизывающим ледяным ветром, гуляющим на открытых просторах и заставляющим людей искать убежище от холода. В это время крестьяне спешно заканчивают работу на полях и пользуются зимней передышкой. Раньше, по завершении уборочной, сельских жителей никто не заставлял выходить на улицу в плохую погоду. Они запасались продуктами и дровами, поэтому морозными днями и ночами сытно и уютно проводили время в своих натопленных жилищах.

Но зима 1932–1933 года стала особенной. Хотя в природе всё шло своим чередом, за исключением необычного холода, жизнь на селе выбилась из своего нормального русла, потому что с наступлением зимы росла угроза страшного голода.

Ещё в начале ноября, когда даже не завершились уборочные работы, нас стала беспокоить нехватка продуктов. То немного, что мы получили от колхоза, было съедено. Нам было обещано, что по окончании уборочной мы все получим продукты питания, но это так и осталось обещанием.

Затем настала очередь платить налоги. Сдавать государству яйца и молоко должны были только владельцы кур и коров. Но каждая семья, не важно держала они скотину или нет, обязана была сдать примерно 120 килограмм мяса в год. Крестьян, не имевших живности, государство заставляло выплачивать этот налог деньгами. Денег, заработанных колхозниками, не хватало не только на то, чтобы оплатить налог на мясо, но и на то, чтобы просто прожить.

Но даже и при наличии денег не было возможности купить какую-либо еду. Фактически, торговля продуктами питания и товарами широкого потребления была официально запрещена. 6 ноября 1932 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Коммунистической партии совместно вынесли следующее постановление:

«Из-за позорного срыва компании по уборке зерновых в некоторых районах Украины, Совет Народных Комиссаров и ЦК партии Украины приказывает местным партийным и руководящим органам покончить с саботажем зерна, который был организован контрреволюционными и кулацкими элементами. Необходимо заклеить тех коммунистов, кто возглавил этот саботаж, и полностью ликвидировать пассивное отношение к нему со стороны некоторых партийных организаций. Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет совместно решили взять на заметку все те местности, в которых проводился преступный саботаж, и применить к ним следующие меры наказания:

1. Приостановить в эти местности все поставки товаров государственной торговли и кооперативной сети. Закрыть все государственные и кооперативные торговые точки. Изъять все имеющиеся товары.

2. Запретить продажу основных видов пищевых продуктов, находившихся ранее в ведении колхозов и частных владельцев.

3. Приостановить выдачу всех кредитов этим местностям и немедленно аннулировать ранее выданные кредиты.

4. Тщательно разобрать личные дела руководящих и хозяйственных организаций с целью выявления враждебных элементов.

5. Произвести подобную работу в колхозах, чтобы выявить все враждебные элементы, принявшие участие в саботаже».

Это постановление со всей очевидностью отнимало у крестьянства не только продукцию, выращенную их собственными руками, но и лишало таких товаров, как спички, соль, керосин, рыбные продукты, сахар, консервы всех видов и т. д. Продажу пищевых продуктов и товаров широкого потребления запретили по всей Украине, поскольку ни одно село не выполнило плана по сдаче зерна государству.

Беспокойство переросло в панику, когда разнеслась тревожная новость о том, что колхозные склады и амбары стоят пустыми, а последнее зерно вывезли из села, не оставив ничего местному населению.

Только что наступила долгая зима. Пройдёт не менее шести месяцев, прежде чем взойдут первые овощи на наших огородах, и не менее восьми месяцев до того, как мы испечём первый каравай хлеба из зерна нового урожая. А уже сейчас многие из нас находились на грани истощения. Тем не менее, мы ещё надеялись на помощь со стороны государства, но со временем эта надежда растаяла.

Холода усиливались, и постоянно шёл снег, угрожая занести все дороги и совсем отрезать нас от районного центра и близлежащих деревень и посёлков. Члены хлебозаготовительных комиссий всё ещё продолжали нести свою службу, рыская от хаты к хате, конфискуя всё съедобное, что им удавалось найти, чтобы хоть как-то выполнить государственный план. У жителей села отбирались даже самые ничтожные количества зерна и мяса.

Надо было что-то делать. Никому не хотелось безропотно лечь и умереть с голода. Одним из первых шагов был массовый исход в близлежащие города в надежде найти работу и пропитание. Все, молодёжь и старики, как и прошлой голодной весной, всеми средствами старались добраться до городов. Не всем это удавалось, и их обмороженные тела стали «дорожными» указателями для других на заснеженных подступах к городам. Тех, кто имел достаточно сил, чтобы добраться до города, ждало разочарование: изобилием и не пахло, голод давал о себе знать и в городе. Городским жителям продукты распределялись по хлебным карточкам в таких маленьких количествах, что рассчитывать на их помощь не приходилось.

Как и еды, работы не было. Несколько молодых крепких ребят нашли работу на сахарном заводе, на строительстве железной дороги или на рубке леса. Кого-то наняли водовозом. Но не везло пожилым, женщинам и детям, которые напрасно исходили весь город в надежде заработать кусок хлеба.

По мере усиления потока сельских жителей в города, правительство приняло меры к его пресечению, запретив крестьянам появляться в любом городе без соответствующих документов. Строго запретили и всякий вид переселения за пределы Украины.

Как раз в то время, в конце декабря 1932 года, правительство ввело по всей стране паспортную систему для того, чтобы голодающие крестьяне не могли уйти из села в город. Это значило, что каждый советский гражданин

старше 16 лет, постоянно проживающий в городе, должен зарегистрироваться в милиции, чтобы получить советский паспорт.

Без паспорта человек не имел права проживать в данном городе и не мог устроиться на работу. Крестьянам паспорта не полагались. Это означало, что ему не разрешалось пребывать в городе более 24 часов без регистрации в органах милиции. Таким образом, не имея паспорта, крестьяне не могли устроиться на работу в городах, а, значит, и получать хлебные карточки.

Введение паспортной системы, как считалось, была направлена против куркулей. Советские лозунги так и гласили: «Паспортизация — смертельный удар по куркулям!». Убийственный лозунг вызывал старый вопрос: «А кто такие куркули?». Все сельские жители вступили в колхозы. К концу 1932 года в нашем селе не осталось ни одного единоличника. Могут ли колхозники считаться куркулями? Нам было трудно понять такую логику. Но теперь это для нас не имело значения.

Каждого сейчас мучили вопросы, почему на селе не осталось еды, почему нет надежды её получить, почему не оправдались наши надежды на помощь со стороны государства, почему хлебозаготовительные комиссии продолжают поиски спрятанного зерна, и почему правительство запрещает нам искать средства к существованию на стороне. Наконец, нам стало ясно: это заговор против нас, кто-то хочет извести нас целое крестьянство и конкретно крестьянство всего юга России и Украины.

Поняв всё это, мы пришли в ужас. Тем не менее, инстинкт выживания оказался сильнее любых запретов. Этот инстинкт заставлял всех, у кого ещё оставались силы, делать всё возможное, чтобы спасти себя и своих близких.

Отчаянные попытки найти средства к существованию в соседних городах продолжались. Многие из наиболее крепких жителей села подались в отдалённые уголки Советского Союза, главным образом в Россию, где, как мы слышали, было достаточно еды. Другие направились на юг, где, как считалось, на угольных шахтах и заводах Донецкого Бассейна можно было найти работу и получать продукты по рабочей карточке.

Но лишь немногие из этих смельчаков, отправившихся в чужие края, добрались до цели. Дорога в большие города была для них закрыта. Милиция и ГПУ проверяли документы у каждого пассажира и выясняли, куда и зачем он едет. Эти отчаянные мужчины и женщины, пытавшиеся изо всех сил остаться в живых, на самом деле достигали противоположного результата. Мы только можем предполагать, что их ожидало после ареста: или смерть, или концентрационный лагерь. Если им удавалось избежать смертного приговора «народного» суда, получив в обмен сомнительную отсрочку в виде тяжёлых работ, они даже не успевали начать выполнять приговор суда. Сочетание голода, холода и безразличия к их судьбам отнимало их жизни на пути в лагерь, на железнодорожных станциях и в открытых вагонах, катящихся на восток или север, где они замерзали до смерти.

Те, кто смог избежать столкновения с милицией и ГПУ, часто становились жертвами бандитов, терроризировавших железнодорожные линии и рынки. Счастливики, вернувшиеся в родное село после выпавших на их долю ужасных испытаний, и те, кто никуда не уезжал, постепенно теряли силу духа и веру в своё спасение. У ослабленных от недостатка еды, замёрзших от нехватки дров людей не осталось больше выдержки. Крестьяне всё глубже и глубже погружались в апатию и отчаяние. Некоторые верили, что голодная смерть стала заслуженной божьей карой за их поддержку коммунистов во время революции.

Мы слышали, что совсем немногим, которые вернулись домой, каким-то образом удалось достать еду, в основном — муку, но лишь единицы донесли эту ценную ношу до дома. Эта провизия, добытая в неслыханных мучениях, изымалась государственными агентами или просто отнималась бандитами.

Все эти события убедили нас, что в борьбе за жизнь мы проиграли. Наши попытки убежать или достать продукты в большинстве случаев оказывались безуспешными. Мы стали пленниками в собственном селе, без запасов еды, приговорённые к медленной смерти от голода.

Глава 24

В конце 1932 года, когда больше не осталось овощей и хлеба, по сёлам разнеслась новость, что в районном центре открылись новые магазины, в которых полки ломятся от изобилия. Говорили, что там даже продаются иностранные товары. Однако оказалось, что купить эти товары можно было только на валюту или, расплатившись золотом и серебром, причём в золото и серебро принимали в любом виде.

Постепенно наше село становилось всё более информированным относительно этих новых магазинов. Магазины имели название Торгсин, что представляло собой сокращённое русское название «торговля с иностранцами». Говорили, что в них продавали все необходимые товары: продукты, одежду, лекарства и так далее.

Торгсин существовал и раньше, но только в крупных городах, куда приезжали иностранцы. Теперь сеть этих магазинов пришла и к нам. Какими бы неотесанными мы ни считались, нам сразу же стала ясна цель Советского правительства. Эти магазины предназначались для того, чтобы лишить нас последних остатков золота и серебра. Семейные ценности, такие как нательные крестики, иконы, серьги, обручальные кольца и тому подобное, могли содержать небольшие количества драгоценных металлов, до которых был так жаден существующий режим. Коммунистическое правительство, подозревая, что у крестьян ещё оставались золотые и серебряные монеты дореволюционного времени, хотело всем этим завладеть. Из поколения в поколение каждая семья бережно хранила такие ценности, как серебряные чайники, сахарницы, подстаканники, солонки и перечницы и многие другие серебряные изделия. Раньше среди молодых сельских жительниц считалось

модным иметь один золотой зуб, неважно, была ли в этом действительная необходимость. Теперь правительство не брезговало и золотыми коронками.

Голод завершил то, чего не удалось добиться указами и угрозами. Из сокровенных уголков были вытащены последние крупницы драгоценных металлов. Они стали единственным средством существования.

Мечтой каждого теперь стало обладание какой-нибудь золотой вещицей. Золото стало синонимом самой жизни. На золото можно было купить хлеб, представляете! Даже мы, последние деревенские жители, могли бы закупить хлеба, если бы только у нас было золото. Но откуда его взять? Только немногие имели его, большинство из нас даже никогда не видело золота.

Одновременно с распространением слухов о сказочных магазинах, появились ужасные истории и вооружённых грабежах и убийствах. Тот, кто открыто носил золотые украшения или имел золотую коронку, играл со смертью. Очень скоро обычным событием дня стали убийства из-за пары золотых серёг и кольца или из-за всего того, что выглядело как золото. Одна девушка лишилась пальца, потому что грабитель не смог снять с него кольца и отрезал палец вместе с кольцом. Воры, вооружившись щипцами, вырывали зубы у владельцев золотых коронок. Эти преступления оказывали сильное деморализующее влияние на наши жизни.

Золотая лихорадка привела к полному уничтожению нашего сельского кладбища. Оно было очень старым, первые захоронения начались ещё в шестнадцатом веке. Более чем за три века на этом кладбище хоронили людей разного достатка: богатых помещиков и обычных крестьян. Было традицией хоронить человека со всеми его личными вещами, такими как ювелирными украшениями, оружием и нательным крестом. Теперь, могилы разрывали и разоряли в поисках чего-нибудь ценного. Сначала осквернители могил делали это тайком, ночью, но вскоре они перестали таиться, и уже открыто занимались этим и в дневное время. Насколько я знаю, никого за эти преступления не привлекли к ответственности. Кладбища, прежде всего, считались частью религиозных традиций, а коммунисты вели разрушительную борьбу против «пережитков прошлого». Поэтому, как церковь и единоличники, кладбища должно было исчезнуть из нашей жизни. Со стороны властей ограблению могил не придавалось никакого значения, если не сказать, что оно даже на самом деле действительно поощрялось.

Во многих случаях после раскапывания могил, останки погребённых подвергались осквернению. Можно было видеть человеческие черепа и кости, разбросанные по всему кладбищу, и зияющие пустотами могилы. Даже деревянные могильные кресты уносились с кладбища и использовались в качестве дров.

Надругательство над кладбищем и его разорение неожиданно повлекли за собой одно полезное использование: открытые могилы стали наполняться новыми умершими — жертвами голода. Это был страшный по своей сути «подарок судьбы»: обессиленные жители села уже не могли выкапывать

могилы для своих умерших родственников и друзей. Теперь им только оставалось дотащить тела умерших до кладбища и опустить их в ограбленные разрытые могилы.

В селе нашлось несколько жителей, которым удалось сохранить кое-какие ценности, и они могли осуществить свою мечту раздобыть еду. В числе этих счастливиц оказались и мы. Однажды вечером мама открыла нам свой секрет: у неё оставалось два золотых медальона. Эти медальоны подарили ей до замужества ещё её родители около пятидесяти лет назад или лет за тридцать до революции. В то время считалось модным молодой девушке носить золотые монеты как медальоны. Мама давно уже перестала надевать ценные украшения и спрятала их на чёрный день. Даже её дети ничего не знали о существовании медальонов. Мы очень бедствовали. Во всю свирепствовал голод. И нам, чтобы выжить, надо было раздобыть какое-то пропитание. В таком важном вопросе, как всегда, мама спросила нас, что нам следует предпринять. Мы решили, что лучше всего с одним медальоном направиться в Торгсин районного центра. Надо было торопиться, пока снег окончательно не занёс все дороги. Нельзя было ждать, ведь из-за снега станет трудно вообще выбраться из села.

Ранним морозным утром в конце января 1933 года, пока ещё не рассвело, я с мамой вышел на улицу, и мы направились вдоль главной дороги к центру села. Оттуда дорога напрямик вела в город. Я навсегда запомнил этот день. Вскоре взошло солнце и начало сверкать во всю силу на бескрайнем синем небе, а его лучи миллионами брызг отражались на снежном покрове. Кругом всё было объято тишиной и спокойствием. Мы не встретили ни одной живой души: ни птиц, ни собак, ни кошек; даже привычных звериных следов не было видно на снегу. На встречу нам ни попало ни одного человека. У меня возникло жуткое ощущение, что мы бредём по царству мёртвых.

Единственным признаком того, что люди здесь ещё обитали, стал дымок, поднимавшийся над далёкими трубами. Но таких труб было совсем немного. Большинство жилищ, занесённых снегом, скрывало от посторонних глаз ужасную картину страданий и мучений умирающих в них от голода людей.

По мере продвижения к центру села, стали проступать контуры страшного времени. Мы заметили какой-то тёмный предмет в снегу, который на расстоянии казался припорошенным пнём. Когда мы подошли поближе, то увидели, что в снегу лежало тело мёртвого мужчины. Окоченевшие ноги и руки причудливо торчали из-под снега, придавая всему телу нелепый вид. Я присел на колени и смахнул снег с лица. Это был старик Улас, наш сосед, которого последний раз мы видели около месяца назад.

В нескольких шагах от него лежало ещё одно обмороженное тело. Это был труп женщины. Когда я разгрёб снег, то оттого, что я увидел перед собой, у меня застыла от ужаса кровь: под своим рваным полушубком, тесно прижав к груди, окоченевшими руками она крепко держала замерзшее тельце грудного ребёнка.

Наконец, село осталось позади, и мы поплелись по дороге, ведущей в районный центр. Однако перед нами возникла другая, похожая на привидение, панорама. Куда не посмотришь, везде вдоль дороги видны мёртвые замерзшие тела. С правой стороны от нас, очевидно, лежали тела тех, кто пытался добраться до города в поисках работы и куска хлеба. Ослабленные от голода, они оказались не в силах продолжить свой путь, решили передохнуть или просто упали от бессилья на краю дороги, чтобы больше никогда не подняться. Лёгкий снежок милосердно покрыл их тела своим белым покрывалом.

Не стоило труда постичь участь тех людей, чьи тела лежали по левую сторону от нас. Скорее всего, они возвращались из районного центра, так ничего и не добившись. Им пришлось преодолеть много километров, только для того, чтобы им отказали в работе и в последнем шансе на жизнь. Они возвращались домой с пустыми руками. Смерть настигала их на обратном пути, дав им шанс умереть на подступах к родному селу.

Открытые колхозные поля, простиравшиеся на многие километры по обе стороны от дороги, сейчас казались местом величайшей битвы. То там, то здесь можно было видеть тела умерших от истощения колхозников, которые в последней надежде найти остатки неубранной картошки снова и снова приходили сюда. Они изнемогали от своих бесконечных поисков пропитания и умирали прямо на колхозном поле. Некоторые из этих обмороженных трупов, вероятно, лежали здесь уже несколько месяцев. Никто не торопился увезти их отсюда и похоронить по-человечески.

Пятнадцатикилометровая дорога до города стоила нам большого труда. Когда мы выходили из села, с севера задул холодный ветер, и горизонт заволкло тучами. Было трудно, особенно для мамы, идти против пронзительного ветра, но мы не сдавались, и после шести часов дороги навстречу ветру, увязывая и проваливаясь в снег, мы, наконец, добрались до окраин города. Здесь нас поджидала ещё одна ужасная картина.

В то время в районном центре не существовало канализационной системы, и нечистоты собирались обычно в ночное время специальной санитарной бригадой. Нечистоты перевозились на телегах в огромных емкостях и чаще всего сбрасывались вдоль дорог прямо за городом. Казалось, что они облюбовали именно ту дорогу, которая вела к городу из нашего села, потому что по обеим сторонам дороги простирались склизкие полосы нечистот. Само по себе, это и раньше было неприятным зрелищем, но мы как-то привыкли не обращать внимания. Теперь, медленно продвигаясь вдоль этой загаженной дороги, нас прямо стало тошнить. Здесь и там, по поверхности нечистот виднелись окоченевшие трупы людей. Они лежали поодиночке и группами или даже один на другом, словно мусор. Некоторые тела частично были занесены снегом, и на поверхности виднелись только руки и ноги, а часть тел покрывал свежий слой нечистот. Грудные дети неизменно оказывались прижатыми к материнской груди.

Все эти умершие люди являлись крестьянами из ближайших сёл и деревень, ставшие жертвами голода. Лишённые всех средств существования, крестьяне видели единственный путь к спасению в городе, где они надеялись найти работу, немного еды и какую-нибудь помощь. Несмотря на запрет покидать пределы своих сёл, они массами пошли в город, к неудовольствию городского населения и городских властей. Они ходили по домам, умоляя о корочке хлеба или хотя бы картофельной очистки, но чаще всего — напрасно. Городские жители, существовавшие на скудные пайки, не могли поделиться с крестьянами достаточным количеством еды, чтобы спасти их от голодной смерти. Ведь крестьян было так много! Они стояли или даже лежали вдоль улиц, на базарах, вокзалах, под заборами, в канавах. Они стали настолько обычным явлением в городской жизни, что горожане уже проходили мимо, не обращая внимания на мольбу и просьбы. Таким образом, после всех бесплодных попыток сельских жителей ожидала неизбежная смерть. Мёртвые могли пролежать на улице несколько дней, словно это были не люди, а всего лишь дрова.

Часто умирающих от голода окружала милиция и, словно скот, выгоняла за пределы города, оставляя их на произвол судьбы. Умерших и тех, у кого уже не было сил самостоятельно передвигаться, грузили на телеги и вывозили за окраины города. Их сваливали в овраги или вдоль дорог вместе с нечистотами. Разве эти люди не заслужили права быть похороненными на кладбище, хотя бы в общей могиле?

Когда я и мама, наконец, добрались до Торгсина, там уже собралась большая очередь. Истощённые, похожие на скелеты или, наоборот, опухшие от голода человекоподобные существа стояли вокруг, прислонившись к стенам и телеграфным столбам, или просто лежали на тротуаре и на обочине дороги. Они смиренно ждали, что какие-нибудь великодушные покупатели сжалятся и поделятся с ними. Другие громко умоляли о помощи, выкрикивая слова и плача. Остальные молча и безропотно протягивали руки за подающим. Среди толпы можно было заметить окоченевшие тела умерших людей, но на них никто не обращал внимания...

В дверях Торгсина нам сказали, что сначала надо идти в контору через дорогу, где производилась оценка вещей. Там нас направили к одному из оценщиков. Им оказался толстый мужчина, отделённый от нас железной решёткой, который, даже не глядя на нас, взял мамин медальон, взвесил его и бросил в ящик стола. Затем он протянул нам лист форму, чтобы мы написали свою фамилию, адрес и название ценности. После этих формальностей мы получили квитанцию с указанием суммы, которую нам разрешалось потратить: 18 рублей. Ещё один час мы потратили, дожидаясь своей очереди, чтобы войти в Торгсин. Наконец, мы очутились внутри.

Чего там только не было! Я не мог поверить своим глазам, казалось, что всё происходит во сне. Здесь было всё, в чём мы нуждались, и даже больше. Здесь были вещи, о существовании которых мы даже не догадывались или никогда раньше не видели. Некоторые товары я узнал только потому, что когда-то читал о них в книгах. Всё было красиво

разложено и расставлено за стеклянными витринами. Всматриваясь в это изобилие еды, я почувствовал головокружение. Много месяцев я не видел даже самых простых продуктов. Я позабыл вкус настоящего хлеба. Теперь, везде, куда бы я ни взглянул, рядами стояла вкуснейшая еда.

Меня охватил острый приступ голода, я еле удерживался на ногах. У меня сильно сводило желудок, а горло так сдавливало, словно чьи-то руки сжимали и крутили мою шею. Я был готов заплакать, но в этот я почувствовал, как мамина рука легла мне на плечо. Она поняла моё состояние. Возможно, она испытывала те же чувства. Я взглянул на неё, она улыбнулась в ответ и тихо сказала: «Мужайся, сынок!». Эти слова успокоили меня, и дали мне силы преодолеть свою слабость.

Мы решили купить только самые основные и самые необходимые продукты, поэтому, дождавшись своей очереди у прилавка, мы, не колеблясь, быстро выбрали то, что нам нужно. Мы купили немного масла, солёной свинины, сала, две буханки хлеба, сахар и кое-что ещё, чтобы набрать точно 18 рублей. Большинство этих товаров было аккуратно упаковано в коробки, консервные банки и мешочки. К нашему изумлению мы обнаружили, что на этикетках напечатано «Сделано в СССР». Значит, эти товары предназначались для продажи за рубежом.

Закончив с покупками, мы, как можно, незаметнее и скорее вышли из магазина и направились домой. Нас не пугала вероятность быть ограбленными в дневное время, потому что мы находились в таких же условиях, как и другие голодающие сельские жители, мы и выглядели, как они: худые и осунувшиеся, одетые в лохмотья, с нищенскими котомками за плечами. Никто в здравом уме не подумает, что в этих картофельных мешках мы несём несколько килограммов солёной свинины и других продуктов, которые для нас стали самым большим сокровищем на земле.

Уже по дороге домой мы не могли удержаться, чтобы не попробовать немного хлеба и свинины. Это было так вкусно! Мама сказала, что нам не стоит набрасываться на еду, иначе можно заболеть. Темнело, и нам было страшно возвращаться той же дорогой, что мы шли днём. Поэтому мы решили пойти на вокзал в надежде сесть на поезд, который делал остановку на станции, находившейся в пяти километрах от нашего села. Это укоротит и обезопасит наш путь.

Оказавшись на вокзале, мы увидели подходящий к платформе товарный поезд. Невдалеке, у путей, толпились люди. Мы подошли к ним: в луже крови лежали искалеченные части человеческих тел. Кто-то сказал, что это было самоубийство: женщина, державшая на руках ребёнка, прыгнула под проходящий мимо поезд. Любопытные по одному стали расходиться, а изуродованные тела матери и ребёнка оставались лежать на том же месте, и больше на них не обращали внимания. Никто не проронил слезу и не выразил никаких чувств по поводу трагедии, все были слишком оцепеневшими.

Мы пошли к зданию вокзала. Здесь тоже было много народа. Все эти люди пришли сюда из окрестных сёл и деревень в последней надежде найти

пропитание. Они надеялись, что из чувства сострадания какие-нибудь пассажиры бросят им кусок хлеба из окон проходящего поезда. Кое-кто мечтал найти заработок. Были и такие, кто принёс последнее, что имел, с целью обменять на хлеб или продать за деньги. Они сидели прямо цементной платформе, влажной от снега, выставив на обозрение «товар»: национальные украинские костюмы, украшенные прекрасной ручной вышивкой, домотканые скатерти с вышивкой, вышитые полотенца и коврики. Некоторые из этих вещей годами хранились в сундуках в качестве наследства. Но сейчас на эти ценные предметы не находилось покупателей. Проходящих поездов было немного, а местные жители хотели купить только что-нибудь съестное. Все, за исключением партийных и государственных служащих, а также дельцов чёрного рынка, страдали от голода.

Большинство людей, заполнивших зал ожидания, стремилось купить билеты куда-нибудь севернее Украины, в Россию, где не лютвал голод. Но всё было напрасно. Власти запретили продавать билеты на поезда, идущие в Россию, украинским крестьянам, за очень редким исключением. Только обладатели специальных справок, разрешавшим их владельцам доехать до конкретного населённого пункта, могли приобрести билет в Россию. Тем не менее, люди испытывали судьбу. Им уже терять было нечего и сделать ничего нельзя, особенно в зимнее время, когда поля реки и леса стояли покрытыми толстым снежным покровом. И они стекались на вокзалы и железнодорожные станции, потому что в каждом проходящем поезде им виделся лучик надежды и доброй новости. Кроме всего прочего, оставалась возможность, что, несмотря на все запреты, кому-нибудь повезёт, и он сумеет пробраться на поезд, идущий на север. Их мечтам не суждено было осуществиться. Таких людей ловили и снимали с крыш вагонов, из-под вагонов, с подножек, с платформ и с бамперов.

Толпы народа, скопившиеся внутри вокзала и вокруг него, периодически окружались рядами милиции и ГПУ. Людей, словно бездомных животных, сажали на грузовики и вывозили куда-нибудь за пределы города.

Нам повезло больше, потому что мы покупали билет не на север, а на юг. Вскоре поезд уже вёз нас по направлению к дому, но нас не переставали преследовать ужасные свидетельства голода.

В вагоне набралось совсем немного людей, ехавших в южном направлении, на Украину. Было много свободных мест. Как только мы с мамой заняли свои места, в купе зашла женщина с двумя маленькими худенькими мальчиками. Как жалко они выглядели! Их истощённые лица словно были обтянуты кожей, их выпученные глаза казались потухшими. Они имели неопрятный вид, одежда была сильно заношенной, рваной и грязной.

Когда они сели, я заметил, что под пальто у груди женщина держала ребёнка, и что ребёнок был мёртв.

— «Это девочка» — произнесла она спокойно, не проявляя никаких эмоций. — «Она умерла вчера. Бедная моя малютка, она так хотела есть и всё время кричала... и вдруг затихла... Мы провели ночь на улице. Они выгнали нас из зала ожидания. Было очень холодно. Мальчишки спрятались ко мне под пальто как цыплята...»

Мы не знали, что её ответить и продолжали молча смотреть на неё с грустью и сочувствием. Она положила мёртвого ребёнка к себе на колени и начала разворачивать грязную рванину, в которую было завернуто маленькое тельце. Затем, словно вспомнив, что ребёнок мёртв, она завернула его снова, крепко прижала к себе и нежно прикоснулась своей щекой к холодному и застывшему личику ребёнка. Она заплакала:

— «Прости меня» — всхлипывала она, её слёзы катились по лицу и капали на ребёнка. — «Я не виновата. Господь видит, я делала всё, что могла... Они сказали, что я враг народа... Они выгнали нас из дома».

Несчастная женщина начала нежно целовать ребёнка, его лобик и щёчки.

— «Не бойся, маленькая, ты не долго будешь одна. Скоро к тебе придут твои мама и братики».

Мама больше не могла вынести этих страданий и, боясь разрыдаться, она резко поднялась и указала мне следовать за ней. Оказавшись в коридоре, она дала волю своим чувствам. Плача, она попросила меня отломить три кусочка хлеба и отдать женщине и её мальчикам. Мы вернулись в купе, и я протянул им хлеб. Никакими словами нельзя описать удивление этих изголодавших человеческих существ при виде хлеба.

Откусив небольшой кусочек хлеба и отложив остальное для сыновей, женщина немного успокоилась и поведала нам свою историю. Это была типичная судьба украинских крестьян того времени, не понятная тому, кто не пережил тех трагедий и страданий.

Мы узнали, что год назад муж этой женщины был объявлен «врагом народа» и сослан куда-то на север. С тех пор она не имела о нём никаких известий. Он так и не увидел свою дочку, которая родилась позже и сейчас мёртвой лежала на руках матери. Женщина много и тяжело работала в колхозе, но получала только несколько килограммов зерна и немного овощей, и всё это оказалось съеденным ещё до наступления зимы. Страдавшая от голода и холода, без надежды получить пропитание и дрова, эта женщина где-то прослышала, что в России нет голода.

У неё оставалось немного денег, и она решила поехать с детьми на север, в Россию. Преодолев все трудности, она, наконец, добралась до железнодорожной станции и в течение двух дней пыталась купить билет в русский город, куда недавно удалось уехать её соседям. Они прислали ей письмо, в котором написали, что голода в России действительно нет. Однако купить билет ей не удалось, потому что у неё не было необходимой справки из колхоза. Теперь, после смерти своей маленькой дочки, она решила

перебраться в другой город, недалеко от её села. Она слышала, что там есть детский приют, и надеялась оставить в нём своих мальчиков. Её собственная судьба после этого для неё не имела значения. Единственно, что заботило эту женщину, чтобы её мальчики остались в живых.

Я вышел в коридор и стал смотреть в окно. Поезд монотонно постукивал по рельсам. Мимо проносились заснеженные поля, деревья и телеграфные столбы. Но даже эта, казалось бы, мирная картина была нарушена: вдоль железнодорожного полотна стояли, сидели и лежали группами и поодиночке голодающие люди. Они преодолели длинный путь до железной дороги, надеясь на чудо, может быть, кто-нибудь из проходящего мимо поезда выбросит им кусочек хлеба. Я не мог слышать голосов, но видел их протянутые руки. Некоторые держали на руках детей. Они поднимали вверх, чтобы пассажиры могли видеть их истощённые маленькие тела, как если бы они кричали: «Пожалуйста, крошку хлеба! Не для меня, для моего ребёнка!».

Непроизвольно я опустил руку в свою котомку и достал нашу последнюю буханку хлеба. Впереди я увидел женщину с двумя маленькими детьми. Они ждут чуда, подумалось мне. Я открыл окно, и когда поезд поравнялся с ними, я бросил им буханку хлеба. Я не мог видеть, что произошло дальше, потому что слёзы застилали мне глаза.

Вскоре мы прибыли на свою станцию. Перед тем, как идти дальше, мне захотелось найти какую-нибудь палку, чтобы мама могла на неё опираться, и дорога бы не стала для неё очень трудной. Ища что-нибудь подходящее, я обошёл строение, примыкавшее к зданию станции. То, что я увидел, повергло меня в ужас. Даже теперь, пятьдесят лет спустя, я не могу без содрогания вспоминать увиденное. Прямо напротив меня штабелями лежали обмёрзшие человеческие тела. Некоторые из них были совершенно раздеты, на других имелись какие-то лохмотья и многие оказались разутыми. Из-под снега во все стороны торчали человеческие руки и ноги. Я застыл на месте, охваченный страхом. Какое-то время я, как загипнотизированный, стоял, уставившись на эти человеческие тела, с вытянутыми заочеченными руками, словно они продолжали умолять о хлебе и сострадании. Затем я побежал обратно к маме с найденной палкой, дрожа от страха, и понемногу успокоился только в её присутствии.

Когда мы подходили к дому, уже темнело. Однако наши приключения на этом не закончились. Всю дорогу мама казалось чем-то обеспокоенной. Я спросил о причине, и она призналась, что её сильно волнует та форма, которую мы заполнили в конторе Торгсина. Я сразу понял, в чём дело.

Сельские жители часто не считались с указом, запрещавшим обращение золотых монет и иностранной валюты, что заканчивалось арестами и пытками в застенках ГПУ. Мы не нарушили этот указ в случае с медальоном, поскольку он не попадал под категорию монет и валюты. Но мы сделали ошибку, записав медальон в графе «монета» на официальном бланке.

Эта «маленькая» оплошность могла обернуться для нас «большим» государственным преступлением.

Наши тревоги скоро стали реальностью. Однажды днём вскоре после нашего хождения в город к нам в дом заявила большая группа представителей власти. Они состояли из уже хорошо знакомых нам членов хлебозаготовительной комиссии, но на этот раз их сопровождали вооружённый милиционер и председатель сельсовета. Милиционера мы видели впервые, вероятно, он был прислан из города районным руководством. Присутствие всех этих людей указывало, что мы попали в серьёзный переплёт.

Переступив порог, председатель сельсовета сразу же выступил вперёд. Сверившись с бумагой, которую он держал в руке, председатель громко потребовал у мамы удостоверения личности, хотя он очень хорошо её знал. Затем он объявил, что согласно «надёжным источникам» мы владеем золотом, которое должны были давно сдать государству. Он информировал нас, что прибывший из районного центра милиционер имеет приказ конфисковать наше золото. Он также добавил, что если мы это сделаем добровольно, то дело будет сразу же закрыто. В случае отказа главу семьи ожидает арест как «врага народа».

Их требование предоставить «наше» золото и то, что мама станет «врагом народа», казались нам до крайности абсурдными. Мама уже попадала в различные переплёты и научилась себя в них правильно вести, поэтому её нелегко было запугать и на этот раз. Она категорически заявила, что у нас нет золотых монет. Она сама даже не знает, как выглядит золотой. Наша покупка в торгсине была сделана путём сдачи золотого медальона, а не золотой монеты. А такой обмен медальона на продукты в государственном магазине не является противозаконным, настаивала мама.

Председатель сельсовета приказал обыскать нашу хату. Они осмотрели каждый угол, каждое укромное местечко, перетряхнули всю одежду, заглянули во все горшки и кастрюли. Они очень старались, но ничего не нашли. А у нас и невозможно было что-то найти, за исключением последнего медальона, тщательно спрятанного там, что раньше служило хлевом.

Наконец, они ушли с пустыми руками. А спустя немного времени, к нашему великому удивлению, они вообще оставили нас в покое.

Глава 25

В конце февраля очень похолодало. Температура держалась ниже нуля, не прекращались метели. Ветер с завыванием ломал замёрзшие сучья деревьев, а иногда даже сносил крыши домов. Но переносить вся тяготы суровой земли было особенно трудно, потому что голод не прекращался. Быть продрогшим и голодным, не имея еды и дров и не надеясь их получить — это ужас, который даже трудно вообразить не прошедшему через него человеку.

Наше село стало совершенно отрезанным от внешнего мира. Снежные заносы сделали дороги и тропинки непроходимыми. Снега выпало столько много, что иногда мы с трудом открывали входную дверь, чтобы выбраться наружу. Тем не менее, люди очень редко покидали свои дома: идти всё равно было некуда. Под снегом оказалось погребённым всё село, а его жители медленно вымирали от голода в своих жилищах.

Мы всегда закрывались на замок. Безуспешно мы старались подавить мысли о еде, проводя время за чтением или разговорами. Мы часто молились. Мама становилась перед иконами на колени, и мы с братом присоединялись к ней, повторяя за мамой слова молитвы. Вера придавала нам силы, мы верили, что Бог услышит наши молитвы и облегчит страдания. Я помню, как мама произносила: «О, Всемогущий Бог! Ты ниспослал нам свой гнев и наказание в то же время, когда сатана мучает нас. За что, Господи? Смилуйся над нами и дай нам сил противостоять сатане!».

Затем, словно чувствуя раскаяние за упрёк Богу, она принималась читать молитву. У моего брата Миколы была своя молитва. Он тоже хотел узнать, за что Бог послал такие страдания людям, свято в него верившим. Он так же заканчивал молитву просьбой ниспослать нам немного хлеба. Таким образом, мы проводила время в молитвах, мечтах, надеждах и ожидании чуда.

Бесконечная смена дня и ночи сопровождалась завываниями сильной метели. Но однажды утром всё стихло. Слабые солнечные лучи пробивались сквозь морозные узоры на окошках. Микола и я решили выйти на улицу, но долго не могли из-за снега открыть дверь. Наконец, мы выбрались наружу, в ослепительное сияние прекрасного утра, сверкание под лазурным небом белейшего снега, в опьянение свежего морозного воздуха.

Стояла тишина, и кругом расстилался белый снежный покров. Единственными признаками жизни были дымовые трубы здесь и там, из которых тонкой струйкой поднимался к небу дымок. Большинство труб в соседских хатах не курилось. Может быть, люди не имели дров? Могли ли они пережить такие сильные морозы в нетопленной хате?

Сначала мы побежали к хате Дмитро, из трубы которой не курился печной дымок. Дмитро так никогда и не вернулся в село после того, как его увезли в районный центр. Его молодая жена осталась одна с дочкой на руках. Она ходила на работу в колхоз, нося с собой маленького ребёнка. Как жену арестованного, её тоже считали «врагом народа», и поэтому её ребёнку было отказано в праве посещать детские ясли. Позднее Соломию исключили из колхоза, и она была вынуждена податься в город в поисках работы. Это оказалось невозможным, потому что она не могла предоставить справку об освобождении из колхоза. Соломия очутилась в безвыходной ситуации. Ей ничего не оставалось, как вернуться в село.

С наступлением зимы Соломия ходила из дома в дом, умоляя выполнить любую работу за кусок хлеба. У неё не хватало гордости просто так просить хлеба. Люди сострадали ей и помогали, кто, чем мог. Однако с

усилением голода, односельчане больше были не в состоянии оказывать ей помощь, и Соломию в селе больше не видели.

Мы нашли входную дверь в хату Соломии распахнутой, но порог был весь занесён снегом, и, оказалось, трудно пробраться внутрь. Когда мы добрались до комнаты, перед нами предстала страшная картина: Соломия повесилась. На ней было надето национальное украинское платье, а на груди висел большой крест. Ясно, что она подготовилась к самоубийству. Её волосы были тщательно уложены, и вдоль плеч свисали две косы. Испуганные, мы побежали за мамой. Вместе мы вынули окоченевшее тело из петли, положили на скамейку и накрыли домотканым покрывалом. Только тогда мы заметили мёртвое тело её маленькой дочки. Девочка лежала в деревянном корытце в углу под иконами, чистенькая, одетая в своё лучшее платьице. Маленькие ручки были перекрещены на груди.

На столе лежала записка:

Дорогие соседи.

Пожалуйста, похороните нас по-христиански. Я должна вас оставить, дорогие мои соседи. У меня нет больше сил. В доме не осталось ничего из еды. Не за чем жить без моей доченьки, умершей от голода, и без моего мужа. Если вам придётся увидеть Димитро, расскажите ему о нас. Он поймёт и простит меня. Пожалуйста, скажите ему, что я умерла спокойно, с мыслями о нём и о нашей дорогой доченьке.

Я люблю всех вас, мои дороги соседи. И от всего сердца желаю вам пережить весь этот ужас. Простите меня за беспокойство. Благодарю вас за всё, что вы для меня сделали.

Соломия.

После прочтения записки мы постояли немного, ошеломлённые горем. Наша мама старалась подавить рыдания, зажав уголком платка свой рот. Микола с недоверием вглядывался в трупы.

Я представил страшную картину их агонии: голодный плач ребёнка, а затем смертельные судороги, сковавшие истощённое тельце. Как велико должно было быть страдание матери! Она беспомощно слушала крики своего голодного ребенка, и сама мучилась от голода. Я думаю, что Соломия почувствовала большое облегчение, когда увидела последнее дыхание своей девочки. Передо мной ясно вырисовывалась эта картина, как мать проявила заботу об умершем ребёнке: она надела на девочку самое красивое и чистое платьишко, на коленях прочитала молитву и в последний раз поцеловала лобик ребёнка перед тем, как свести счёты с жизнью.

Мама прервала мои размышления. Нам предстояло выполнить последнюю просьбу нашей умершей соседки и похоронить их. Моя мама всегда стремилась всё делать правильно. Но как это осуществить сейчас? У нас совсем не было сил рыть могилу в промёрзшей земле и нести умерших на кладбище.

Взвесив всё это, мы решили пока оставить всё как есть. Мороз сохранит тела от быстрого разложения, поэтому мы положила ребёнка рядом с матерью, накрыли их покрывалом и ушли.

После такого грустного события нам не сиделось дома. Вокруг нас было много хат, трубы которых не дымились. Мы поняли, что подобные трагедии совершились и в них. Маму особенно заботила судьба семьи Бориса и нашей соседки-вдовы, которая жила вместе с калекой-дочерью. Мама надеялась, что они ещё живы, и им, вероятно, нужна помощь.

Не теряя времени, мы направились к хате Бориса. Его посадили в сельскую тюрьму, а потом увезли в районный центр, с тех пор о нём не было никаких известий. Его жена Химка осталась жить с двумя детьми. Мы часто их навещали и помогали, чем могли. Позже, с наступлением снегопадов, мы потеряли с ними всякую связь.

Подойдя к хате, мы заметили какой-то тёмный предмет, торчащим из-под снега. Это была Химка. Её тело оказалось совсем оледенелым. Мы бросились в дом, предчувствуя самое страшное, и не ошиблись: на скамейке лежал труп её старшего сына Трофима. Его руки были скрещены на груди, глаза закрыты, и замёрзшее тело было накрыто полушубком. Рядом с головой стояло блюдо с остатками догоревшей свечи. Должно быть, Трофим умер первым. Видимо, чтобы сохранить жизнь второму ребёнку, Химка вышла из хаты, надеясь найти помощь. Но, ослабленная голодом, она упала в нескольких шагах от хаты и умерла в снегу.

Мы ещё обнаружили самого младшего ребёнка, мальчика восьми лет. Он лежал на кровати, весь закутанный в старую одежду, и живой! Он лежал совершенно ослабленный, даже неспособный пошевелиться. Его тело окоченело и, скорее всего, обморозилось.

Нельзя было терять ни минуты, чтобы не погасла последняя искорка жизни в этом мальчишеском теле. Не оставалось времени для рассуждений и эмоций. Мы внесли тело Химки в дом и уложили рядом с умершим сыном. Ясно, что младшего мальчика надо взять с собой, если мы хотим сохранить ему жизнь. Здесь же всё вымерзло, и не осталось даже крошки хлеба. Мы осторожно переложили его на санки и привезли к нам. Мама переложила его на кровать и сказала, что с божьей помощью он может выжить.

Затем она послала нас с санками к дому вдовы и велела привезти её и девочку-калеку, если они ещё живы. Они жили близко, и мы с братом быстро добрались до их хаты.

Вдова Шевченко и её дочка-инвалид Лида тоже стали жертвами государственной политики. Несколько лет назад, когда только организовывались колхозы, её муж повздорил с представителем партии. В завязавшемся жарком споре Шевченко обозвал коммуниста «тупым попугаем»! Это стало его концом. Его обвинили в нанесении оскорбления Коммунистической партии и сослали в лагерь на принудительные работы. Спустя год его жена получила письмо без подписи, в котором сообщалось,

что Шевченко умер, работая на строительстве Беломорканала. И вдова Шевченко продолжала жить вдвоём с больной девочкой, которая была инвалидом с рождения и поэтому требовала постоянного ухода. Этой женщине приходилось работать за двоих, чтобы прокормить себя и дочку. Привязанная к дому заботой о больном ребёнке, она не могла выходить на работу в колхоз. Как жена «врага народа», она не имела права рассчитывать на помощь. Её ничего не оставалось, как просить подаяния у своих односельчан. Когда голод охватил всех, её судьба стала решена.

Хата Шевченко оказалась совсем занесённой снегом. Нам стоило большого труда прорыть тропинку к двери и открыть её. Как только мы переступили порог, подтвердились наши самые мрачные опасения: в сенях лежало тело несчастной вдовы. Мы перенесли тело в комнату и уложили на скамью. Мы нашли её дочь Лиду лежащей на кровати, укутанной в старые лохмотья, но живой! Мы осторожно вынесли Лиду из дома, положили на санки и заторопились к нашей хате.

Дома мама по-прежнему хлопотала вокруг младшего сына Химки. Она растирала тело мальчика снегом, и что-то готовила для него в печи. Когда мы привезли Лиду, мама кинулась к ней, а мы продолжили заниматься маленьким мальчиком. После того, как мы сделали всё, чтобы им стало удобно, мама попыталась покормить детей кашей и напоить травяным чаем. Но этого сделать не удалось. За исключением слабого и прерывистого дыхания, они не проявляли признаков жизни, лежа совершенно без движений. Когда наступила ночь, мы стали свидетелями их страшных предсмертных мучений. Лида умерла в полночь, а вскоре настала очередь и маленького мальчика.

Мы оказались в странной ситуации. В нашем доме находили тела двух мёртвых людей, которые даже не приходились нам родственниками. Нельзя было долго держать их в доме. А похороны на кладбище могли обернуться риском для нас.

В то время считалось опасным проявлять сострадание к голодающим односельчанам, особенно к людям, как эти девочка и мальчик, объявленные государством «врагами народа». Для нас было также естественно проявить заботу о них, как, если бы мы спасали собственную жизнь. Но Коммунистическая партия расценивала это как тяжкое преступление. Тем не менее, мы решила по-христиански похоронить их тела на кладбище.

На следующее утро мы с Миколой переложили тела на санки, накрыли их и направились к центру села, где размещалось кладбище. Нам было тяжело тянуть нагруженные санки, особенно по глубокому снегу и на сильном морозе. Двигаясь вдоль дороги, мы увидели ещё несколько трупов, в некоторых мы узнавали наших соседей. Среди них попадались и незнакомцы, видимо, пришельцы из других мест в поисках хлеба. То, что все тела были занесены снегом, говорило, что они лежали здесь уже долгое время.

Мы уже почти добрались до центра села, когда навстречу нам на полном скаку вывернула упряжка лошадей, тянувшая за собой сани. Такую

роскошь могли себе позволить только представители партии и правительства. Дорога в этом месте из-за огромных сугробов по краям оказалась довольно узкой, и мы никак не могли с неё свернуть. Несущиеся лошади остановились прямо перед нами. Сначала мы слышали только поток ругательств, доносившихся из саней, потом нам приказали отойти в сторону. Пока мы пытались отодвинуться, тяжело нагруженные санки увязли в снегу. Толкая санки, мы нечаянно сдернули покрывало. «Ответственные работники» устали на санки. Они вышли из саней, чтобы рассмотреть всё поближе.

Их было двое, и мы их видели впервые. Они были тепло одеты, хорошо упитанными и выглядели преуспевающими людьми, словно вышедшими из прежней жизни. Один из них, в меховой шубе, вышел вперёд и потребовал объяснить, что мы везём.

— Вы же сами видите! — ответил я, указывая на трупы.

Второй рассматривал нас с любопытством.

— Кто они, и как они умерли? — продолжал свой допрос мужчина в меховой шубе.

Что за неуместный и возмутительный вопрос! Я спокойно пояснил, что это тела наших умерших соседей. Затем, вместо того, чтобы объяснять причину их смерти, я рукой указал на трупы, которые легко можно было заметить вдоль дороги, и добавил, что в домах тоже много умиравших и уже умерших людей. Мой ответ разозлил его, и он, приблизившись к нам, сердито спросил, кто мы такие.

— Ты что, хочешь сказать, что всё население этого села вымерло? — продолжал он, повысив голос.

Затем, ругаясь и осыпая нас проклятиями, он достал из кармана записную книжку и записал наши имена.

Другой мужчина молча наблюдал за происходящим. После того, как мужчина, укутанный в меховую шубу, положил обратно в карман свою записную книжку, они оба вернулись к саням и двинулись в путь. Нам стоило большого труда вытащить застрявшие санки из глубокого снега.

Наконец, мы дошли до кладбища. К этому времени мы совершенно выбились из сил и окончательно продрогли. На кладбище мы увидели десятки трупов. Они лежали, разбросанные по обеим сторонам от дороги. Некоторые были нагромождены кучами: очевидно, члены одной семьи или соседи. Другие валялись вокруг, как придётся.

На кладбище стояла гнетущая тишина. Вокруг не оказалось ни одной живой души. Никто не хоронил останки этих несчастных.

В те трагические дни «должным образом» похоронить, означало всего лишь свалить тела умерших в общую могилу или в одну из открытых могил, оставленных осквернителями в поисках золота. Даже сильному и здоровому могильщику было бы трудно выкопать яму в промёрзшей и покрытой толстым слоем снега земле. Для обычного жителя села, ослабленного

голодом, такая задача была вообще неосуществима. Поэтому мы переложили тела наших умерших друзей в открытую могилу, наполовину заполненной снегом, и сверху тоже насыпали снега. После этого мы заторопились домой.

По дороге обратно мы встретили мужчину, жившего неподалёку от нас, тоже шедшего к дому. В компании шагать было приятнее. Он рассказал нам, что ходил в контору и сообщил властям о большом количестве людей, умерших от голода, чьи тела оставались и в домах и на улице. Его очень расстроило, что эта информация не произвела никакого впечатления на работников сельсовета, и никто даже не хотел ему верить. Председатель сельсовета зашёл так далеко, что запретил произносить слово «голод» и обвинил этого крестьянина в искажении фактов. У председателя было своё понимание происходившего. Он признал, что имели место несколько случаев смерти, но эта участь постигла только лентяев и идеалистов, не желавших трудиться в колхозе, или «врагов народа», которых всё равно должны быть «ликвидированы». Наш спутник понял, что добиться ему ничего не удастся. Представители власти явно не хотели что-либо объяснять или спорить. Поэтому ему ничего не оставалось, как покинуть сельсовет, в котором заседали эти раздражённые чиновники.

Мы в свою очередь поведали ему о событиях в нашей округе, и что мы возвращаемся с кладбища, где только что похоронили детей наших несчастных соседей. Ещё мы рассказали о столкновении с двумя незнакомцами на пути к кладбищу. От него мы узнали, кем были эти люди. Тот, в меховой шубе, наш новый председатель сельсовета. Его утвердили на эту должность в райкоме, и он только недавно прибыл в село. Другой мужчина оказался журналистом, присланным к нам одной из столичных газет, чтобы написать статью об успехах коллективизации и выполнении плана по сдаче хлеба государству. Только теперь нам стало понятно, почему человек в меховой шубе, наш новый председатель сельсовета, так вспылили, когда мы заговорили об умирающих от голода людях. Совершенно ясно, что он старался скрыть правду об ужасной участи сельских жителей от своего друга-писателя.

С того дня мы не выходили из дома, слабея день ото дня. Мы с тревогой видели, как истощаются наши скудные запасы, а холодная зима ещё была в полном разгаре.

Глава 26

К концу марта голод сдавил нас во всю силу. Жизнь в селе еле теплилась. Человекоподобные существа боролись за выживание, кто как мог.

Село, как единое целое, прекратило своё существование. Жители, которым удалось выстоять и стать в живых, не выходили из своих жилищ. У людей не было сил, чтобы сделать несколько шагов до двери, и оказаться на улице. Все изолировались друг от друга. Люди перестали общаться. Двери закрывались на замки и засовы, чтобы оградиться от непрошенных гостей. Даже между близкими соседями почти прекратились всякие связи, и люди

перестали интересоваться жизнью других. Фактически, все стали избегать друг друга. Друзья и даже родственники сделались чужими. Матери бросали своих детей, а брат отворачивался от брата.

Те, кто ещё имел силы, продолжал поиски пропитания, но делали это тихо и незаметно, словно чувствовали себя виноватыми, что они до сих пор остались в живых.

Но что они могли найти под снегом? На улицах, на полях, в садах и огородах, на поверхности льдом скованной реки, везде, лежали замёрзшие тела умерших от голода сельских жителей. Их трупы превратились в застывшие монументы, сохранённые благодаря снегу и морозу. Они словно стали памятниками голодным детям, мужчинам и женщинам, пожилым и молодым: обвинительным актом официальной коммунистической политике и морали.

Снегопад не прекращался, и сугробы продолжали расти в размерах, делаясь всё более непроходимыми. Никто не чистил и не убирал снег. Детей, которые раньше с радостью играли в снежки, лепили снежных баб, катались на коньках и лыжах, не было видно. Не стало слышно кошачьего мурлыканья и звонкого собачьего лая. К концу февраля на селе не осталось ни одной кошки или собаки: они вымерли от голода, были съедены голодающими людьми или пристрелены Тысячниками. Скотные дворы стояли совершенно пустыми с того времени, когда большую часть скота у крестьян отобрал колхоз. Те несколько коров, которые остались в частном владении, содержались под замком, как самое дорогое сокровище. Даже колхозные постройки, которые раньше служили под ферму или под склады, к этому времени практически исчезли. Их давно разобрали на дрова. Люди сжигали всё, чтобы согреться: даже заборы и мебель. От безвыходного положения люди разбирали заброшенные дома и части своих жилищ.

В нашем селе смерть стала полноправной хозяйкой. Кругом стояла тишина. Жители, запертые в своих домах, были уже мертвы или находились при смерти, парализованные голодом. На улице всё вымерзло, и везде лежал толстый слой снега. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было завывание ветра. Какой контраст с трелями соловьёв, которых перестреляли Тысячники!

Были вещи, о которых никто не решался говорить. Каждый знал об их существовании, но, казалось, на открытое их обсуждении наложили запрет. Одним из таких явлений был каннибализм. Об этом тяжело и больно говорить и думать.

Надо иметь в виду, что под безжалостным давлением голода человек может полностью лишиться разума и упасть до животного состояния. Это произошло со многими нашими односельчанами. Те, кто оказались наиболее выносливыми, и в течение некоторого времени приспособились к выживанию на минимальном количестве пищи или вообще без еды, больше не способны чувствовать голодных болей. Они впадают в кому или существуют в состоянии полусознательного, летаргического ступора. Но

некоторые словно теряют рассудок. Такие люди лишаются последних следы сострадания, чести и морали. Они страдают галлюцинациями о еде, о необходимости что-то откусывать и жевать, чтобы заглушить боль в пустом желудке. Их охватывает непреодолимое чувство, и они готовы вонзить свои зубы во что угодно, даже в собственные руки или тела других людей.

Первые слухи о каннибализме были связаны со странными и необъяснимыми исчезновениями людей в селе. Так произошло в случае с Марией и её одиннадцатилетним брате, детьми Бориса, сосланного в концентрационный лагерь, как «враг народа». Они бесследно исчезли. Их больная мать бродила от дома к дому, увязая в снегу, чтобы найти своих детей. Дети вышли из дома, чтобы раздобыть немного дров и больше не вернулись. Соседи ничего не видели и ничего не знали. Никто не мог помочь несчастной матери. Затем пропала одна вдова, жившая подаяниями. Она исчезла вместе со своей дочкой, и их больше никто никогда не видел. Вслед за этими событиями прошёл слух об исчезновении ещё двух женщин и девочки.

В разгар увеличивающегося количества пропавших людей, мы были шокированы арестом женщины, которую обвинили в убийстве собственных детей. Ещё одна женщина была найдена мёртвой, с перекошенной шеей, засунутой в петлю. Соседи, обнаружившие покончившую с жизнью женщину, ещё раскрыли и причину трагедии: в печи стояли сваренные останки трёхлетней дочери этой женщины.

Однажды утром мой друг Иванушка, живший с нами, вышел из дома и не вернулся ни вечером, ни ночью. Проходили дни, а мы ничего о нём не знали и не могли его найти. Я с Иванушкой учился в одном классе, и мы дружили долгое время. Шост, его отец, не вернулся из тюрьмы, где я его видел в последний раз. Его увезли в районный центр, а оттуда сослали в Сибирь. Мама Иванушки была арестована спустя несколько дней. Всё их имущество перешло в собственность колхоза. Дети, Иванушка, пятнадцати лет, и его девятнадцатилетняя красавица-сестра, лишились дома, и только помощь сердобольных соседей помогла им выжить.

Как часто случается в подобных случаях, сестра вскоре вышла замуж. Это оказалось единственным путём найти жильё и кукую-то защиту для себя и брата. Соседи одобрили её решение и восхищались тому, как эта молодая женщина любила своего младшего брата и заботилась о нём. Они стали жить в доме, стоявшем на склоне холма у самого леса. Казалось, что они обрели счастье, если вообще можно говорить о счастье в то время.

Но, к сожалению, семейная жизнь быстро оборвалась. Всего несколько месяцев спустя её арестовали как кулацкую дочь и «опасный элемент социалистического общества». Таким большим оказался страх организаторов колхоза перед крестьянами, что они не только уничтожали не желавших подчиниться крестьян, но и их жён и детей. Они опасались, что даже самая маленькая искорка любви к свободе и независимости может сохраниться и обернуться пламенным мятежом.

Дочь постигла тяжёлая участь родителей, и Иванушка снова оказался без присмотра. Он не захотел жить с мужем своей сестры, поэтому моя мама пригласила его жить с нами. Так он стал членом нашей семьи, и нам его теперь не хватало, а его судьба вызывало чувство сильного беспокойства.

Дни проходили, а от него не было никаких известий. Наше беспокойство росло. Микола и я, наконец, решили начать поиски.

Хотя Иванушка и недолюбливал мужа своей сестры, он по ряду причин мог бы навести его. До начала коллективизации Антин, шурин Иванушки, имел репутацию на селе работающего крестьянина. Он легко ладил с людьми, любил пошутить и поиграть с детворой. Мы знали его с самого детства, а зимой часто катались на лыжах с той горки, где стоял его дом. Он даже расчистил для нашего катания горку. Если кто-то ломал лыжи, то он помогал их чинить, а мы сидели вокруг его печи и грели озябшие руки. Хотя на горке дети часто устраивали шумную возню, Антин никогда не возмущался. Наоборот, он ему доставляло удовольствие наблюдать наши шалости и игры на снегу.

Но теперь, с усилением голода, о доме Антина поползли странные слухи. Кто-то слышал, как из дома доносился крик женщины. Потом стали рассказывать и совсем страшные вещи. Утверждалось, что дым из печной трубы имел запах палёного человеческого тела. Припоминая теперь эти слухи, мы с тревогой начали осознавать связь между ними и исчезновением Иванушки.

Неужели эти ужасные слухи имеют хоть долю правды? И даже, если это правда, как Антин мог бы совершить такое чудовищное преступление по отношению к брату своей сестры? Нам во что бы то ни стало, надо было до конца разобраться в этом деле. Охваченные такими тяжёлыми мыслями, мы медленно направились к дому на холме. Микола, который был намного младше меня, дрожал от страха. Он уговаривал меня вернуться домой, но мои чувства и тревога о друге пересилили мои собственные страхи. Я считал себя обязанным выяснить, был ли Иванушка ещё жив, и не нужна ли ему помощь.

Я с трудом передвигал ноги, и Микола нехотя следовал за мной. Мы пробирались всё ближе и ближе, постоянно проваливаясь в глубокий снег. Мама предупреждала нас, чтобы мы были осторожными. Она считала, что Миколаше лучше остаться снаружи, а мне, в случае опасности, следует кричать.

Поэтому Миколаша остался стоять на улице у окна, сжимая в руке палку. Я вошёл в сени, оставив за собой дверь слегка приоткрытой. Здесь меня встретил Антин. Я поздоровался, но он не ответил мне, а лишь махнул рукой, приглашая пройти в комнату. Переступив порог, я был поражён крайней нищетой, царившей кругом. Стены были голыми, мебели не осталось, и было очень холодно. Оглянувшись на Антина, я заметил, что он пристально меня разглядывает, словно оценивая мои силы.

Это был очень неприятный момент. В его налитых кровью глазах стояли слёзы. Его пальцы непроизвольно дёргались. Стало ясно, что он не узнал меня. Я старался помочь ему вспомнить, назвав своё имя, имя моей мамы и брата, но всё было напрасно. Антин продолжал, не отрываясь, смотреть на меня своими налитыми кровью глазами.

Он сошёл с ума, сказал я сам себе. Вдруг я с ужасом осознал, что он был в два раза больше меня! Снова в глазах возникла картина, что со мной могут сделать эти всё ещё сильные и жестокие руки.

Медленно и осторожно я стал продвигаться обратно к выходу. Моё передвижение, видимо, вывело его из ступора и напомнило о чём-то, потому что он внезапно выкрикнул:

— Ты пришёл спросить об Иване?

Хотя его голос был неприятным и хриплый, всё-таки это немного разрядило обстановку.

— Да, Антин! — воскликнул я. — Но...

Он не дал мне договорить.

— Что значит твоё «но»? — перебил он меня сердито.

— Я хотел сказать, откуда вы знаете, что я разыскиваю Ивана? — промямлил я. — Может быть он...

Я не закончил, осознав, что зашёл слишком далеко или сказал это не к месту.

Но с Антиным произошла странная перемена. Он стал спокойнее и, как будто, осознавал, что происходит. Он перестал злиться, хотя по-прежнему нервничал. Его руки продолжали двигаться, как будто, он не знал, что с ними делать. Его взгляд продолжал бегать с окна на окно, а потом опять на меня.

Мной снова овладел страх, когда Антин, не мигая, уставился на меня. Я не знал, что предпринять. Сердце сильно забилось, голова закружилась, и я почувствовал сильную слабость. Мне захотелось закричать, заплакать и убежать. В этот момент Антин повернулся и направился в сторону кухни, бросив через плечо: «Спрошу об этом у матери».

Но мне не хотелось больше ждать. Мой лоб покрылся холодной испариной, и всё тело била мелкая дрожь. Внутренний голос приказал мне быстро бежать, как только я мог, и моё тело автоматически починилось. Антин проворно через кухню проник в сени и перегородил мне дорогу. В одной руке он держал сверкавший огромный нож, а в другой — грязную тряпку.

Увидев это, я закричал и продолжал кричать уже после того, как почувствовал, что грязная тряпка затыкает мне рот. В это момент послышался звук разбитого стекла: это Микола ударил по окну палкой. При этом Микола изо всех сил звал на помощь. Антин на какой-то момент растерялся и ослабил хватку. Я воспользовался его нерешительностью,

вырвался из его рук и выскочил на улицу. Мы с Миколой изо всех сил, как только могли, бросились бежать по глубокому снегу к нашему дому. Только очутившись за закрытыми на замок дверями, мы перевели дух и осознали, какой большой опасности мы подвергались.

Мы решили никому не рассказывать о посещении Антина. История с исчезновением Иванушки оставалась загадкой, пока она не прояснилась одним апрельским днём.

Глава 27

Невозможно подобрать слова, чтобы описать то, что видели мои глаза весной 1933 года. Но поскольку эти ужасные воспоминания по-прежнему преследуют меня, я обязан рассказать о страданиях и смерти, выпавших на долю моих земляков.

Вторая Мировая война стала реальностью до того, как она началась, и я в ней принимал участие. Я видел груды мёртвых и изуродованных тел, я слышал крики отчаяния и стоны умирающих. День за днём я чувствовал неутолимый голод и холод. Меня всё время преследовал страх смерти. Но спустя столько лет, всё происшедшее видится как в тумане. Среди этого тумана я вижу мерцающую вспышку света. Этот лучик света является осознанием того, что все лишения были обусловлены самой настоящей войной, что я сам и мои современники имели шанс бороться за свои жизни, хотя вероятность выжить оставалась очень маленькой. Кроме того, я понял, что, сражаясь на этой войне, мы не были всеми забыты и покинуты. Военные всегда были рядом, хорошо снабжённые продовольствием, не взирая на нехватку продуктов в стране. У нас была ещё одежда и бараки, где можно было спать. Ужасы войны бледнеют на фоне событий в нашем селе, сохранившихся в моей памяти как самый настоящий кошмар.

Те из нас, которым удалось выжить, с надеждой ожидали наступления весны 1933 года. Мы думали, что пробудившаяся растительность позволит нам просуществовать до нового урожая хлеба. Подкрепившись такой надеждой, мы оказались в состоянии дотянуть до появления первой зелёной травки. К сожалению, многие наши односельчане так никогда и не увидели наступления долгожданной весны. И большинство тех, кто пережил зиму, нашли свою смерть среди зеленеющей молодой травы, которую они так ждали.

Весна 1933 года оказалась для Украины необычайно холодной. В наших краях весенняя погода обычно устанавливается с начала апреля. Но в 1933 году снег лежал на полях да середины апреля. Постоянно задувал ледяной ветер. Часто ветер приносил тучи с дождём и снегом, и село утопало в грязи и слякоти. Затем мороз сковывал всё это в куски грязного льда.

Голод на селе дошёл до того предела, когда смерть стала желанной, как единственное избавление от мук.

Многие хаты уже долгое время стояли без признаков жизни. По мере таяния снега кругом проступали человеческие трупы: во дворах, на дорогах и

полях. Эти мёртвые тела стали настоящей проблемой для оставшихся в живых. С наступлением тепла трупы начали интенсивно разлагаться. Они издавали такое зловоние, что мы ничего не могли поделать. Выжившие жители не имели сил, чтобы похоронить умерших, а посторонней помощи ждать не приходилось, поэтому тела продолжали лежать там, где их настигла смерть. Те, кому суждено было умереть в поле или лесу, стали добычей набегов диких животных. На умерших в домах набросились полчища крыс.

В третий раз селом овладела паника. Те счастливики, которым удалось пережить ужасы зимы, впали в глубокое отчаяние. Все запасы давно иссякли. Люди, наконец, осмыслили, что еды никакой не осталось, а помощи ждать неоткуда, и что им не избежать голодной смерти.

Большинство отчаявшихся крестьян смирились с создавшимся положением. Они не выходили из своих домов, и их состояние было неопишным. Эти люди совсем опустели и одичали, они так ослабели, что не могли сделать и шага. Они просто сидели или лежали, даже для разговора сил не осталось.

Тела многих стали представлять собой скелеты, обтянутые серо-жёлтой кожей. Лица напоминали резиновые маски, с огромными, немигающими глазами. Казалось, что шея у этих людей сморщилась и вросла в плечи. Их остекленевшие глаза предвещали приближение смерти.

Другие распухли от голода. Их лица, руки, ноги и живот напоминали поверхность резинового шара. Кожа легко лопалась и быстро развивалась инфекция.

С оттепелью потянулась вереница нищих. Те, кто ещё мог передвигаться, покинули свои жилища в поисках пропитания. Старые и молодые, в основном женщины и дети, медленно переходили от дома к дому, еле волоча свои ноги, обмотанные рваным тряпьём. Они умоляли дать им поесть, что угодно: картошку, кусочек хлеба или початок кукурузы. Я помню, как с появлением голода, истощённые люди останавливались на пороге, часто при этом плача, и просили поделиться хоть какой-нибудь едой. Если им отказывали, то они извинялись за то, что потревожили, и тихо уходили.

Но этой весной нищие представляли собой совсем иную картину. Эти отчаявшиеся люди, сломленные жестоким временем, бесправием и голодом, уже больше не были теми скромными, уважающими себя и других крестьянами. Их страх перед голодом был таким большим, что они почти потеряли человеческий облик, превратившись в одичавших, голодных животных, занятых только поисками пищи. Они перестали различать друзей и врагов и были способны пойти на убийство из-за куска хлеба. Их одежда давно превратилась в лохмотья, и сами они находились на грани полного истощения.

С глазами на выкате и протянутой рукой они подходили к кому-нибудь, но теперь ни о чём не молили: у них не было голоса, они только

плакали. Часто их слёзы оказывались смешанными со зловонными выделениями из сочившейся кожи на воспалённом лице. Они шёпотом просили дать им крошку хлеба.

Ещё одним признаком надвигающейся смерти от голода были вши, мелкие, плоские, бескрылые насекомые-паразиты, постоянные спутники нищеты и лишений. Обессиленные люди перестали заботиться о себе, они не могли принести воды и развести огонь, чтобы помыться или постирать. Мыла не было. Уже несколько лет на селе не видели куска мыла. Но даже, если бы мыло и продавалось, мы не могли его купить. Во-первых, у нас не осталось денег. Во-вторых, мы не имели права ничего приобрести в государственных магазинах, потому что наш колхоз не выполнил план по хлебозаготовке. В результате были грязными, немывыми и кишели вшами.

По мере охлаждения рук и ног умирающего от истощения человека, вши перемещались в более тёплые участки на лице: глазные впадины, уши, уголки рта и ноздри. Это безошибочно указывало на то, что жить такому человеку осталось совсем немного.

Участь детей — это самое душераздирающее зрелище того времени. Я никогда не смогу забыть их жалких, исхудавших или опухших от голода лиц, с размазанными по ним слезами.

Они не могли понять, почему нет хлеба, почему нет еды. События в большом, «взрослом», мире не укладывались в их детские головки. Думая о детях того времени, я не могу не содрогаться от ужаса. Бог мне свидетель, что, когда я пишу эти строки, бумага намочена от моих слёз.

Немногие дети в нашем селе пережили страшную зиму, а те, кто остался в живых, были похожи на скелеты, настолько ослабленные, что не могли даже плакать. Головки на тонких шейках выглядели как надутые шары. Их маленькие костлявые ручки и ножки напоминали палочки. Животы распухли, жидкость бесконтрольно сочилась из половых органов. Эти детские лица преждевременно состарились и исказились. Они смотрелись как старички: покрытые морщинами, вялые и очень, очень грустные. Страдая от голода, они находились в постоянном оцепенении. Казалось, что сама природа по-особенному реагировала на страдания детей, которые им приходилось терпеть. У некоторых начали расти волосы на лице, в основном, на лбу и висках. Я видел нескольких таких детей, и они выглядели так непривычно, что казались пришельцами с других планет. Такие встречи оставляли во мне чувство безграничной жалости и беспомощности перед ними.

Часто голод косил целые семьи. Взрослые члены семей обычно умирали быстро, оставляя детей одних в холодном доме, полураздетыми и голодными, предоставленных собственной судьбе. Можно только предположить, что стало с такими беспомощными детьми: эти сироты, обмотанные в лохмотья, вынуждены были нищенствовать. Проваливаясь в снег, они сначала шли к ближайшим соседям, чтобы увидеть, что там уже все перемерли. Затем они направлялись к другому дому, а потом — к

следующему.... Из сострадания крестьяне разрешали одному или двум ребятишкам остаться с ним, но помочь они уже ничем не могли, и дети медленно умирали у них на глазах.

Но иногда совершалось чудо, и дети выживали! Это были, в основном, мальчики и девочки от десяти до пятнадцати лет. С наступлением весны они видели единственный путь к спасению в уходе в город. Но немногим, очень немногим, ребятам повезло найти помощь и понимание со стороны городских жителей. Других, менее везучих, отлавливала милиция и отправляла в детские распределители. Такие дети имели больше шансов выжить, хотя до нас доходили слухи, что многие всё равно умирали. Были и такие, которым ничего не оставалось, как присоединиться к подростковым городским бандам. Только Богу известно, что с ним стало. Наконец, были ещё и такие, кто не дошёл до города и не был пойман милицией. Они замертво падали на дороге и так лежали днями или даже неделями, пока кто-нибудь, чтобы больше их не видеть, не сталкивал их тела в канаву, словно мёртвых животных.

Мне пришлось стать свидетелем многих событий, в которых дети непроизвольно становились невинными жертвами. Но один случай особенно врезался мне в память, как символ того, что человечество сошло с ума. Это произошло в начале апреля. Однажды утром, когда мы ещё не встали с кроватей, послышался детский плач и слабый стук в дверь. Я быстро встал и направился к двери. Открыв дверь, я увидел маленькую девочку лет четырёх. Она стояла, дрожа от холода и голода, и слёзы струились по её впалым щёчкам. Мы знали её! Это была Мария, дочка нашей односельчанки Ханы, у которой ещё был семилетний сын, и они жили примерно в километре от нас. Мужа Ханы, молодого работающего крестьянина, как и многих других, арестовали без видимых причин и сослали в концлагерь около двух лет назад. Хана осталась одна с двумя детьми на руках. Но с наступлением зимы и усилением голода, мы потеряли всякий контакт с ней.

Я провёл девочку в хату.

— Мама никак не просыпается! — пожаловалась девочка, вытирая слёзы рукавом грязного пальто.

Мы с мамой переглянулись. Вскоре мы с братом Миколой направились в сторону дома Ханы. Переступив порог, мы увидели, что наши страхи подтвердились. Мёртвая Хана лежала на кровати. Её глаза навывкате словно смотрели на нас. Её широко открытый рот, словно всё ещё хватал последние глотки воздуха. Было очевидно, что она умерла недавно, незадолго до того, как Мария постучала в нашу дверь. На щеках Ханы можно было видеть следы слёз, а вши, словно муравьи, ещё продолжали бегать туда и сюда в поисках тёплого местечка. Рядом с ней, завёрнутый во что-то лежал её мёртвый сын. Хата была пустой и грязной. Кроме двух скамеек здесь ничего больше не было. Глиняный пол оказался перекопанным, а стены зияли свежими дырами. Труба над печкой оказалась порушенной. Мы сразу узнали

руку хлебозаготовительной комиссии. Не было сомнений, что они наведывались сюда совсем недавно в поисках «спрятанного» хлеба.

Мы с Миколой стояли поражёнными. Мне хотелось или с криком убежать отсюда, или присесть рядом с умершими, и с чувством горечи и сожаления подержать их застывшие руки. Но, словно окаменев, я продолжал стоять. Глядя на умерших мать и сыны, я спросил:

— За что? Почему они должны были умереть?!

Мы вышли из хаты, надеясь, что в скором времени колхозная похоронная бригада, в ежедневных поисках умерших, подберёт их. Эта бригада была создана около двух месяцев назад, чтобы собирать и хоронить умерших от голода жителей села.

Маленькая Мария пережила голод. Она жила с нами, пока её родственники, жившие в городе, не забрали её к себе.

Глава 28

Однажды в конце апреля 1933 года мама попросила нас с братом навести нашу дальнюю родственницу Приску, жившего в шести километрах от нас. По пути мы могли ещё повидаться со своими друзьями и школьными товарищами, которых не видели с начала зимы. Мы часто гадали, что с ними случилось, готовясь узнать самое худшее.

Микола и я пошли по дороге вдоль песчаных холмов, разделявших лес и село. Здесь мы прятали наши продовольственные запасы. Стоял погожий солнечный день. С куста на куст перепрыгивали маленькие птички, радостно щебеча. Уже совсем распустилась зелень, но нигде не было видно следов человека, не было слышно человеческих голосов. На пути нам не встретилась ни одна телега. Казалось, что по селу прошла чума, и в живых остались только птицы и насекомые.

Мы проходили мимо дома Антина, в котором несколько недель назад разыскивали пропавшего Ивана. Подойдя поближе, мы с удивлением услышали шумные голоса. Вокруг дома развернулась большая активность: какие-то люди что-то искали. Нам стало интересно, что происходит. Мы подошли поближе и остановились и обнаружили, что это были члены хлебозаготовительной комиссии. Сельский Тысячник, товарищ Лившиц, лично наблюдал за проводимыми поисками. Он стоял напротив дома, время от времени, выкрикивая распоряжения. Несколько членов комиссии лопатами копали землю вокруг дома. Другие были чем-то заняты внутри хаты и в сарае.

Как это не покажется нелепым, но хлебозаготовительная комиссия продолжала поиски спрятанных продуктов, несмотря на продолжавшийся в селе голод. Они упорно ходили по хатам, уделяя особенное внимание тем, кто ещё проявлял признаки жизни. Они по-прежнему требовали выдать зерно, а чаще всего — просто производили обыск, даже не спрашивая на то разрешения хозяев. Нам вменялось в обязанность присутствовать на

собраниях и слушать пропагандистов, агитаторов и других коммунистических говорунов о значении доставки хлеба в закрома государства, о разъяснении позиции партии и правительства по тому или иному вопросу или о новых постановлениях и указах. На самом деле на этих собраниях присутствовало всего несколько колхозников, поскольку большинство уже умерло от голода. А те, в ком ещё теплилась жизнь, не имели сил выйти из дома.

Но благодаря этим собраниям, те из нас, кто их посещал, узнали, что в январе Коммунистическая партия Советского Союза, обвинив Украину в преднамеренном невыполнении плана по хлебозаготовкам, назначила Постышева главой украинского правительства. Его назначение сыграло роковую роль в жизни всех украинцев.

Постышев начал противопоставлять украинцев русским. Теперь всё украинское открыто провозглашалось отставшим, и безгранично подвергалось уничтожению. С этого времени нам, украинцам, постоянно напоминали, что среди нас присутствуют «буржуазные националисты», которые должны быть ликвидированы. Именно националисты стали причиной наших «проблем с продовольствием». Эти ужасные «буржуазные националисты» довели нас до голодной смерти, и обвинениям не было конца. На каждом собрании напоминалось, что борьбе против движения украинских националистов придаётся решающее значение в деле «построения социалистического общества» и борьбе за хлеб. Новая компания против украинского национализма вела к ликвидации всей украинской культуры, украинского образования и украинских социальных институтов. В нашем селе в связи с этим новым течением были произведены несколько арестов.

С прибытием Постышева компания по сбору зерновых преобразовалась в семенную компанию. Факт, что крестьяне умирали от голода, властями во внимание не принимался. Их беспокоила нехватка семян для предстоящей посевной. Я запомнил одну из речей Постышева, в которой он инструктировал партийные организации заготавливать семена теми же методами, что применялись при заготовке зерновых перед посевной. Он приказал отбирать те семена, которые были «украдены» или незаконно переданы в качестве продуктов питания членам колхозов. Из его указаний ясно вытекало, что семена для посевной должны быть собраны и доставлены немедленно любыми средствами и любой ценой. Но для нас оставалось непонятным, как могли власти быть такими жестокими, чтобы требовать сдачи зерна в то время, когда везде, на дорогах, полях и дворах, лежали тела умерших от голода крестьян. Слушая коммунистические разглагольствования, мы часто задумывались, а не являлось ли всё это саботажем, может быть, кто-то намеревался дискредитировать Коммунистическую партию? Какими мы были наивными! Безжалостная партия хотела получить от нас зерно и семена, при этом голод во внимание не принимался. Партийные чиновники проявляли нетерпение и не скрывали своего презрения к нам, а нас заставляли выслушивать ложные заявления,

что никакого голода нет, что никто не голодает. Те, кто умер, были лентяями, отказавшимися работать в колхозе. Они заслужили свою смерть.

Но, давайте вернёмся к хате Антина, где орудовала хлебозаготовительная комиссия. На селе говорили, что Антин и его мать, потеряв рассудок от голода, стали каннибалами. Но комиссия пришла к ним не по этому поводу. Товарищ Тысячник, встретив однажды Антина, отметил, что тот выглядит достаточно сытым и бодрым. Поэтому товарищ Тысячник заподозрил, что Антин имеет спрятанные запасы продовольствия, и приказал комиссии Первой Сотни произвести у Антина обыск. Представьте себе их удивление, когда вместо хлеба они нашли человеческие останки! Мы с братом видели, что Антин с матерью стояли в стороне от товарища Тысячника. Их руки были связаны за спиной, а рядом стоял вооружённый охранник. Прямо напротив них лежала груда человеческих останков, костей и черепов. Чудовищное и омерзительное зрелище! Мы не сомневались, что в этом страшной куче были и останки нашего друга Ивана.

Мы с отвращением поспешили уйти, продолжая свой путь к дому Приски.

Судьба Приски мало отличалась от участи многих несчастных семей на селе. За отказ вступить в колхоз в 1930 году, а потом за неуплату налогов и неспособность сдать государству требуемое количество зерна, её муж был объявлен кулаком и сослан вместе со многими другими в концентрационный лагерь. Позже Приска получила известие, что её муж умер, работая на рытье Беломорканала. Приска осталась одна с двумя детьми на руках: семилетним сыном и пятилетней дочкой.

Приска оказалась дома, когда мы добрались до её хаты. Она дошла до такой степени истощения, что почти не могла двигаться. Она с трудом поведала нам свою печальную историю, потому что ей было тяжело говорить.

Оставшись одна, ей пришлось много и тяжело трудиться, чтобы поддержать двоих детей. Большую часть времени она проводила в поисках чего-нибудь съестного. Но найти удавалось совсем немного: пару картофелин, свёклу, один или два куска хлеба. Летом и осенью ей удавалось сводить концы с концами, потому что она работала в колхозе и получала ежедневно день килограмм хлеба или муки. Дополнительно, как и другие колхозники, кто ещё мог работать, она получала два горячих пайка в день. Обычно эти пайки состояли из пшённой или гречневой каши. Приске удавалось кормить и детей, но с наступлением зимы работы в колхозе остановились, и прекратилась выдача хлеба и горячих ежедневных пайков. Те продукты, которые её выдали в качестве оплаты за работу в колхозе, быстро закончились. Тем не менее, ей с детьми удалось просуществовать до марта. Затем произошло неизбежное: её сын умер от голода. Она похоронила его в саду под вишней. Её самой хотелось быть похороненной под вишней, когда она умрёт.

Оставшись вдвоём с дочкой Марией, она знала, что скоро наступит и их очередь. Приска боялась умереть первой, оставив маленькую девочку совсем одну. Ей очень тяжело было об этом думать, и она решила сделать всё, чтобы сохранить дочке жизнь. Она слышала о детском доме в ближайшем городе, который находился в тридцати километрах от нашего села. Одним апрельским утром она вдвоём с девочкой отправилась пешком в этот город. Добравшись до так называемого детского дома, Приска с ужасом обнаружила, что это был детская колония. Напуганная и разочарованная мать решила, что даже это место для маленькой Марии будет лучше, чем родной дом. Тщательно всё обдумав, она научила малышку, что следует сделать и сказать, переступив порог этого здания. Как только дверь отворилась, и маленькая Мария вошла внутрь, Приска завернула за угол дома и с тех пор больше не видела свою маленькую дочку.

Дойдя в своём рассказе до этого места, Приска замолчала. Её глаза словно покрылись пеленой, губы задрожали, но она не заплакала. Мы стояли рядом и молчали.

Собравшись с духом, Приска продолжила свой рассказ. С тех пор, как она оставила Марию на попечение судьбы, её сердцу не было покоя. Она чувствовала себя преступницей и всё время плакала. Во время холодных бессонных ночей её казалось, что маленькая Мария появляется перед ней. Сидя на скамейке в углу под иконами, Приска словно чувствовала на себе пронзительный взгляд дочки. Затем Мария как будто начинала плакать и просить о хлебе, говоря: «Мама, почему ты бросила меня? Почему ты ничего мне не оставила?».

Девочка представлялась ей каждую ночь, задавая всё тот же вопрос: «Мама, почему ты бросила меня? Почему ты ничего мне не оставила?».

Наконец, она не выдержала. В неистовстве Приска прошагала тридцать километров до города, где осталась её дочка. Все попытки отыскать девочку оказались напрасными, и она больше никогда её не увидела.

За окном темнело, когда Приска закончила свой рассказ, и нам надо было возвращаться домой. На следующий день мама послала нас отнести Приске немного еды, но было уже поздно. Мы нашли Приску мёртвой на полу. Отчаявшись, она решила быстро свести счёты с жизнью. Из последних сил она добралась до кусков угля и отравилась, вздыхая угольные пары.

Мы помнили её желание быть похороненной под вишнёвым деревом. В сумерках мы похоронили Приску рядом с её сыном.

В то время такой вид самоубийства стал частым явлением в нашем селе. Многие кончали с жизнью, вдыхая угарный газ, как это сделала Приска. Это было просто и безболезненно. Большинство, умерших таким способом, составляли женщины, чьих мужей арестовали и сослали в концентрационные лагеря, а дети умерли от голода. Они закрывали все щели, затворяли окна и двери, разжигали огонь в печи или прямо посреди хаты на глиняном полу и

умирали, вдыхая смертоносные пары угарного газа. При этом часто целиком выгорали хаты.

Но самым распространённым видом самоубийства было повешение. Этот способ чаще всего выбирали мелкие сельские должностные лица, особенно руководители Десятков и Пятёрок. Некоторые коммунисты тоже кончали с жизнью тем или иным способом. Властям было известно об этих массовых самоубийствах, но они ничего не предпринимали, чтобы остановить их.

В последующие дни мы навестили некоторых своих родственников и друзей, о которых мы давно не имели известий. Сначала мы пошли к Василью. Его отца арестовали и сослали куда-то на север. Он жил с мамой и двумя младшими сестрёнками. Мы ничего не знали о нём с декабря, когда перестали ходить в школу. Войдя в хату, мы сразу увидели двух сильно исхудавших девочек и их маму. Они выглядели как ожившие мумии. Сидя на глиняном полу посреди хаты, они что-то молча готовили из лебеды и крапивы — сорняков, бурно растущих в наших краях. Девочки ничего не ответили на наше приветствие. Всё их внимание оказалось сосредоточенным на кипящей в горшке жидкости. Они жадно смотрели на это, сжимая в руках ложки. Их мама, увидев нас, начала причитать и плакать. Мы принялись успокаивать её, и потребовалось время, прежде чем она смогла взять себя в руки и ответить на наши расспросы о Василе и о том, как они существовали всё это время.

С наступлением голода Василь вместе с некоторыми взрослыми отправился на поиски пропитания и заработка. Он съездил в Россию, и ему очень повезло: он вернулся с несколькими буханками хлеба и пятнадцатью килограммами муки. Это произошло в конце декабря. В марте 1933 года, когда во всю силу свирепствовал голод, Василь решил повторить поездку, но на этот раз ему не повезло. Он каким-то образом сумел пробраться на поезд и доехать до маленького городка недалеко от Москвы. Отсюда он послал маме весточку, что скоро возвращается домой. Однако он не вернулся. Позже его мама узнала, что Василя арестовали на железнодорожном вокзале, обвинили в подпольной спекуляции, судили и дали пять лет лагерей. С тех пор о нём больше никто не слышал.

Много подобных историй произошло в то время. Не взирая на запрет властей покидать пределы сёл и деревень в поисках работы и пропитания, несмотря на свои ужасные условия жизни и своё состояние, близкое к голодному обмороку, мы не могли сдаться так просто. Никто не мог без борьбы сидеть и молча ждать надвигающейся смерти.

Со стороны государства или частных лиц не было сделано ни одной попытки, чтобы создать какую-нибудь общественную организацию для помощи голодающим. Наоборот, когда местный учитель попытался что-то предпринять, чтобы облегчить участь сельских жителей, его арестовали и сослали на строительство Беломорканала. Его обвинили в «распространении ложных слухов о том, что в нашем селе свирепствует голод». Вместе с его

исчезновением улетучилась идея о создании благотворительной организации. Каждый в одиночку боролся за собственное выживание. Люди массами уходили не только в близлежащие города, но и проникали на территорию России, где не было голода. Это нелегко было сделать, даже при наличии денег. Как я уже говорил, крестьянам не продавали билетов на поезд, за исключением тех случаев, когда имелась специальная справка из сельсовета. В 1933 году положение ещё больше ужесточилось. Поезда охранялись специальными военными отрядами, и проникнуть в поезд без билета стало невозможным. Кроме того, сельские жители не имели паспортов, которые были введены в декабре 1932 года. Поэтому стало легко проверять документы у ехавших с Украины на север или восток и задерживать «нелегальных» пассажиров. Задержанного таким образом, насильно возвращали в его село или отправляли в лагерь на принудительные работы.

Это время стало расцветом чёрного рынка. Городские жители, имея паспорта, могли свободно покупать билеты на поезд в любом направлении. Купив билет, они могли перепродать его сельскому жителю по спекулятивной цене. Например, билет до Москвы на чёрном рынке мог стоить в четыре-пять раз дороже его изначальной стоимости.

Глава 29.

Большинство наших попыток найти помощь за пределами села оказалось безуспешным. Если украинский крестьянин появлялся где-то в поисках пищи, его гнали и преследовали как дикого животного. Нам ничего не оставалось, как питаться на подножном корму.

Кому-то повезло поймать рыбу или птицу. Кто-то пытался заглушить голод сочными листьями и стеблями дикорастущих растений или речных водорослей. В лесу можно было набрать ягод, грибов, различных корней, и даже листья и кора деревьев шли в пищу. Здесь было раздолье для охотников. Но нам охотиться стало нечем, потому что все ружья давно конфисковали.

Излюбленным местом поиска чего-нибудь поесть стали поля. Здесь люди могли найти оставшиеся в земле с прошлого года овощи, сохранившиеся благодаря зимнему морозу и снегу. Картофель, свёкла и луки были бесценными находками, даже если они и помёрзли. В старой поговорке сказано, что голодный человек не принюхивается.

Как только снег растаял, на полях появились тощие фигуры изголодавшихся людей, копошащихся в сырой земле в надежде найти что-нибудь съедобное. Самой большой удачей было наткнуться на картошку. Чаще всего люди, обнаружив картофелину, не съедали её прямо здесь, а приносили домой, и запекали в виде лепёшек, предварительно смешав с листьями или даже корой.

Однако нелегко было ослабленным и истощённым людям бродить по полям в поисках старых овощей. Требовалось определённое усилие, чтобы пройти даже небольшое расстояние, и не каждому это удавалось. Даже если

они добирались до ближайшего поля, многие замёртво падали от измождения, так и не успев ничего найти.

Однажды днём к нам пришла мама моего школьного приятеля Петро. Плача, она рассказала, что Петро умирает прямо на поле в трёх километрах от нашего села. Эту новость ей принёс сосед, вернувшейся с поля в поисках промёрзшей картошки. Она пошла в поле и увидела мучения сына, но у неё не оказалось сил помочь ему. Поэтому несчастная мать попросила нас помочь принести её сына домой, живого или мёртвого.

Судьба их семьи мало чем отличалась от судеб многих сельских жителей. Отец Петро отказался вступать в колхоз, как это сделали сначала многие. Но власти давили на него и использовали любую уловку, чтобы уничтожить его, как единоличного хозяина. Два года назад его назначили возглавить Пятёрку. Это означало, что его жилище становилось местом постоянных сборов членов его Пятёрки, а на него самого ложилась полная ответственность перед государством за их действия. Поскольку государственный аппарат требовал от крестьян вступления в колхоз, то он был обязан агитировать членов своей Пятёрки и, конечно, подать личный пример.

Этот хитрый расчёт срабатывал во многих случаях, но отец Петро оказался крепким орешком. Он и члены его Пятёрки решительно отказались вступать в колхоз, решив остаться в стороне, и они жестоко поплатились за это. Хозяйство отца Петро обложили непосильными налогами, и когда он оказался не в состоянии расплатиться, его арестовали как «врага народа» и выслали куда-то на север. Всё хозяйство отобрал колхоз, а его жена с двумя детьми вынуждена была перебраться в дом родителей.

Несчастья продолжали преследовать её. Весной 1933 года от голода умерли её родители и младшая дочка. Она осталась вдвоём с сыном. И теперь, когда им удалось пережить страшный голод, Петро умирал где-то в поле. Мы не могли отказать в помощи матери Петро, хотя нам самим стоило больших усилий стоять на ногах. Ведь Петро был нашим другом и соседом, а больше просить о помощи некого: среди соседей не осталось сильных мужчин, способных выдержать дорогу в поле и обратно. Поэтому мы решили спасти Петро.

Единственным подручным средством, на котором мы могли перевезти Петро домой, была небольшая тележка, поскольку лошадей и телегу у нас отобрали ещё два года назад. Толкая эту тележку, мы с Миколой направились к картофельному полю, а мама Петро тяжело побрела следом, не желая отставать. В это время года дорогу сильно развезло, во многих местах стояли лужи с остатками талого снега. Наша обувь, если её ещё можно было так назвать, оказалась совершенно непригодной к такой дороге. Ноги у мамы Петро были обёрнуты какими-то тряпками, у Миколы и меня ноги были обуты в старые развалившиеся башмаки, обёрнутые сверху кусками брезента. Тяжёлая и липкая дорожная жижа прилипла к подошвам и делала трудным наше передвижение. Вступая по щиколотку в студёные грязные лужи, наши ноги окончательно промокли и замёрзли. Мама Петро, стараясь

не отстать от нас, только молча плакала, отказываясь повернуть к дому. Она продолжала надеяться увидеть своего сына живым. Микола и я решили посадить её на тележку. Однако нам не удалось сдвинуть с места тележку вместе с ней. Понимая, что своей настойчивостью она только задерживает нас, несчастная женщина поднялась и согласилась потихоньку брести за нами.

Продолжая свой путь к полю, мы нашли тела двух умерших людей. Во впадине между двумя холмами мой брат заметил что-то лежавшее на борозде, в нескольких метрах от дороги. Оставив тележку, мы пошли посмотреть, что это такое. Мы увидели тело взрослого мужчины, уткнувшегося лицом в землю. Он лежал без движений. Очевидно, этот человек упал, и у него не осталось сил подняться. Видимо, он лежал здесь давно, и зимой его тело занесло снегом. Мы пытались повернуть его на спину, но не смогли этого сделать. Его тело оставалось окоченевшим и примёрзшим к земле.

На этом месте Мама Петро добрела до нас и, увидев труп, громко закричала, но близко не подошла. Она попросила нас продолжить путь и поторопиться.

Она явно не поспевала за нами, и расстояние между ней и нами опять увеличивалось. Вечерело, и над полем начали собираться тяжёлые тучи. Где-то далеко шумел ливень, двигаясь в нашем направлении.

И опять нам пришлось остановиться. Пройдя около километра, в стороне от дороги мы увидели тело женщины, которую мы сразу узнали. Но её смерть не была вызвана голодом. Было очевидно, что её застрелили. Она лежала на спине в луже крови, смешанной с весенней жижей, и, казалось, что её глаза беспомощно смотрели прямо на нас. Смерть наступила недавно. Я старался представить, как это произошло. Её убийца не мог быть человеком, потерявшим от голода рассудок и способным убить из-за двух картофелин. Никто из сельских жителей не имел ружей, только представители власти и охрана носила оружие. Поэтому, вероятнее всего, женщину убил охранник, застав её на колхозном поле в поисках картофеля.

Как и в предыдущем случае, мы оставили тело нетронутым и продолжили свой путь. Начинало капать, и быстро темнело. Из последних сил мы устремились к тому месту, где по нашим представлениям мог быть Петро. Наконец, совсем уставшие, мы нашли его. Он был жив и лежал на земле, тяжело дыша. Длинный след, тянувшийся за ним, свидетельствовал о том, что до того, как потерять сознание, он долго полз по земле.

Нам удалось переложить Петро на тележку, она была недостаточно большой для него, и его ноги свешивались вниз. Наш путь обратно оказался ещё более трудным, потому что пошёл дождь. Нам пришлось медленно передвигаться по разбухшему месиву, толкая тяжёлую тележку.

Мы ожидали увидеть маму Петро и уже начали волноваться, не обнаружив её на дороге. Спустя немного времени мы нашли её. Она лежала в

грязи, не имея сил подняться. Она даже не могла говорить и только смотрела на нас широко открытыми глазами. Мы испугались, что она сейчас умрёт. Однако она смогла сделать лёгкое движение рукой, сигналив нам, что хочет увидеть своего сына. Мы помогли ей подняться и встать на ноги. С нашей помощью она добрела до тележки, но здесь силы опять покинули её, и несчастная женщина рухнула на тележку. Ситуация осложнилась. Мы с Миколой совсем выбились из сил и больше не могли толкать тележку, нагруженную двумя телами.

Видя нашу растерянность, мама Петро медленно подняла голову и попыталась что-то сказать, но не смогла. Она сползла с тележки, и слабеющей рукой указала на Петро. Мы поняли, что женщина просила нас оставить её здесь, а самими довести её сына до села. Она ещё надеялась, что мы можем спасти его.

Оставив её на поле, и надеясь вернуться за ней позже, мы заторопились обратно, насколько позволяли наши силы и ухудшающая погода. Когда мы, наконец, добрались до дома, уже совсем стемнело, и хлестал дождь. Мама успокоилась, увидев нас, и с её помощью мы перенесли Петро в хату.

Не давая себе передышки, мы с братом двинулись в обратный путь, чтобы привезти маму Петро. Наша мама решила пойти вместе с нами. Поэтому она укутала Петро, который дышал по-прежнему тяжело, но ровно, в старую одежду, чтобы он согрелся. Потом мы вышли на улицу, опять взяв с собой тележку.

Мы нашли маму Петро живой, но без сознания. Переложив её на тележку, мы медленно двинулись в обратный путь. В наступившей темноте и среди проливного дождя трудно было различить дорогу, поэтому часто наши ноги увязали в лужах. Несколько раз наша тележка переворачивалась, и несчастная мама Петро падала в грязь, но мы не сдавались. Промокшие и совершенно выбившиеся из сил, мы всё-таки добрались до дома. Наша мама, сама вымокшая до последней нитки, поторопилась переодеть маму Петро в сухую одежду, а мы с братом тем временем бросились к Петро. Мы тоже хотели поменять ему одежду, но, наклонившись над ним, мы увидели, что он умер. Мы сделали всё возможное, чтобы маме Петро было удобно, но она никогда не пришла в сознание и умерла той же ночью в ужасных судорогах. Мы очень переживали, но в то же время нас согревала мысль, что этим людям не пришлось в последнюю минуту их жизни лежать под проливным дождём на сырой земле.

Опять перед нами встал вопрос, что делать с телами наших умерших друзей. Нельзя было оставлять их в доме, но и невозможно было похоронить их на кладбище, как обычно настаивала наша мама. На этот раз мама, видя нашу безмерную усталость, предложила перевезти их в свою хату и оставить до прихода похоронной комиссии. Той же ночью мы так и поступили.

Глава 30

«Картофельная лихорадка» приняла новый оборот в конце апреля. В это время колхоз начал посадку будущего урожая. Изголодавшиеся жители села считали, что теперь им проще будет добыть немного картошки. Стало возможным выкопать только что посаженную картофелину, и многие начали так и делать. Другие выработали иную систему: найдя первую картофелину, они продолжали копать глубже.

Но в действительности всё происходило гораздо сложнее. Государство очень быстро сориентировалось и обеспечило охрану колхозных полей. Нам объявили, что запрещено обирать колхозные поля. Каждого, пойманного с поличным, ожидает расстрел.

Крестьян, пренебрёгших официальным предупреждением и не обращавших внимания на охрану, арестовывали и сажали в районную тюрьму. Вскоре появились слухи, что тюремщики в районной тюрьме хорошо кормят заключённых, выдавая им хлеб и другую еду. В результате, крестьяне, вместо поисков картошки стали искать охранников полей, чтобы те арестовали их и препроводили в районную тюрьму. Люди добровольно шли в тюрьмы, как убежище от голода. Таким образом, число «преступников» быстро увеличивалось.

Но так продолжалось недолго. Районные тюрьмы быстро переполнились. Кроме того, власти догадались об истинной причине увеличения численности «врагов народа». Чтобы остановить поток в районные тюрьмы, однажды объявили, что сельские «преступники» будут содержаться в сельских тюрьмах. Узники сельских тюрем вообще не получали никакого питания, и их семьи должны были носить передачи. Кроме того, те заключённые, у кого ещё оставались силы, обязаны были работать. Чаще всего им приходилось выкапывать могилы на кладбище, заниматься дорожными работами или трудиться в поле.

Весь апрель в нашей хате было холодно и неудобно. Мы уже сожгли всё, что горело, чтобы согреться. Коровник, свинарник и забор были разобраны по частям и использованы в качестве дров. Когда снег растаял, мы начали собирать по садам, дворам и вдоль дорог высохшие сорняки на растопку. Несмотря на все лишения, наша семья находилась в лучшем положении по сравнению с большинством жителей села, потому что у нас ещё оставалось немного картофеля и несколько мешочков зерна, спрятанных в стоге сена.

Кроме всего, у нас была корова! Благодаря нашей корове мы надеялись выжить. В начале мая у неё должен родиться телёнок, и у нас будет молоко.

Мы относились к корове как к нашей спасительнице. С наступлением зимы мы содержали её на другой половине хаты и заботились, как только могли. Мы старались делиться с ней всем, чем было можно.

Но в конце апреля наши надежды рухнули. Пришла повестка о том, что мы обязаны сдать государству 500 килограммов мяса. Это значило, что нас

принуждали лишиться коровы. Мы никогда так горько не плакали, как в тот день. Словно нашей жизни приходил конец, хотя это и было недалеко от истины.

К вечеру у нас появились члены хлебозаготовительной комиссии. Они даже не стали ждать обещанных в повестке 24 часов. Пока несколько человек сторожили нас в хате, другие быстро отвязали нашу корову и ушли. Всё это скорее выглядело как грабёж, а не законная процедура.

На следующий день мы осознали, в каком ужасном положении мы оказались. Уже пять месяцев, как мы жили впроголодь. С декабря у нас не было нормальной еды, за исключением тех продуктов, что мы купили в Торгсине. Нашей единственной надеждой была корова, она могла бы постоянно обеспечивать нас молоком, но этой надежды нас только что лишили. А сколько мы об этом говорили и мечтали! Теперь, нам не на что было надеяться.

Тем временем, голод безжалостно добивал нас. Боли в моём пустом желудке становились непереносимыми. Я чувствовал постоянную слабость, головокружение и еле стоял на ногах. Мне казалось, я схожу с ума: ни о чём, кроме еды, я не мог думать, что бы я ни делал, чем бы ни занимался. Я мечтал о любой еде, но особенно — о хлебе, свежеиспечённом, мягком и тёплом, только что вынутым из печи. Я ощущал и вдыхал его аромат, я чувствовал вкус свежеиспечённого хлеба. Мне мерещились горы белого и чёрного хлеба. Если бы я мог съесть хоть один кусочек! Больше мне ничего было не нужно.

Эти мечты помогали мне отвлекаться и забывать о болях в животе. Но стоило мне отвлечься от моих видений, как острая и жгучая голодная боль снова пронизывала мой желудок и сводила меня с ума.

Но, слава Богу, несмотря на эти навязчивые галлюцинации, большую часть времени мы продолжали ясно мыслить. Никто в здравом рассудке без борьбы не сдаётся на съедение голодной смерти. Нам надо было выжить, даже лишившись нашей коровы. Посоветавшись, мы решили действовать немедленно. Мама послала нас на реку ловить рыбу.

Без промедлений, Микола и я взяли старое ведро и самодельные удочки и направились к реке, протекавшей в двух километрах от села. Каждый год, начиная с Пасхи и почти до наступления холодов, мы раньше почти каждый день купались и плескались в тёплой речной воде. Кроме того, мы любили рыбачить и собирать птичьи яйца.

Эти беззаботные дни остались далеко позади. Теперь мы надеялись с помощью нашей любимой реки выстоять в борьбе между жизнью и смертью. Стоял туман, и было слегка прохладно, когда мы ступили на песчаную дорогу, исхоженную нами тысячу раз до этого. Мы знали каждый кустик и каждое дерево на пути к реке. Однако сейчас всё было по-другому.

Пройдя мимо заброшенной мельницы, мы заметили какой-то предмет на некотором расстоянии от нас. Приблизившись, мы увидели, что это был труп женщины. Мы сразу узнали её: наша соседка Оксана Шевченко.

На долю Оксаны выпали те же испытания, которые пришлось пережить многим нашим односельчанам. Два года назад её отца объявили кулаком, арестовали и сослали в лагерь. Несколько месяцев спустя, умерла мать Оксаны, и восемнадцатилетняя девушка приняла на себя заботу о двенадцатилетней сестрёнке и семилетнем брате.

Но настоящие проблемы только начинались. Однажды она получила повестку, в которой извещалось, что, как кулацкая семья, они обязаны сдать государству определённое количество мяса и зерна. Требование звучало более чем возмутительно, потому что всё, чем владела семья, отобрали при аресте отца, и последние два года им нечего было есть. Но государство такое положение вещей в расчёт не брало.

На следующий день после получения повестки на пороге хаты появились члены хлебозаготовительной комиссии. Они всё перевернули кругом, в поисках спрятанного хлеба и мяса, но так ничего и не обнаружили. Но они не оставили Оксану в покое. Ей объявили, что поскольку она отказалась уплатить государственный налог в виде зерна и мяса, то власти вынуждены конфисковать в пользу государства её хату. К несчастью, крыша хаты оказалась покрыта жестяным листом, а одно это уже являлось признаком кулачества.

Слёзы и мольбы Оксаны никого не растрогали. Представители власти остались равнодушными к плачу детей, брата и сестры девушки, цеплявшихся за её юбку.

Наоборот, начальник комиссии постарался ещё больше утратить их и пригрозил наганом. Он быстро выхватил оружие из кобуры и прицелился в голову Оксаны, пригрозив, что выстрелит, если дети не прекратят рёв. Но угрозы не подействовали, и тогда он приказал членам комиссии силой выволочь детей из хаты. Когда представители комиссии проявили в этом деле нерешительность, он навёл наган на ближайшего к нему подчинённого и сказал, что убьёт его, если он не выполнит приказания. Детей вытащили на улицу, при этом они кричали и сильно сопротивлялись. Оксана упала, потеряв сознание, и её просто выволокли из хаты. Комиссия опечатала окна и двери и ушла, ни сколько не заботясь о судьбе детей.

Пережив весь этот ужас, Оксана с младшими детьми нашла приют в доме у своей тётки. Несколько месяцев спустя её младшая сестрёнка умерла от пневмонии. За неё вскоре последовала родная тётка, не выдержав голода. Оксана осталась вдвоём с младшим братом Степаном.

Все эти несчастья произошли около года назад. Сейчас на песчаной дороге он лежала перед нами мёртвой. Скорее всего, она, как и мы, направлялась к реке или в лес, чтобы найти что-нибудь съедобное. Но не дошла. Следы на песке свидетельствовали, что она какое-то время ползла.

Оксана лежала лицом вниз, и её опухшие от голода руки были широко раскинуты в стороны, а зубы впились в песок, словно она пыталась его есть.

Это было грустное зрелище, но мы уже видели столько смертей, что нам осталось только постоять в молчании перед ней, и пойти дальше. Ведь помочь Оксане мы теперь не могли.

Через лес мы пробрались самой короткой дорогой к реке. Здесь было тихо. Пробираясь по лесу, нас охватило чувство, что деревья и кустарники знают о нашей трагедии. Ветра не было, но казалось, как будто ветви высоких и тёмных сосен перешёптывались между собой. То здесь, то там тишина иногда нарушалась треском сломанной ветки или криком сороки.

Туман теперь стелился по земле, обнажив влажные ветви деревьев. Мы с братом всегда ходили этой дорогой к реке, сокращая путь и любуясь лесными красотами. Однако на этот раз у нас были другие интересы. Нам хотелось найти что-нибудь съедобное. Мы разделились и начали поиски вокруг. Я ничего не нашёл кроме нескольких ядовитых грибов. Вдруг Микола радостно окликнул меня. Я подошёл и увидел, что брат жадными глазами уставился на ежа.

— Чего ты так обрадовался? — спросил я его сердито.

— Помнишь ту книгу об Африке, и как жители джунглей ели всё живое, что им попадалось? Почему бы нам его не попробовать? — ответил Микола, не обратив внимание на моё раздражение и указывая пальцем на ежа, обнюхивавшего в это время какие-то высохшие грибы.

Я присмотрелся к этому зверьку и понял, что Микола прав.

— Эй! — воскликнул я. — Да ты посмотри только на его морду! Прямо как у свиньи!

— Спорим, что его тоже мясо будет напоминать свиное, — произнёс Микола.

— Но как нам снять с него кожу? — озадачился я.

— Мы опалим его, как в старину готовили поросёнка перед Рождеством.

Не теряя времени, мы проворно накинули на животное мешок. Брат меня окончательно убедил. Если люди поедают ящериц, улиток и даже гремучих змей, почему бы нам ни съесть дикобраза, предварительно опалив его ворсистую шубу и колючие иголки?

Коммунистическая партия ещё не издала указа, запрещающего поедать ежей или каких-то других диких животных. Развлекаясь такими мыслями, я неистово искал под деревьями ежей, но напрасно. Однако Микола в другом месте обнаружил ещё одного ежа, и я услышал его радостный крик, что этот второй ёж крупнее первого. Мы не зря потратили день. В нашем улове уже было два ежа, а впереди нас ожидала река, где можно было поймать рыбу.

Мама просила нас заглянуть к семье Прокопа, нашему дальнему родственнику, которая жила на самом берегу реки. Самого Прокопа арестовали прошлой весной, как не уплатившего налогов по зерну и мясу. Однажды ночью его увезли в районную тюрьму, и с тех пор о нём не было никаких известий. Никто даже не знал, что с ним стало дальше. Его жена продолжала жить в маленьком домике на речке вместе с шестилетней дочкой. Последний раз мы их видели в ноябре, перед первым снегопадом.

Маму волновало, как они пережили зиму, поэтому мы решили навести нашу тётку, тем более она хорошо знала местность вокруг реки, умела ловить рыбу, а мы могли бы попросить воспользоваться их лодкой.

Уже перевалило за полдень, когда мы, наконец, добрались до домика Прокопа. Подходя поближе, у нас всё трепетало внутри. Прошедшая зима была суровой. Мало ли что произошло с нашими родственниками в их маленьком домике? Дом стоял по-прежнему, но вокруг не было признаков жизни. Перед входной дверью чернела кучка не растаявшего снега. Передние окна оказались завешанными изнутри какой-то тряпкой.

Сначала мы осторожно постучали в дверь, затем постучали погромче, но никто не отозвался. Я надавил на ручку и попытался открыть дверь. Она оказалась запертой. Мы побежали к задним окнам, но они тоже оказались завешанными. Выхода не было, оставалось сломать дверь. Мы приложили все наши силы, и дверь поддалась. Но как только мы её приоткрыли, сразу почувствовали тошнотворный запах изнутри. Мы подбежали к окнам и сдернули занавески, потому что внутри стояла темень. Лучи дневного света проникли в комнату, открывая перед нами ужасную картину. Безголовое тело нашей тёти лежало на полу, а в нескольких шагах — её голова. Очевидно, голову оторвала какая-то сила, но следов крови было совсем немного.

Вскоре всё стало ясно. Мы оглянулись вокруг и увидели верёвку с петлёй, свисавшую с потолочной балки. Тётя повесилась. Спустя какое-то время тело начало разлагаться, и шея оборвалась, поэтому и крови почти не было.

Преодолев первое потрясение от увиденного, мы стали искать её маленькую дочку. Она лежала на скамейке. Видимо, она умерла первой. Её глаза и ротик были закрыты, а маленькие худенькие ручки сложены на груди. Она было аккуратно одета в голубое платье, которое обычно одевала, когда приходила к нам в гости, а волосы её оказались тщательно причёсаны.

Дом стоял пустым. Видимо, всю мебель сожгли вместо дров. Не осталось следов какой-нибудь еды. Нам стало ясно, что, оставшись без мужа, потеряв в голодное время единственного ребёнка, для нашей тёти, как и для нашей соседке Соломии, жизнь потеряла всякий смысл. Перед тем, как расстаться с жизнью, она заперла дверь и завесила все окна. Их дом стал одновременно их гробом.

Мы были потрясены зрелищем разлагающихся мёртвых тел и пронзительной тишиной. Мы стояли безмолвно и беспомощно. Даже повидав

много смертей, нам стало страшно. Больше оставаться в доме не было сил, и мы выбежали наружу глотнуть свежего воздуха и собраться с духом.

После того, что мы сейчас узнали и увидели, в нас пропало всякое желание искать пропитание или ловить рыбу. Поэтому мы повернули обратно к дому.

Когда мы рассказали маме, что мы обнаружили в домике дяди Прокопа, она, как всегда, внешне осталась спокойной. Но долго ей не удалось сдерживать свои эмоции. Расспросив нас, она отвернулась и дала волю слезам.

Остаток дня мы провели, разделявая добытых ежей. Микола проворно опалил их, словно занимался этим всю жизнь. Поджаренные ежи с картошкой оказались необыкновенно вкусными.

Когда мы легли спать, я долго не мог уснуть. Я по-прежнему видел перед собой голову своей тётки, смотревшей с пола на меня своими остекленевшими глазами.

Рано утром, ещё до рассвета, мама разбудила нас, чтобы идти к домику на реке и похоронить своих родственников. Когда мы добрались до места, уже сверкало солнце. Для похорон у нас ничего не было, и не осталось сил копать могилу. Поэтому мы воспользовались заброшенной картофельной ямой. Обернув тела в домотканые покрывала, мы осторожно спустили их эту импровизированную могилу. Засыпав тела землёй, мама произнесла молитву и положила сверху деревянный крест, который я сделал из двух палочек.

Плакать мы больше не могли. Испытав столько страданий и пережив столько трагических потерь, мы словно оцепенели.

— Почему они должны были умереть? — вдруг спросил Микола, нарушая мёртвую тишину.

— Хотела бы я знать, — ответила мама.

По пути домой я думал о наших собственных похоронах и о том, кому придётся хоронить нас. Не осталось никого.

Эпилог

К началу мая наше село совершенно обезлюдело, ужас затаился в каждом доме и каждом дворе. Мы чувствовали так, словно весь мир покинул нас. Главная дорога, на которой раньше кипела жизнь села, теперь стояла совершенно пустой и стала зарастать сорняками и травой. Редко можно было увидеть одинокого прохожего или кошку с собакой. Многие хаты стояли обветшалыми и опустевшими, с распахнутыми окнами и дверями. Хозяева либо умерли, либо были сосланы в концентрационные лагеря, либо покинули село в поисках средств к существованию. Когда-то эти светлые аккуратные домики были окружены амбарами, конюшнями, хлевами, загонами для свиней и заборами. Теперь можно было увидеть лишь остатки этих строений. Все они оказались разобранными по частям и использованы вместо дров.

Даже деревьев не миновала такая же участь. Прекрасные ивы, всегда украшавшие украинские деревни и сёла, выглядели теперь изуродованными, с обломленными ветвями. Изголодавшиеся люди не имели сил срубить толстые ивовые стволы, и теперь они стояли вдоль дорог, словно увековечивая память страшной борьбе между лютой зимой и умирающими людьми. Фруктовые деревья тоже обломали на растопку. С лица земли исчезла половина знаменитых украинских садов. То, что от них осталось сейчас буйно цвело: вишнёвые, абрикосовые, яблоневого и сливовые деревья стояли окутанные белом и розовым цветом. Но цветение этой весной было не таким как раньше.

Вся земля перед домами и на задних дворах зияла безобразными ямами, следами «деятельности» хлебозаготовительной комиссии в поисках припрятанных запасов еды.

Село выглядело так, словно в нём обитали привидения. Как будто Чёрная Смерть пронеслась над нашим селением, заглушив людские голоса, звуки животных и птиц. Смертельная тишина покровом лежала на всём. Те несколько кошек и собак, чудесным образом пережившим ужасное время, выглядели теперь как экзотические животные.

К концу мая 1933 года голод пошёл на убыль. Массовые пытки прекратились. Овощи и фрукты стали доступны каждому, кто имел силы выйти на улицу. Кроме того, власти нуждались в рабочих руках. Поэтому им не оставалось ничего, как обеспечить трудоспособных членов колхоза необходимым продовольствием, чтобы они могли работать. И сельские жители, которые ещё могли стоять на ногах, лишённые всего, униженные, измождённые голодом, из последних сил побрели в колхоз, чтобы заработать кусок хлеба и одну или две порции пшёнки или гречневой каши. Те, кто уже не мог работать, оставались на милость родственников и друзей.

Мне повезло. Несмотря на нищету и полное истощение от голода, меня никогда не покидала мысль получить высшее образование. Благодаря стремлению учиться дальше, мне удалось навсегда уехать из села.

Обессиленный, живший в абсолютной нищете среди трупов односельчан, я, тем не менее, сделал почти невозможное, чтобы завершить моё среднее образование.

В то время в нашем селе была школа-девятилетка. Она состояла из четырёх классов начальной школы и средней школы, с пятого по девятый класс. Окончив девятилетку, можно было пойти учиться в институт.

В 1933 году я заканчивал последний класс и в июне должен был сдавать выпускные экзамены. Но многие мои одноклассники так никогда и не получили своих аттестатов. С наступлением голода резко упала посещаемость. Многие умерли. Некоторые школьники бросили школу и вынуждены были искать средства к существованию. Кому-то посчастливилось уехать с Украины, в основном — на территорию России, где голода не было. Многих крестьян раскулачивали и целыми семьями

ссылали в Сибирь. Поэтому в начале марта наша школа закрылась, и несколько оставшихся учеников остались предоставлены сами себе. Но, несмотря на все трудности, я не оставил своей мечты об образовании. И моя настойчивость увенчалась успехом: меня приняли в школу в соседнем селе, и в июне я получил аттестат зрелости. Это стало поворотным пунктом в моей жизни. Я решил бежать. Не помню точной даты, но знаю, что тот день стал самым важным днём в моей судьбе.

Однажды ночью, с куском хлеба в заплечном мешке и пятью карбованцами в кармане, одетый в заплатанные брюки и не по размерам большую рубаху, босой, я тайком выбрался из села и направился в районный центр. Я слышал, что там открыли подготовительные курсы для тех, кто имел аттестат и хотел поступить в институт. Удача не покинула меня, и с помощью хороших людей я был зачислен на эти курсы. По окончании курсов я поступил в педагогический институт. Четыре года спустя, я получил диплом учителя средней школы. Когда началась Вторая Мировая война, я стал солдатом. Я попал в плен к немцам и оказался в СТАЛАГЕ № 3 в Германии.

После окончания войны, зная, что Советский Союз считает всех русских военнопленных предателями родины и поэтому дома их ждёт расстрел, я решил остаться в Западной Германии как перемещённое лицо. Позже мне удалось перебраться в Америку.

Мои мама и брат, которые страдали вместе со мной и делились последним кусочком хлеба, и кому я обязан своей жизнью, остались в селе. У них не было выбора, как продолжать работать в колхозе. Вторая Мировая война развела нас, и что стало с ними после, я не знаю.

Из предисловия к англоязычному изданию

Miron Dolot (nom-de-plume), a Famine survivor who immigrated to the United States after World War II, began this book in 1953, and completed it in 1983. He describes the destruction of his village between the years 1929–1933, and states that he wrote only about what he saw and experienced personally. His Introduction provides a historical background from 1921. He notes the condition and population of farm and wild animals in the Famine areas. In 1928, there were 32 million horses in Ukraine, in 1934, that number decreased to 15.5 million. These horses died because their value as laboring animals lessened by the introduction of mechanical tractors. Since these animals no longer provided ‘good communist labor,’ they were not fed or cared for properly. Like those humans who were too old, young, or infirm to work, farm animals, likewise, were considered “useless eaters.” Horses were taken from their private owners for use at the collective farms, but this often was done before any plans or preparations for their care, feeding, or shelter had been made (91).

Pets were killed for skins and food (151–152). Nightingales and other wild birds were killed for the small amount of food their bodies provided. So many

birds were killed that their sweet song was silenced for years, until stocks naturally re-populated from outside the Famine-affected areas (173).

At the beginning of 1931, 1/3rd of the human population of his village already had been exiled or killed. He describes interrogations; propaganda campaigns to solve problems of agriculture; forced separation of families by G.P.U.; the selling of goods in exchange for food. Travel restrictions sealed people in areas of the country from which all foodstuffs had been removed. He describes hungry people tormented by thoughts of food (141–143). Significantly, he notes that the 1932 harvest was confiscated, and then left to rot at railway stations (161).

Dolot cites the November 6, 1932, Council of People's Commissars and Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union Resolution prohibiting trade, removal of merchandise, forbidding "trade of foodstuffs." "We were imprisoned in our village without food, and sentenced to die the slow, agonizing death of starvation" (176).

The often futile begging, examples of mercy even during these worst of times, and cannibalism that resulted from the insanity of starvation are noted. The situation of children was particularly uncertain. A child, whose parents had already died, cried for help, "My mommy won't wake up!" (207).